

А. В. Конопатченков

КОНЦЛАГЕРЬ МАУТХАУЗЕН

1938-1945

Москва 2015

ББК 63.3(0)62

К64

Конопатченков, А. В.

Концлагерь Маутхаузен: монография / А. В. Конопатченков. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. — 134 с.

Памяти погибших в концлагере Маутхаузен

ISBN 978-5-906768-67-4

История концлагерей нацистской Германии является неотъемлемой частью Второй Мировой войны и позорнейшей страницей в истории человечества. Книга описывает историю одного из самых крупных и зловещих концлагерей Третьего Рейха, начавшего свое существование в августе 1938 г. недалеко от города Линц (Австрия).

Узниками Маутхаузена были граждане более 30 стран Европы, Азии и Америки: у них не было имен, судеб и будущего. Около 200 тысяч человек были депортированы в лагерь, большая часть из них была умерщвлена. На воротах лагеря были написаны страшные слова: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Жизни сотен тысяч человек были для нацистского режима всего лишь экономическим ресурсом, бесплатной рабочей силой. Вся мировая общественность ужаснулась, когда после войны стали известны факты о чудовищно бесчеловечном отношении к узникам концлагерей.

Условия содержания узников, питание и режим рабского труда, их психофизиологическое состояние, внутренняя позиция, жажда к жизни и сопротивление — сделанный автором интегральный анализ лишь в определенной степени может приблизиться к пониманию происходившего за колючей проволокой. Показательным является то, что даже в этих невыносимых условиях узники различных национальностей продолжали поддерживать друг друга и бороться до последнего дыхания.

Текст книги опирается на диссертационное исследование автора «Концентрационные лагеря системы Маутхаузен в нацистской Германии (1938-1945 гг.): история, структура, сопротивление», выполненное на кафедре истории ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет».

ББК63.3(54)

ISBN 978-5-906768-67-4

©Конопатченков А. В., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
ГЛАВА I. Формирование лагерной системы Маутхаузен как важного звена пеницитарной системы фашистской Германии.....	10
1.1. Процесс учреждения лагеря: юридические, административные и экономические основы организации лагерной системы	10
1.2. Складывание хозяйственной структуры и изменения функционирования Маутхаузена в условиях кризиса военного времени.....	18
1.3. Расширение комплекса лагерей в соответствии с целями военного производства.....	28
ГЛАВА 2. Внутренняя жизнь лагерной системы Маутхаузен.....	40
2.1. Условия жизни, труда и способы уничтожения узников	40
2.2. Социально-психологические аспекты пребывания узников различных национальностей и межкультурные отношения.....	51
2.3. Специфика режима советских узников	55
2.4. Управление лагерной системой	59
Глава 3. Организация сопротивления в лагерной системе Маутхаузен	69
3.1. Деятельность национальных комитетов	69
3.2. Побег советских офицеров 2 февраля 1945 года из 20 блока.....	79
3.3. Последние дни существования лагеря в апреле-мае 1945 года	86
Заключение	102
Список источников и литературы.....	106
Приложения	112

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что концлагеря фашистской Германии – явление уникальное и по своим масштабам и по своей жестокости. Необходимая для подавления инакомыслия в тоталитарном государстве Третьего Рейха, страшная пеницитарная система была признана мировой общественностью преступлением против человечества.

Исследователи насчитывают более 60 видов лагерей Третьего Рейха, назовем их основные типы: лагеря военнопленных (Дулаги, Шталаги, Офлаг и т.д.), трудовые лагеря (например - лагеря для «восточных рабочих»), собственно концентрационные лагеря (Дахау, Бухенвальд, Маутхаузен и т.д.) и лагеря для массового уничтожения евреев в рамках «Окончательного решения еврейского вопроса» (6 лагерей: Хелмно, Трешлинка, Бельзец, Собибор, Майданек и Освенцим-II (Бжезинка)¹.

Концлагеря фашистской Германии – явление уникальное и по своим масштабам и по своей жестокости. Первоначально необходимая для подавления инакомыслия в тоталитарном государстве Третьего Рейха страшная пеницитарная система была признана мировой общественностью преступлением против человечества.

С 1933 по 1945 год в основных концентрационных лагерях Третьего Рейха содержалось более 1,5 млн. заключенных, 1,2 млн. из них были убиты. Всего же нацистами содержалось в заключении (в том числе и в лагерях уничтожения) около 18 млн. человек, из которых 11 млн. погибли². Эти многомиллионные жертвы оказали огромное влияние на всю последующую послевоенную жизнь народов всех тех стран, которые были втянуты во Вторую мировую войну

Концлагеря были разбросаны по всей территории Третьего Рейха и имели похожую структуру управления и организации. Однако каждый концлагерь имел свою специфику условий, национального состава заключенных, рабочей занятости узников и т.д. Так как труд узников был важным производственным ресурсом, у каждого концлагеря было свое функциональное «предназначение» и зачастую организация «подрядчик». Использование рабского труда заключенных было принято многими производственными концернами (например, такими как Штайер и Сименс и др.).

Одним из самых крупных и зловещих концлагерей был Маутхаузен. В августе 1938 года недалеко от города Линц (Австрия) начала свое существование система концентрационных лагерей, объединенная вокруг давшего ей название города Маутхаузен. Система концентрационных лагерей

Маутхаузен по составу была самой интернациональной среди всех фашистских концлагерей: узниками Маутхаузена были граждане более 30 стран Европы, Азии и Америки. Самые большие национальные группы узников составляли поляки и граждане Советского Союза. Чуть меньше было испанцев-интербригадистов, французов, чехов, итальянцев, югославов, венгров и евреев.

Около 200 тысяч человек вошли в ворота этой страшной системы, большая часть которых была умерщвлена. Кроме центрального концлагеря, система лагерей Маутхаузен насчитывала 49 филиалов. Филиалы лагеря были распределены по территории практически всей современной Австрии.

Занятость, состав и условия содержания узников менялись в разные периоды в зависимости от задач, стоявших перед руководством фашистской Германии.

В настоящее время существует множество домыслов и мифов о событиях, происходивших в фашистских концлагерях. Существуют неверные точки зрения относительно причин депортации, условий пребывания узников и причин смерти.

Эти антинаучные домыслы способствуют появлению нетрадиционных позиций историков-ревизионистов. Четкое воспроизведение происходившего, на мой взгляд, способно прекратить фривольную интерпретацию событий.

Условия содержания узников, питание и режим труда, их психофизиологическое состояние и динамика изменений состояний, внутренняя позиция и жажда к жизни – только интегральный анализ может дать адекватное понимание происходившего в концлагере с человеком.

Все зарубежные исследователи и публицисты по понятным причинам не уделяют достаточное внимание вопросу о пребывании в концлагере советских узников, хотя их количество было весьма значительным. Существенно важным является определение точного количества советских узников, депортированных в концлагерь, выяснение их судьбы и определение статистических данных, выверенных в соответствии с данными архивов.

Неотъемлемой страницей истории концлагеря является тема подпольного сопротивления. В каждой национальной группе узников были свои предпосылки, свой характер и своя уникальная деятельность по организации подпольного движения. Довольно много времени потребовалось для налаживания связи между разными национальными центрами сопротивления и попыткой создания интернациональной системы.

Важнейшей частью картины движения сопротивления можно считать историю советских офицеров, узников «Блока смерти», попадавших в этот отдельный барак в соответствии с фашистской операцией «Акция-К» и заведомо обреченные на смерть. Дерзкий побег, совершенный ослабевшими узниками 2 февраля 1945 года, ошеломил не только администрацию концлагеря, но и всю область Верхней Австрии. Охота, которая шла за более чем 400 беглецами, и в которой было активно задействовано местное

¹ Лакёр У., Баумель Ю.Т. Холокост. Энциклопедия. М., 2008. С. 321.

² Dokumente zur deutschen Geschichte. Roderberg Verlag. Frankfurt am Main, 1977. S. 142.

население, привела к тому, что спаслось не более 20 человек. Спасение это стало возможно во многом потому, что отдельные австрийские семьи, презрев страх перед эсесовцами, спрятали беглецов до прихода Советской Армии. Анализ этого события и его последствий приводит к выяснению адекватной картины отношения местного населения к узникам концлагеря, а также заставляет пересмотреть многие аспекты развития движения сопротивления в фашистских концлагерях.

Этот подвиг обреченных на смерть людей ясно показывает, что возможность побега была даже в таких плачевных условиях, в которых находились советские офицеры.

Состояние научной разработки проблемы. История фашистских концлагерей — полная противоречий тема, широко обсуждаемая в общественных и научных кругах с момента окончания войны и по настоящее время. Существует огромная разница между характером и масштабами проведенных исследований в отечественной и зарубежной исторической науке.

Хронологические рамки исследования охватывают период существования системы лагерей Маутхаузена с момента основания центрального лагеря в августе 1938 года и до освобождения всех филиалов в мае 1945 года.

Источниковой базой исследования стал комплекс документов, отложившихся в разных структурах пеницитарной системы Третьего Рейха, в том числе, созданных администрацией лагеря Маутхаузен, общие документы государственного происхождения, статистические данные, периодика, отразившие историю концлагеря Маутхаузен.

Работа с источниками по данной тематике имеет явно выраженную специфику. Это связано, во-первых, с ограниченностью источников, так как многие процессы в концлагере не протоколировались вследствие понятных конспиративных причин. Во-вторых, многие имевшиеся эсесовские документы были уничтожены в последние дни войны с целью сокрытия имевших место преступлений. В-третьих, дошедшие до наших дней документы до сих пор представляют особую значимость и являются засекреченными документами.

В качестве документальных источников для освещения исследуемой проблемы привлечены архивные материалы из фондов Государственного Архива Российской Федерации, австрийского федерального Архива Маутхаузен-музея, немецкого архива Международной Поисковой Службы в Бад-Арользене, а также опубликованные материалы Нюрнбергского процесса. По характеру используемые в диссертации материалы данной группы — регистрационные списки узников, списки переводов, списки смертей узников, телеграммы и предписания подразделений СС, свидетельства, взятые у узников непосредственно после освобождения лагеря. Также необходимо

отметить особую важность статистических отчетных данных лагерной администрации перед вышестоящим руководством СС.

Для более объективного раскрытия темы автору пришлось лично проинтервьюировать около 20 бывших узников концлагеря Маутхаузен.

Использование разных групп источников позволило собрать достаточную источниковую базу для раскрытия цели и задач, поставленных в исследовании.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые в отечественной историографии предпринимается попытка комплексного исследования процессов возникновения и развития лагерной системы концлагеря Маутхаузен.

В диссертации показано развитие и основные этапы формирования и функционирования концлагеря Маутхаузен с его основания до освобождения, влияние хода боевых действий на фронтах Второй Мировой войны на изменения в административной и хозяйственной организации лагеря. Автор также показывает влияние внутренних процессов, происходивших в Третьем Рейхе, на функциональную занятость узников, сферу их труда и условия содержания, национальный состав. В работе отражается зависимость изменений характера труда узников от географического положения филиалов лагеря. Введена авторская периодизация процесса существования лагеря.

В работе исследованы условия пребывания узников различных национальностей. Бытовые условия, режим и условия работы, характер питания существенно отличался в зависимости от времени года, национальной принадлежности узника в различные периоды функционирования лагеря. Выяснение картины взаимоотношений между узниками внутри лагеря важно для более точного понимания внутреннего мира лагеря. Филологический анализ коммуникационных средств узников различного происхождения и национальностей во многом отражает социально-психологический аспект взаимоотношений узников. Состав интернационального словаря, применявшегося в среде узников, во многом характеризует степень взаимодействия между национальными группами.

Все эти тенденции дают возможность более точно понять причины и предпосылки возникновения движения сопротивления внутри лагеря, понять их особенности, динамику и меру взаимодействия. Деятельность подпольного движения характеризуется постоянным развитием и увеличением степени взаимодействия между узниками.

Отзывы об исследовании получены от Международной Поисковой Службы Красного Креста (Германия, г. Бад-Арользен), испанского Общества бывших узников Маутхаузена и других лагерей (Испания, Барселона), Национального музея современной истории (Словения, Любляна), Немецкого Маутхаузен-комитета (Штутгарт, Германия).

ГЛАВА I. Формирование лагерной системы Маутхаузен как важного звена пеницитарной системы фашистской Германии

1.1. Процесс учреждения лагеря: юридические, административные и экономические основы организации лагерной системы

С 1933 по 1945 год в основных концентрационных лагерях Третьего Рейха, исключая лагеря уничтожения еврейского народа, содержалось более 1,5 млн. заключенных, 1,2 млн. из них были убиты. Концлагеря были разбросаны по всей территории Третьего Рейха и имели похожую структуру управления и организации. Однако каждый концлагерь имел свою специфику условий, национального состава заключенных, рабочей занятости узников и т.д.

Одной из самых крупных и зловещих была система, организованная вокруг центрального лагеря Маутхаузен. Около 200 тысяч человек вошли в ворота этой страшной системы, большая часть которых была умерщвлена. Кроме центрального концлагеря, система лагерей Маутхаузен насчитывала 49 филиалов. Филиалы лагеря были распределены по территории практически всей современной Австрии. Лагерь был единственным лагерем самой строгой категории в Третьем рейхе.

Занятость, состав и условия содержания узников менялось в разные периоды в зависимости от задач, стоявших перед руководством фашистской Германии. До 1943 года труд узников использовался для добычи камня, необходимого для обустройства городов фашистской империи. Начиная со второй половины 1943 года, система лагерей Маутхаузена существенно расширяется и становится важной частью производства вооружений.

Последняя надежда немецкой армии выиграть войну в 1944-1945 годах базировалась на использовании ракет «Фау-2» и реактивных самолетов. Это вооружение производилось в штольнях подземных заводах в самых крупных филиалах Маутхаузена и осуществлялось исключительно за счет рабского труда десятков тысяч заключенных.

После прихода к власти Гитлера в Германии в 1933 году, растущая тоталитарная система остро нуждалась в концентрировании и физическом уничтожении больших масс своих политических противников. Уже 20 марта 1933 года Гиммлер, будучи уполномоченным начальником полиции Мюнхена и области, организовал на территории бывшей порошковой фабрики концлагерь Дахау³ неподалеку от города Мюнхен. Здесь в первое время содержались лица, негодные гитлеровскому режиму: коммунисты, социалисты, оппозиционно настроенные священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и другие «антисоциальные

³ Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. Munich, 1974. S. 45.

элементы». Концлагерь Дахау стал первым «копытным полигоном», где отработывалась система наказаний и других форм физических и психологических издевательств над узниками.

Так как единственный концентрационный лагерь не удовлетворял потребностям германской пеницитарной системы, в июле 1936 года был основан концлагерь Заксенхаузен рядом с городом Ораниенбург в Германии⁴. В июле 1937 года в Тюрингии организовывается концлагерь Бухенвальд⁵.

В августе 1938 года недалеко от города Линц начала свое существование система концентрационных лагерей, объединенная вокруг давшего ей название центрального лагеря Маутхаузен.

Принципиально можно сказать, что заключением и возможным освобождением узников концлагерей в сфере политических узников занимался отдел LV (Amt LV) в Гестапо, а превентивным заключением уголовных преступников и асоциальных элементов занимался 5 отдел уголовной полиции (AMT 5). Обе упомянутых служебных инстанции были учреждениями Главного управления имперской безопасности (RSHA). Первоначально концентрационные лагеря находились под управлением инспектора концентрационных лагерей (СС-фюрингсхауптманн). Начиная с 16 марта 1942 года они переходят в ведение Главного административно-хозяйственного управления СС (WVHA), которое занималось управлением системы лагерей и использованием рабочей силы. Гестапо и уголовная полиция, как направляющие организации, официально не имели контроля над концлагерями, однако у них были представители в «политических отделениях» концлагерей.

Национал-социалистические политики и исполнительная власть практиковала и ввела в употребление принцип, включающий судопроизводство для перевода арестованных лиц в концентрационные лагеря. Концентрационный лагерь был исполнительным местом «предупредительных» мер. Направление в лагерь должно было рассматриваться не в качестве наказания, а в качестве «объективной меры безопасности», которая только условно находилась связанной с виной или невиновностью жертвы. Это легализованное основание для депортации было обнаружено в декрете имперского президента об охране народа и государства от 28 февраля 1933 года⁶.

Превентивная борьба с преступниками охватывала лиц, уже имевших судимость ранее, а также цыган, уклоняющихся от работы рабочих, членов

⁴ Sachsenhausen : Путеводитель / Музей лагеря Заксенхаузен, отв. ред.: Эдуард Ульман. Берлин, 1979. С.23.

⁵ Бухенвальд: документы и сообщения / Отв. ред. Д.С. Карев. Москва, 1962. С. 43.

⁶ Кошелев Д.А. Краткий очерк германского национал-социалистического права (1933-1939) / Под ред. В.М. Ведяхина. Самара, 2004. С. 85.

религиозных сект, но, прежде всего, потенциальных и фактических политических противников. К примеру, можно упомянуть, что 1 июня 1938 года шеф полиции безопасности (SiPo) и службы безопасности (SD) Рейнхард Гейдрих провел обширную акцию против асоциальных элементов в масштабах всей территории империи. В соответствующем распоряжении он требовал ареста «... из каждой области управления уголовной полиции в точном соответствии указу от 14 декабря 1937 года минимум 200 трудоспособных лиц мужского пола ... кроме того, имеющих судимость евреев». Далее следовало обоснование: «быстрое проведение четырехлетнего плана⁷ требует использования всех сил и не допускает, чтобы асоциальные элементы были лишены работы и таким образом саботировали четырехлетний план»⁸. В этом документе ясно высказывается мысль о том, что принудительный труд был существенной целью - концентрационных лагерей.

Немцы, австрийцы и незначительное количество иностранных узников, которые были задержаны по политическим причинам, получали, по меньшей мере, до конца 1943 года, перед депортацией в концлагеря предписания о превентивном заключении. На официальном документе были указаны такие основания для ареста как «...государственной полицией установлено, что он, угрожая прочности и безопасности государства и народа, проводил нелегальную и изменническую деятельность»⁹.

Указ от 26 апреля 1934 года о превентивном заключении подозреваемых оставался в силе по январь 1938 года. После начала войны инструкции по проверкам подозреваемых неоднократно изменялись. Для определенных категорий арестованных, например рецидивистов, перепроверка была вообще отменена¹⁰.

Согласно высказыванию Кальтенбрунера на Международном военном трибунале в Нюрнберге 12 апреля 1946 года «каждый арест в рамках превентивного заключения в мирное время был многократно проверен, в военное время проверки удваивались»¹¹.

Легальные возможности для проверки узников превентивного заключения и депортации в лагерь были установлены внепарламентским чрезвычайным постановлением 28 февраля 1933 года, законом Пруссии от

⁷ Гитлеровский план переустройства экономической жизни Германии с целью перевода ее на военные рельсы. Объявлен 9 сентября 1936 во время празднования очередного съезда нацистской партии в Нюрнберге.

⁸ Kogon E. Der SS-Staat. S. 76.

⁹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. Е 4/5.

¹⁰ Kogon E. Der SS-Staat. S. 74.

¹¹ Der prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militargerichtshof Nurnberg, 14.11.1945 bis 1.10.1946. Nurnberg, 1948. B. XI. S. 346.

10 февраля 1936 года, и, наконец, указом от 25 января 1938 года¹². После начала войны начались бесчисленные превентивные акции, целью которых были массовые аресты и депортация задержанных в концлагеря (см. Приложение 1).

Перманентно растущая структура концлагерей требовала классификации и упорядочивания. 1 января 1941 года начальник Рейнхард Гейдрих издал распоряжение, классифицирующее существовавшие на тот момент концлагеря в несколько категорий. Дифференциация концлагерей на категории I, II и III проводилась в соответствии с условиями заключения и трудом узников.

Категория I определялась следующим образом¹³: «для всех, кому не предъявлено серьезных обвинений и относительно способных исправиться заключенных, а также для особых случаев и одиночного заключения». Для этого были предусмотрены концлагеря Дахау, Заксенхаузен, а также основной лагерь Освенцим (Освенцим-I).

Категория Ia была предназначена: «для особенно нуждающихся в бережном обращении, старых и едва ли работоспособных арестантов». Под этой формулировкой имелись в виду знаменитые политики, священнослужители, и другие лица, получившие какую-либо протекцию. Они должны были работать на плантации лекарственных трав в Дахау.

Категория II была предназначена для «совершивших тяжкие преступления, но однако поддающихся воспитанию и способных исправиться узников». К этой категории относились лагеря Бухенвальд, Флоссенбург, Нойегамме, Освенцим II (Биркенау).

Самая тяжелая категория III была предназначена для «совершивших тяжкие преступления и неисправимых заключенных, а также уголовных заключенных и асоциальных элементов, которых едва ли удастся перевоспитать». Для содержания этих заключенных предназначался только лагерь Маутхаузен.

Почему именно Маутхаузен получил эту категорию при распределении, точно не выяснено. Предположительно это было сделано из-за его изолированного положения и наличия каменоломен. Естественно, что это решение Гейдриха было полностью одобрено Гиммлером. Скорее всего, основной целью это разделения было установление дифференциации узников для уничтожения их через принудительный труд.

Однако, необходимо заметить, что указанное распределение по категориям должно было быть во внутреннем использовании внутри RSHA еще перед 1 января 1941 года. Это иллюстрирует следующий пример.

¹² Kogon E. Der SS-Staat. S. 120.

¹³ Der prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militargerichtshof Nurnberg. B. XXVI. S. 695-697. Doc. 1063.

14 октября 1940 года комендант концлагеря Освенцим Рудольф Гесс был проинформирован инспектором всех концлагерей бригаденфюрером Рихардом Глюксом о решении Гиммлера в связи с произошедшим побегом заключенных: «5 гражданских рабочих должны быть наказаны трехкратным телесным наказанием в 25 ударов и пятилетним заключением в концлагере третьей степени (Маутхаузен); 11 узников должны быть наказаны однократным телесным наказанием в 25 ударов и заключением в концлагерь второй категории (Флоссенбург)»¹⁴.

Это решение также достойно внимания и потому, что эти 5 гражданских рабочих из-за совершенного ими побега уже были осуждены 22 июля 1940 года начальником полиции Эрихом фон дем Бахом (Целевски) на смерть через расстрел. Таким образом, Гимлер заменял им смертный приговор депортацией в Маутхаузен.

Этот случай, как и некоторые другие (например, бесцеремонное уничтожение тысяч поляков зимой 1940/41 года), доказывает, что уже до 1 января 1941 года концлагерю Маутхаузен были присуждена категория лагеря уничтожения. Все имевшие здесь место массовые убийства испанцев-республиканцев, советских военнопленных, голландских евреев, поляков и чехов в 1941 и 1942 годах отчетливо демонстрируют, что фашистские органы власти осознанно использовали этот лагерь в качестве учреждения для террора и уничтожения узников.

Когда из-за преследования голландских евреев 24 февраля 1941 года в Амстердаме началась забастовка, немецкие оккупационные власти в качестве ответных мер начали задерживать евреев в возрасте от 20 до 35 лет. 17 июня 1941 года 348 евреев было отправлено в концлагерь Бухенвальд, а 25 июня 291 человек был направлен в концлагерь Маутхаузен сразу из Амстердама¹⁵.

И уже в июле в Амстердам стали приходить траурные извещения. Умерщвление этих людей и сообщение об их скорой смерти населению являлось спроектированной акцией устрашения. В последующих случаях волнений немецкие оккупационные власти специально разделяли в качестве угрозы наказания депортацию заключенных в концлагерь Маутхаузен от депортации в другие лагеря. Примером такой специфической угрозы может служить специальный выпуск журнала «*Jet Joodsche Weekblad*» от 7 августа 1942 года, рассказывавший для всех евреев про последствия отказа от работы, отказа носить звезду Давида и не сообщавшим об изменении своего местожительства.

3 сентября 1941 года Гиммлер назначил в Нидерланды обергруппенфюрера австрийского происхождения - Ганса Альбин Раутера.

¹⁴ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. Linz, 1995. S. 35.

¹⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. J 8/4.

Согласно записи протокола, он был уполномочен: «депортировать в Маутхаузен ... от 3000 до 4000 в возрасте, если возможно, от 18 до 35 лет ... коммунистов, поскольку они опасны, городских жителей, ведущих подстрекательскую деятельность, а также евреев»¹⁶.

С лета 1939 года до поздней осени 1943 года направление в концлагерь Маутхаузен для всех евреев и советских военнопленных, а также для большего числа поляков, чехов, испанцев-республиканцев, югославов, бельгийцев, французов, австрийских и немецких коммунистов, цыган и для отдельных католиков из Тироля, означало для них фактически смертный приговор, непосредственно связанный с трудом в каменоломне или строительстве¹⁷.

В предписании от 5 ноября 1942 года Главного управления имперской безопасности всем учреждениям полиции, в соответствии с соглашением, принятым Гитлером, Гиммлером и Отто Тираком, упорядоченное производство по уголовным делам поляков и представителям восточных народов применяться не должно¹⁸. Таких лиц, включая цыган и евреев, следовало передавать в полицию и направлять в концлагерь. 26 ноября 1942 года был издан ряд предписаний по узникам, которые были арестованы для «сохранения безопасности» (*Sicherheitsverwahrung*), и которые преимущественно пересылались из немецких тюрем. Именно эти узники обозначались как SV-заключенные.

Согласно письму от 16 марта 1943 года начальника Главного административно-хозяйственного управления СС Освальда Поля Гиммлеру с 26 ноября 1942 года по 1 марта 1943 года немецкой юстицией в концлагерь передан 10191 SV-заключенный, из них 7587 - в Маутхаузен. 3853 из указанного числа узников умерли до 1 марта 1943 года. За эти 3 месяца 3306 из них погибли в Маутхаузене, 443 - в других концлагерях. В отношении этой высокой смертности Освальд Поль цинично рассуждал, что «Маутхаузен, несомненно, получал самый плохой материал»¹⁹. Из 10231 SV-узников, переведенных в Маутхаузен с 26 ноября 1942 года по 16 февраля 1944 года, умерло 6736 человек²⁰.

Темпы систематического уничтожения в концлагере Маутхаузен уменьшились только тогда, когда основной упор был сделан на использовании всех узников в военной промышленности. Это изменение начало происходить осенью 1943 года, с этой даты уничтожение отдельных

¹⁶ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. J 8/4.

¹⁷ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. S. 216.

¹⁸ Der prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem internationalen Militärgerichtshof Nürnberg. B. XXXVIII, S. 98., Doc. L-316.

¹⁹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. O 2/4. [Копия указа].

²⁰ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. O 2/1. [Копия статистической справки].

узников не ставилось на передний план. С этого времени практика распределения узников по категориям концлагерей потеряло широкий характер употребления. Однако по апрель 1945 года отдельные узники и группы узников направлялись в Маутхаузен как из гестапо, так и из других лагерей (к примеру: Дахау, Бухенвальд, Натцвайлер, Освенцим, Гросс-розен и Флоссенбург) с отметкой о направлении в лагерь третьей категории.

Определенные группы узников (например, союзные парашютисты, около 5000 советских офицеров, немецкие и австрийские коммунисты, активисты еврейских политических организаций) были целенаправленно уничтожены либо сразу по прибытии в лагерь, либо в течение нескольких недель.

3 августа 1944 года руководитель полиции безопасности (SiPo) и службы безопасности (SD) Мюллер, ссылаясь на указания Гиммлера от 7 мая 1944 года, инструктировал: «... в будущем направлять в Маутхаузен только тех арестованных, которые попадают под усиленные нормы. Особенно на эти директивы по распределению узников необходимо обращать внимание при известных условиях, особенно когда основание для превентивного заключения подтверждается. Если в Маутхаузене есть узники категории I и II, их предписывается перевести отсюда в другие концлагеря»²¹.

Однако до сих пор не найдены документы или указания о последовавших после 3 августа 1944 года переводах в другие концлагеря. Многие узники категории I и II, работавшие на военном производстве, оставались и далее в Маутхаузене.

Рабское положение узников очень хорошо иллюстрирует предписание Освальда Поля от 30 апреля 1942 года всем комендантам концлагерей, где дословно сообщалось: «... использование должно быть в буквальном смысле слова исчерпывающим, достигающим максимальной степени производительности. Рабочее время не должно быть связано с временными рамками. Его продолжительность зависит от структуры лагеря...Обстоятельства, которые укорачивают рабочее время, такие как: приемы пищи, построения и т.п. - должны быть ограничены сжатым минимумом ...отнимающие время обеденные перерывы должны быть запрещены»²².

Рабочий день концентрационного лагеря начинался с заступления на рабочие места специально выделенных рабочих команд (например, кухонной и уборочной команды). С весны по осень они заступали в 4.00 утра, зимой в 5.00 утра. После утренней переклички остальные рабочие команды отправлялись на свои рабочие места: с весны по осень с 6.00 до 6.15 утра,

²¹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. А-7/4. [Копия письма от 7.5.1944], Ф. А-7/3 [копия указа от 3.8.1944].

²² Архив Маутхаузен-Музея. Ф. Р-16/5.

зимой – с 7.00 до 7.15 утра²³. В каменоломнях, которые были расположены на достаточном расстоянии, рабочий день начинался в 6.30 летом и 7.30 зимой. С 12.00 до 12.30 или до 13.00 был перерыв на обед. После обеда рабочие команды работали в зависимости от сезона и условий видимости. Самый ранний конец рабочего дня – 16.45, самый поздний – 18.30. В условиях темноты или тумана рабочее время сокращалось в связи с возможностью побега. Таким образом, узники работали в каменоломнях летом примерно 11 часов в день, зимой от 8 до 9 часов, несмотря на указ административного и экономического управления СС (WVHA) от 22 ноября 1943 года о всеобщей продолжительности рабочего дня в 11 часов. В этом указе, направленном комендантам концлагерей, Освальд Поль сообщал: «я указал бы на то, что ...в течение зимних месяцев продолжительность рабочего времени в 11 часов не должно сокращаться. Исключение образуют внешние рабочие команды ... которые должны раньше возвращаться в лагерь по причине короткого светового дня. Зато, те узники, которые работают в фабричных помещениях или рабочих залах должны работать с понедельника по субботу включительно, чтобы обеспечить 11-часовой рабочий день. В настоящее время ... в виду военной важности и решающей роли труда в победе ни в коем случае не позволительно сокращать для узников продолжительность рабочего времени меньше 11 часов»²⁴.

На допросе участников процесса в Нюрнберге Освальд Поль указывал, что время работы узников во время войны было от 48 до 72 часов в неделю²⁵.

Все другие рабочие команды, работающие в цехах или в штольнях, работали с осени 1943 года, как летом, так и зимой минимум 11, максимум 12 часов с понедельника по субботу. Некоторые команды не работали в субботу после обеда. Часть узников должны были работать и в воскресенье до обеда. После обеда в воскресенье работали (с зимы 1943/44 года) задействованные на сборке вооружений и обслуживающий СС персонал.

В среднем узники работали в каменоломне от 54 до 60 часов, а во всех других командах от 66 до 72 часов в неделю. Однако к чистому рабочему времени необходимо учитывать долгие и изнуряющие переходы некоторых рабочих команд до места работы.

Руководствуясь условиями содержания узников, характера труда и причиной смертности, австрийским исследователем и бывшим узником Гансом Маршалекком была предложена следующая периодизация истории

²³ Enno Georg. Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS. Stuttgart, 1963. S. 110.; Архив Маутхаузен-Музея. Ф. F-4/1.

²⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. F 4/4, [копия указа от 22. 11. 1943].

²⁵ Материалы нюрнбергского процесса по делу Главного административно-хозяйственного управления СС. С. 430.

концлагеря Маутхаузен. Семилетнюю историю существования концлагеря он разделил на 4 различных периода.

Первый период начинается с основания лагеря 8 августа 1938 года и кончается сооружением 20 деревянных бараков центральный лагеря осенью 1939 года. Преимущественное число узников составляли немецкие и австрийские политические узники.

Второй период начинается с началом Второй Мировой войны осенью 1939 года и заканчивается в июне 1943 года. Для этого периода характерно беспощадное отношение к узникам и использование рабского труда по добыче камня в каменоломнях. Это было непосредственно связано с преднамеренной целью уничтожения узников. В этот период польские и советские узники являлись самой незащищенной категорией, именно их труд использовался в каменоломнях.

Третий период начинается со второй половины 1943 года и определяется обширным развитием военной промышленности в подземных сооружениях. Этот период характеризуется гигантским и бесцеремонным использованием узников в частных и государственных фирмах по производству вооружений. В этот период массовой рабочей силой становятся итальянские заключенные и советские узники. Заканчивается этот период весной 1945 года.

Четвертый период, начавшийся с весны 1945 года, характеризуется прежде всего многочисленными эвакуационными маршами, массовыми смертями узников и катастрофическими беспорядочными действиями администрации в ожидании окончания войны.

1.2. Складывание хозяйственной структуры и изменения функционирования Маутхаузена в условиях кризиса военного времени

Прежде всего, необходимо отметить, что саму организацию СС в фашистком государстве необходимо рассматривать абсолютно независимым и легальным фактором власти наряду с национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП).

С 1938 по 1945 год организация СС постоянно развивалась. Она состояла из семи департаментов, в ведении которых были: полиция, концентрационные лагеря, военные подразделения, юридическая служба, медицинские учреждения, научно-исследовательские институты, крупные строительные и промышленные предприятия. И, конечно же, эта структура обладала огромным влиянием на политику.

К концу войны организация СС владела сетью различных предприятий, в их составе было около 150 производственных территорий²⁶. Большая часть предприятий СС была заинтересована представившейся возможностью использовать узников концлагерей в качестве дешевой рабочей силы²⁷. 29 апреля 1938 года, т.е. через 6 недель после ашлюса Австрии, в Берлине была учреждена фирма „Deutsche Erd- und Steinwerke, GmbH.“, сокращенно „DEST“²⁸. Общая подготовка к созданию этой фирмы заняла около года. Руководство фирмой было поручено обергруппенфюреру СС Освальду Полю (Oswald Pohl), в то время еще начальнику Административного управления СС. Учредителями и главными партнерами являлись оберштурмбаннфюрер Артур Ахренс (Arthur Ahrens) и оберфюрер Вальтер Сальпетер (Dr. Walter Salpeter). Оба вносили по 10.000 Рейхсмарок в качестве начального капитала.

С 8 июня 1939 года Освальд Польш становится начальником Главного административного и экономического управления СС (WVHA). В это время Ахренс не очень успешно справлялся с должностью коммерческого директора, поэтому в 1939 году его место занял Сальпетер. С осени 1941 года до конца войны коммерческим директором был оберштурмбаннфюрер Карл Мумментаи.

Первым крупным экономическим проектом фирмы было организация производства кирпича в Заксенхаузене и Бухенвальде, а также приобретение и ввод в эксплуатацию гранитных каменоломен в Флоссенбурге и в Маутхаузене. Приобретение каменоломен имело решающее значение для учреждения концентрационных лагерей в этих областях.

Генеральному инспектору имперской столицы по строительству Альберту Шпееру (Albert Speer), который в это время приступил к большой программе по перестройке столицы, было необходимо большое количество природного камня и кирпича для возведения масштабных зданий для руководства страны. Согласно распоряжению Гитлера, Шпеер объявил о переустройстве Берлина, Нюрнберга, Мюнхена, Линца и других 27 городов. Адольф Гитлер вместе со Шпеером и Гиммлером пришли к мысли об использовании труда узников концлагерей для реализации этих планов.

²⁶ Enno Georg. Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS. S. 10.; Архив Маутхаузен-Музея. Ф. А 9/2.

²⁷ В 1969 году Альберт Шпеер опубликовал написанные ещё в тюрьме мемуары — «Воспоминания» (нем. Erinnerungen), которые пользовались большим успехом. В 1981 году издал исследование «Государство рабов. Мои дискуссии с СС» (нем. Der Sklavenstaat. Meine Auseinandersetzungen mit der SS), в котором подробно рассказал о планах СС как аппарата насилия создать единый концерн и захватить в свои руки всю военную промышленность, пользуясь рабским трудом. В эпиграфе к книге Шпеер привёл слова Гитлера о главе СС: «Гиммлер станет когда-нибудь самым крупным предпринимателем!».

²⁸ SS Enno Georg. Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS. S. 43.

Следует также учесть, что лично у Адольфа Гитлера были громадные планы по изменению статуса города Линца и превращению его в «город Фюрера». Вероятно, что это желание было связано с тем, что Гитлер провел в Линце свою молодость. Линц должен был стать административным центром Третьего Рейха, художественной метрополией и культурной столицей. Таким образом, Линц должен был стать даже более важным городом, чем Вена. Было запланировано возведение 3 новых мостов, один из которых должен был превосходить Венский Имперский мост, башни, которая должна быть выше чем башня Венского собора Св. Стефана, выставочных залов, дворцов, оперы, драматического театра, а также театр оперетты. После этого должны были быть возведены огромные музеи, колоссальный памятник Бисмарку и другие монументальные сооружения. Центральные улицы должны были быть перестроены и украшены колоннадами. Общий вид Линца должен был измениться. Здесь должен был быть воздвигнут гигантский Храм Искусств. Гитлер лично выбирал картины для художественной галереи Линца. Во время войны сюда было привезено около 6500 картин из всех европейских стран²⁹.

Линц также должен был стать промышленным центром. Уже в марте 1938 года существовали планы для строительства металлургического завода и сталеплавильного комбината³⁰.

Для возведения монументальных сооружений требовались мрамор и гранит. Ближайшие каменоломни находились в Маутхаузене и Гузене, в 20 километрах к востоку от Линца.

В середине марта 1938 года Гиммлер и Поль отправились в Маутхаузен и Гузен для осмотра этих каменоломней. Им было необходимо убедиться в соответствии этих территорий для возведения концентрационных лагерей. И уже тогда ими было принято решение о том, что главный лагерь должен быть возведен в Маутхаузене на самой верхней точке города, а лагерь Гузен – на земле общины города Лангенштайн (Langenstein)³¹.

22 марта-1938 года, через 10 дней после насильственного занятия Австрии, Гиммлер на старом стадионе Линца, выступая с речью к австрийским членам СС, среди прочего сказал о планируемом прибытии в Австрию подразделениях Мертвая Голова (Totenkopf)³². Так как эти подразделения в тот период времени занимались охраной концентрационных лагерей, то это было фактически объявление об учреждении концентрационного лагеря в Австрии.

²⁹ Speer Albert. Erinnerungen. Frankfurt-am-Main, 1969. S. 540.

³⁰ Bert Olbrich, Salin Ozer. Linz 1938. B. 1. Linz, 1988. S. 152.

³¹ Архив Маутхаузен-Музея, Ф. А6/3., Ф. А 6/8.

³² Bert Olbrich, Salin Ozer. Linz 1938. B. 1. S. 194.

В конце мая 1938 года Освальдом Полем была проведена вторая ревизия будущей территории концлагеря. Его сопровождал инспектор концентрационных лагерей группенфюрер СС Теодор Айке (Theodor Eicke) и инженер-строитель Хуберт Карл (Hubert Karl). С апреля по август 1938 года была осуществлена закупка земли, а также сдача в аренду каменоломен в Маутхаузене, находившихся во владении города Вены. Процитируем письмо Горнека (Hornek), директора магистрата (бюро городского управления) Вены, бургомистру города от 7 апреля 1938 года:

«Сегодня Аренс, штурмбанфюрер имперского руководства СС (Мюнхен, Карльштрассе 10), и геолог муниципального музея Линца, профессор Йозеф Шадлер (Dr. Josef Schadler) сообщили мне, что в Маутхаузене должен быть сооружен концентрационный лагерь для содержания от 3000 до 5000 человек. Принимаются во внимание две каменоломни, которые принадлежат городу Вена, а именно неработающую каменоломню «Винерграбен» («Wiener Graben») и работающую каменоломню «Бетелберг» («Bettelberg»). Оба господина попросили официально выразить принципиальное согласие до 16 часов сегодняшнего дня о передаче обеих каменоломен в распоряжение Имперского руководства СС. Я полагаю, что обе каменоломни нужно предоставить в распоряжение имперского руководства СС и о дальнейших подробностях передачи вести переговоры с Имперским заместителем, причем в виду данной уступки и собственной потребности в каменном материале, город Вена должен будет потребовать соответствующее возмещение».

5 мая у бургомистра города Вены состоялось совещание с двумя «господами из Мюнхена», на котором обсуждался проект арендного договора: аренда карьеров Bettelberg-Marbacher-Bruches и прилегающих сельскохозяйственных территорий сроком на десять лет с ежегодной оплатой 5000 Рейхсмарок с учетом предусмотренных поставок камня в Вену³³.

Чуть позже было принято решение о заключении договора аренды карьера «Винерграбен» и „Marbacher-Bruch“. Согласно „переговорам о заключении договора аренды «Винерграбен» с Империей“ 16 августа было подписано соглашение о сдаче в аренду каменоломни и прилегающих сельскохозяйственных территорий сроком на 10 лет. 18 августа была совершена окончательная передача каменоломен в распоряжение DEST. „Bettelberg“ же остался во владении города Вены (позже эти каменоломни также были куплены DEST).

15 июня управляющий делами DEST Освальд Поль провел переговоры с финансовыми экспертами „Немецкий трудовой фронт“ („Deutschen Arbeitsfront“) о финансировании «Сооружения концентрационных лагерей в

³³ Das Geschäft mit dem Tod. // Zeitschrift „Zukunft“. Mai 1970. Heft 9/10. S.4.

Остмарк и в Баварском Лесу», где «заклученные должны производить строительный материал для строений Империи», так как «из-за присоединения Австрии число арестантов ... значительно увеличилось³⁴».

30 июня между Шпеером и DEST были проведены переговоры о поставке стройматериалов на период 10 лет. В этот период Шпеер из бюджета „генерального инспектора строительства для столицы империи“ („Generalbauinspektors für die Reichshauptstadt“) выдал DEST для развития производства беспроцентную ссуду в 9,5 млн. рейхсмарок. Заглянув вперед, скажем, что общий оборот DEST вырос с 133.000 рейхсмарок с июля 1938 года до 14.822.000 рейхсмарок в 1943 году³⁵.

Миллионы обтесанных камней для тротуаров мостовых, зданий и лестничных ступеней, гранитных цоколей и бордюров производились с 1938 года до осени 1943 года в каменоломнях Маутхаузена. Только для возведения этих лагерей было необходимо сотни тысяч камней и каменных глыб. Как уже было указано ранее, в 1938 и 1939 годах узники работали прежде всего над строительством лагеря. С осени 1939 по осень 1943 года – в следующих каменоломнях DEST: «Винерграбен», «Кастенхоф», «Гузен» и «Пирбауер». Каждый месяц количество рабочих команд в каменоломнях увеличивалось. Только в Маутхаузене среднее количество узников, работающих в каменоломне, увеличилось с 375 человек и 171 гражданского служащего в январе 1939 года до 1066 узников и 210 гражданских служащих в декабре 1939 года. В январе и феврале 1940 года это число уменьшилось за счет того, что часть узников ежедневно (в том числе и по воскресеньям) отправлялась на строительство лагеря Гузен I. Однако с марта по июль среднее число узников, задействованных в каменоломнях, выросло с 781 до 3581³⁶. В мае 1942 года в указанных четырех каменоломнях работали в среднем 3844 узника, 29 эсесовца, 29 вольнонаемных, 29 гражданских лиц. Зимой 1942/43 года в каменоломне Винерграбен использовался труд примерно 2000 узников и 2800 узников в каменоломнях Гузена. Эти каменоломни являлись самыми большими предприятиями фирмы DEST³⁷.

Оставляя без внимания самые примитивные средства безопасности, в этих каменоломнях добивались выполнения наибольшего возможного объема работы с помощью вопиющей жестокости и телесных наказаний. И конечно это был лучший способ доведения узников до смертельного истощения: подгоняемые дубинками, узники должны были переносить на плечах огромные камни исключительно быстрым шагом. Поднимаясь по дороге, идущей по краю котлована, очень часто узники не выдерживали

³⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. А 5/2 [Копия "отметки о посещении" от 15. 6. 1938].

³⁵ Enno Georg. Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS. S. 44.

³⁶ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 12/35, 36.; Ф. F 4/2.

³⁷ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. А 8/2.

такой ритм и падали в котлован каменоломни. Эсесовцы цинично называли таких узников «парашютистами».

С зимы 1941/42 года молниеносный ход войны против Советского Союза затянулся, что изменило настроение и мотивацию в принятии решений в огромной машине немецкого военного производства. Это и определило дальнейшее развитие концентрационных лагерей: Гитлер постепенно созрел на использование в сфере военного производства труда постоянно растущего числа узников³⁸. Причем было очевидно, что подобные изменения приведут к усилению политических и экономических позиций как всей структуры СС, так и отдельных ее предприятий.

Сначала функциональные изменения коснулись руководства концлагерей. Это выразалось в том, что 3 марта Гиммлер издал постановление о выделении отдела по инспекции концлагерей из главного административно-хозяйственного управления СС. Чуть ранее это управление было создано путем объединения строительного и хозяйственного подразделений и представляло собой центральное командное управление СС в области хозяйственной и управленческой деятельности. Через несколько дней после этой реорганизации управления концлагерей Гитлер назначил главой «гражданского сектора» гауляйтера Фрица Заукеля (Fritz Sauckel). Одновременно с этим сформировалось центральное хозяйственное управление под руководством Альберта Шпеера.

16 марта 1942 года в офисе заместителя Шпеера Отто Заура (Otto Säur) имело место первое обсуждение организации процесса использования концлагерей для производства вооружений. Причем конкретно для Маутхаузена было предложено задействовать 600 работоспособных узников для этих целей. В качестве первого мероприятия новообразованного подразделения 30 апреля 1942 года было предписано изменить структуру всех концентрационных лагерей для переноса «основного упора на мобилизацию всех сил узников для военных задач»³⁹.

Тем не менее, в 1942 году ни в Маутхаузене, ни в Гузене никаких изменений не происходило. Только одна рабочая команда узников количеством в 1000 человек была направлена 14 марта в город Штайер на завод Штайер-Даймлер-Пух (Steyr-Daimler-Puch AG). Однако переговоры о создании этого филиала концлагеря в Штайере были произведены задолго до этого времени, вероятно, еще в 1941 году.

К этому времени области вокруг городов Штайер, Линц, Вельс и Санкт-Валентин были признаны оптимальными для использования в производстве авиационной техники. Предприятия в этой области были

³⁸ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. Wien, 1970. S. 87.

³⁹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. P 16/18. [копия письма].

лучше всего защищены от бомбардировок противника в связи со своим географическим положением.

Заводы по производству стрелкового оружия в городе Штайер были одними из самых крупных в Третьем Рейхе. Также там производились кабины и шасси для самолетов Мессершмит, противотанковые ружья, грузовики и авиационные двигатели. В Мюнххольц (Münichholz) находился шарикоподшипниковый завод (один из самых важных заводов авиационной промышленности), на котором производились авиационные подшипники оси двуплечего рычага.

13 мая 1938 года в Линце начал строиться огромный металлургический завод с 12 доменными печами и соответствующим количеством перерабатывающих заводов (к примеру, чугунный завод Обердонау (Oberdonau)). На этих предприятиях производились не только железо и сталь, но и различные емкости, кузова, цепи, рычаги, а также конструктивные элементы для танков и кораблей.

В Вельсе (Wels) находились авиационные и металлургические заводы, которые в том числе производили ремонтные работы различных видов авиационной техники.

В Санкт-Валентине (St.Valentin) находился один из крупнейших заводов по производству бронетехники. Там производились как все типы танков Panzer IV, так и многие другие. Исключительную важность этого региона для немецкого военного производства демонстрирует то обстоятельство, что эти предприятия инспектировались не только ответственными лицами из руководства вермахта, но и Гитлером лично⁴⁰.

Хотя обсуждения с ответственными руководителями СС об обширном использовании труда узников в области производства вооружения проводились в министерстве Шпеера с 17 мая 1942 года, во время всего 1942 года только 8 процентов узников концлагеря Маутхаузен были задействованы в работах, связанных с военной промышленностью. Оставшееся число узников оставались на работах в каменоломнях, на строительных работах и различных мастерских⁴¹.

В этот время у Шпеера все еще существовали планы по использованию узников для ряда предприятий СС по производству строительных материалов. Сначала в Прамбахкирхен (Prambachkirchen) должен был быть запущен гигантский завод по производству кирпича для перестройки Линца. Этот проект, а также лесопильный завод, использующий труд заключенных, должны были быть учреждены Шпеером летом 1942 года⁴².

⁴⁰ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. С. 76, 105, 118, 152.

⁴¹ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. С. 19.

⁴² Enno Georg. Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS. S. 52.

28 июля 1942 года было достигнуто соглашение между шефом Главного административного и экономического управления СС Освальдом Полем и генеральным директором Герман-Геринг-Верке (Hermann-Göring-Werke), Полем Плайгером (Paul Pleiger). По этому соглашению DEST, используя труд узников, должна была построить заводы, перерабатывающие шлак с заводов Герман-Геринг-Верке, на территории Линца и его окрестностей, а также построить металлургический завод в Линце.

Относительно этой договоренности Поль сообщал Гиммлеру, что обсуждение с Паулем Плайгером давало в итоге четкое соглашение: «он великодушно переложил на СС всю переработку шлака».

Администрация завода Герман-Геринг-Верке в Линце была благосклонна к СС по причине доставки узников в их распоряжение, однако долю СС в прибыли стремилась урезать. Поэтому Гиммлер после долгих переговоров 19 сентября 1942 года телеграммой лично обратился к генеральному директору Герман-Геринг-Верке, высказывая свое впечатление о том, что «нет оснований для большого воодушевления относительно имеющихся наших совместных планов».

Когда позднее Гиммлер услышал о предлагаемых в этом предприятии СС лишь 6% дивидендов, он озлобленно писал «партагеноссе Плайгеру» 29 сентября 1942 года: «Будьте столь милы и мудры к Вашему народу! Соотношение «пятьдесят на пятьдесят» - это святой и основной закон для всех совместных предприятий Плайгера и СС»⁴³.

Вслед за этим 7 ноября 1942 года было учреждено общество с ограниченной ответственностью Хохофеншлаке-Линц („Hochofenschlacke Linz GmbH."), основными акционерами которого стала DEST и Штайне-унд-Ерден („Steine und Erden GmbH.") - дочерняя организация Герман-Геринг-Верке⁴⁴. В декабре 1942 года около 20 узников было отправлено на строительство филиала Линц-1. А 20 марта 1943 года уже около 400 узников принимали участие в возведении зданий и в производстве кирпича. Большинство узников в этом филиале с зимы 1943/44 задействовалось в выплавке стали.

За исключением упомянутого выделения нескольких сот узников для Штайер-Даймлер-Пух (Steyr-Daimler-Puch) и для перерабатывающих предприятий в Линце, существенные изменения в использовании труда узников концлагеря Маутхаузен в течение года после учрежденного Полем «Изменения структуры всех концлагерей» не происходили.

Весной 1943 между комендантом лагеря Цирайсом (соотв. WVHA) и Alpine-Montan A.G. (соотв. Göringstahl-Linz) состоялись переговоры о начале использовании труда 400 узников в Ерцберг (Erzberg Steiermark). Необходимо учесть, что в это время 6000 узников трудились в каменоломнях

⁴³ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. S. 20.

⁴⁴ Enno Georg. Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS. S. 51.

и 4000 в различных цехах на территории Маутхаузена и Гузена. Руководство СС, ответственное за предоставление узников фирмам, не входящих в корпорацию СС, затрудняло этот процесс, а местами саботировало. Как единственный лагерь третьей категории во всей империи, Маутхаузен оставался тем, чем и был раньше: местом ликвидации неугодных лиц без приговора.

Например, при среднем числе в 10 тысяч узников в 1942 году было зарегистрировано около 13 тысяч новых поступивших. Количество умерших за этот период составило 14293 человек.

Только в течение первых 4 месяцев 1943 года в Маутхаузене было зарегистрировано по меньшей мере 5147 умерших узников. В начале весны Шпеер инспектировал концлагерь (предположительно 23 марта 1943 года) и в своем письме 5 апреля Гиммлеру подверг жесткой критике администрацию лагеря в отношении управления лагеря, высказывая возможность начать с июля 1943 г. процесс по планомерному переводу использования труда узников Маутхаузена в пользу немецкой военной экономики: «... по поводу моей ревизии концентрационного лагеря Маутхаузен я вижу, что СС проводит в жизнь планирование, которое, мне кажется, при сегодняшней отношениях больше чем великодушным... Поэтому я полагаю, что мы должны перевести использование имеющихся в нашем распоряжении рабочие руки в концлагерях в рамках общего вооружения более рационально... мы должны проводить новое планирование с точки зрения наивысшей степени эффективности при использовании самых незначительных средств с достижением самого большого успеха для текущих требований вооружения»⁴⁵.

Шпеер требовал полного присоединения всех узников в сферу военной экономики и добился сначала частичного перенаправления деятельности в Маутхаузене и Гузене с задач предприятий DEST на задачи частных военных предприятий. С осени 1943 года большинство узников трудилось либо непосредственно на производстве вооружений, либо на строительных работах по возведению подземных заводов для производства ракет «А-4»⁴⁶. Через некоторое время эти ракеты получили новое название «Фау-2»⁴⁷.

Управление вооружений сухопутных войск с 1932 года вело исследования группой немецких ученых под руководством Вернера фон Брауна (Werner von Braun) по разработке ракеты с жидкостным реактивным

⁴⁵ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. S. 21.

⁴⁶ Rudolf Lüsar. Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des Zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung. Munich, 1971. S. 195.

⁴⁷ "V-2" - сокращение от Vergeltungswaffe – «оружие возмездия»

двигателем. Зимой 1942/43 гг. эта разработка вошла в подготовительную стадию серийного производства⁴⁸.

22 декабря 1942 года Гитлер подписал разработанный Шпеером приказ о серийном производстве, и 15 января 1943 года Шпеер назначил Герхарда Дегенкольба (Gerhard Degenkolb) руководителем новообразованного «особого комитета А-4», который должен был ускорить серийное производство этих ракет. Так как ракета А-4 после конструктивного чертежа сразу переходила в серийное производство, со времени указанного конструкторами срока даты производства до первого выстрела 8 сентября 1944 года по Британским островам было внесено около 65000 технических изменений⁴⁹. Это являлось основной причиной для неоднократного откладывания ракеты от серийного производства. Вследствие острой опасности разрушения производственных площадей полигона в Пинемюнде воздушными налетами союзников, уже 27 апреля 1943 года в плане производства предусматривалось изготавливать различные части ракеты на 3 различных заводах. 8 июля Вернер фон Браун докладывал в ставке Гитлера о ходе работ по ракете А-4. Это, вероятно, стало причиной назначения Вернера фон Брауна профессором, причем Гитлер лично подписал соответствующие документы. Через десять дней 17 и 18 июля при обсуждении со Шпеером Гитлер высказался определенно: «в изготовлении А-4 нужно использовать только немцев».

Это распоряжение было в силе только один месяц, не считая того, что уже до 18 июля иностранные узники и гражданское население других стран были привлечены к работам по производству ракет в Пинемюнде.

25 июля Гитлер под предлогом последних испытаний ракеты подписал новое постановление: «успешное продолжение войны против Англии требует, чтобы производство ракет А-4 достигло самого быстрого возможного темпа».

Начиная с этой даты в немецкой экономике должна была быть оказана самая полная поддержка тем процессам, которые имели своей целью «гарантированное и безотлагательное» ускорение производства ракет А-4. Ответственность за ускорение программы А-4 была возложена на имперское министерство вооружений и боеприпасов. Однако через месяц после этого указа, в ночь с 17 на 18 августа 1943 года главные производственные мощности в Пинемюнде были атакованы британской авиацией и серьезно пострадали. После этого 22 августа Гитлер подписал новое указание. Вот что писал об этом Шпеер: «... фюрер приказал, чтобы совместно с рейхсфюрером СС (RFSS) были приняты все меры для постройки соответствующих технологических производств, возобновлении и ускорении

⁴⁸ Rudolf Lüsar. Op. cit. S. 14, 198, 283.

⁴⁹ Rudolf Lüsar. Op. cit. S. 182.

производства при обильном использовании рабочей силы из концлагерей. Далее фюрер указал, что существовавшие до сего момента производственные строения являлись исключительно переходными, в то время как планируемые строения для окончательного производства должны быть гарантированно защищены за счет более массового использования штолен и бункеров.» На основании этого указания на заседании совета по вооружению 26 августа 1943 года было решено: «... распределить деятельность Пеенемюнде на 3 части по территории всей империи...»⁵⁰.

Главный завод по сборке ракет был перенесен на подземную фабрику в Гарц (Harz). Предприятие по разработке ракет (как проект "Цемент") должно было находиться в пещерах, которые должны быть созданы в скалах около озера Траунзее (Traunsee). Траектория для ракет должна была рассчитываться в Близне (Blizna) в Польше на территории существующего полигона СС Хайделлагер («Heidelager»).

1.3. Расширение комплекса лагерей в соответствии с целями военного производства

С лета 1943 года в защищенной от ударов авиации Австрии были размещены многочисленные заказы в рамках программы А-4. Несколько фирм, в том числе Хайнкель-Верке (Heinkel-Werke) в тирольском Йенбахе (Jenbach), производившая до весны 1945 года турбо-насосы, и Ракс-Верке (Rax-Werke) в Винер Ноештадт (Wr. Neustadt) начали подготовительные работы. Другие субподряды получили фирмы Хофхер-и-Шранц (Hofherr & Schrantz) в Флорисдорфе около Вены (Wien-Floridsdorf) и фирма Штайнфервертунгс (Steinverwertungs A.G.) в Шлиер-Редл-Зипф (Schlier-Redl-Zipf)⁵¹.

Все эти обстоятельства вели к тому (защитная стратегия пропагандировалась под лозунгом «Крепость Европа»), что из относительно небольшого концентрационного лагеря Маутхаузена со средним числом от 8.000 до 10.000 узников (труд которых использовался преимущественно на фирмах, принадлежащих СС) организовывалась разбросанная на много километров лагерная система с десятками тысяч узников, пригнанных со всех стран Европы.

Менее чем за месяц узники, в том числе много высококвалифицированных специалистов, в рабских условиях начали изготавливать технологически сложнейшие устройства в многокилометровых подземных бомбоустойчивых сборочных цехах.

⁵⁰ Rudolf Luser. Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des Zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung, S. 134.

⁵¹ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. S. 88.

В случае снижения темпов производства, что неизбежно встречалось на военных предприятиях, которые использовали труд узников, после личного указания Гитлера стали проводиться превентивные террористические мероприятия (например- расстрел каждого десятого узника).

В строительстве и возведении заводов в Эбензее с использованием труда узников на 3 марта 1945 года были задействованы следующие фирмы: Universale A.G., Wiener Brückenbau A.G., Hinteregger und Fischer, Walter und Co., Holzmann und Polensky, Hofman und Maculan, Fohmann, Beton und Montierbau A.G., Rella und Co., Großdeutsche Schachtbau und Tiefbau GmbH.; Deutsche Bergbau Hermann Göring, Nibelungenwerke (Steyr-Daimler-Puch A.G.), DIWIDAG und A.G., STUAG A.G.⁵²

Для организации и ускорения труда узников была создана организация с особыми полномочиями в масштабах всего Рейха. Право выбора узников и условий эксплуатации их для частных фирм было убрано из полномочий отдела Д 2 (Amt D II) главного административно-хозяйственного управления СС и было передано в отдельный штаб под руководством обергруппенфюрера СС Ганса Каммлера (Dr. Ing. Hans Kammler)⁵³.

Во главе этого «особого штаба» стояла «строительная контора доктора Каммлера», располагавшаяся в Берлине. Ему подчинялись несколько территориальных «особых инспекций СС», которые были распределены по всей империи в виде «штабов оперативного руководства СС». Среди них находился и «штаб оперативного руководства СС В-9» во главе с дипломированным инженером Карлом Фибингером, для «местности Эбензее на верхнем Дунае»⁵⁴.

16 ноября 1943 года Камлер делал доклады Шпееру уже в рамках указания Гитлера от 22 августа 1943 года об использовании узников при изготовлении вооружений. Именно тогда началось обсуждение строительства проекта «Цемент» в местности Эбензее, расположенном на озере Траунзее. В декабре 1943 года особым штабом Каммлера и имперским министром вооружений и боеприпасов было решено использовать труд узников на этом объекте.

Также и высшее партийное руководство продекларировало 25 июля 1944 года указание для всех гауляйтеров в связи с продолжающимися военными действиями об использовании для возведения бункеров, штолен, точек противовоздушной обороны, для работ по расчистке, а также для уничтожения неразорвавшихся снарядов узников концлагерей и в частности

⁵² Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 5/19, [копия документа].

⁵³ Enno Georg. Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS. S. 37.

⁵⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 5/3., В 5/31., F 5/1.[копии документов].

Маутхаузена. Если до лета 1943 года Австрия была в известном смысле "бомбоубежищем" для всей инфраструктуры немецкого военного производства, то с изменением военной ситуации в бассейне Средиземного моря (прежде всего, высадкой союзников в Италии) ситуация в Австрии также изменилась. Прежде всего, ухудшалась противоздушная надежность австрийских областей. Начиная с августа 1943 бомбардировщики союзников из Северной Африки (а несколько позже из Италии), начали достигать эти области. А с середины 1944 года американцы были абсолютными хозяевами воздушного пространства Австрии⁵⁵.

Это приводило к тому, что немецкая военная промышленность стала перемещаться в малые или подземные объекты, причем для перемещения производств использовался труд узников концлагеря Маутхаузен. Гигантский план строительства «Альпийской крепости»⁵⁶, ослабленный текущей военной ситуацией и действиями союзников, мог воплотиться лишь частично. Только малая часть новых и перенесенных фабрик, и некоторые запущенные заводы в штольнях (в Гузен I и II, Эбензее и Мельке) смогли начать производство. Несмотря на это, узники лагеря должны были буквально до последних дней войны работать на производстве вооружений, применяемых против их родных стран. Также необходимо упомянуть, что, несмотря на апрельский приказ Шпеера 1943 года, руководству концлагеря Маутхаузен удавалось поддерживать деятельность принадлежащей СС фирмы DEST вплоть до последних рабочих дней 3-5 мая 1945 года с помощью использования труда узников на каменоломнях Маутхаузена и Гузена. В центральном лагере только около 10 процентов трудоспособных узников было задействовано на производстве вооружений. В филиалах лагеря от 80% до 95% узников либо участвовали в строительстве штолен, либо участвовали в производстве вооружений.

С осени 1943 года добыча камня в каменоломнях Маутхаузена и Гузена существенно сократилась. Большинство узников в соответствии с указом Шпеера стали работать в различных фирмах военной промышленности или на постройке штолен в Эбензее, Мельке, Гузен-II и на секретном производстве оружия в Винер Ноештадт (Wiener Neustadt)⁵⁷. Особый смысл в использовании труда узников появился у фирм Штайер-Даймлер-Пух (Steyr-Daimler-Puch A.G.) и Мессершмитт (Messerschmitt A.G.). После того, как летом 1943 года регенсбургские заводские строения фирмы Мессершмитт были сильно разрушены налетами авиацией союзников, Гитлер собрал 27 июня 1943 года ведущих авиаконструкторов и приказал ускорить серийное производство новых типов самолетов. После этого

руководство фирмы Мессершмитт обратилось к руководству фирмы DEST. Результатом этой встречи стало перебазирование части производственных мощностей фирмы Мессершмитт в Флоссенбурге, Маутхаузене и Гузене. Фирма Мессершмитт поставляла сырье, станки, инструменты и специалистов, а DEST, в свою очередь, свои производственные площади и узников.

На этих производственных площадях узники сначала начали производить запчасти для истребителей Me-109, а позже стали собирать целые самолеты. В цехах DEST в Гузене I и II, а также во Флоссенберге стали собирать части первого реактивного самолета Me-262⁵⁸. Сборочный завод для серийного производства этих самолетов в Гузен-II, под кодовым названием «Ясень-2» („Esche 2") должен был с апреля 1945 года производить ежемесячно 1250 боеспособных самолетов. Для сравнения скажем, что в концлагере Дора-Миттельбау ежемесячное планируемое производство Me-262 составляло 1000 штук.

Крылья различных самолетов Мессершмитт стали собирать и в цехах каменоломни «Винерграбен». Концлагеря Маутхаузен и Флоссенбург давали около 35 процентов общей продукции Мессершмитт⁵⁹. В подписанном Освальдом Полем статистическом отчете от 21 февраля 1944 года об «Использовании узников для целей авиационной промышленности» сообщалось, что в январе 1944 года 423 (из предусмотренных 550) узника выполнили 82632 часа принудительных работ, при этом произвели 25 фюзеляжей для фирмы Мессершмитт. В этом же месяце 1983 узника проработали 417328 часов на строительстве заводов по продукции авиационных моторов для фирмы Флюгмоторенверкен (Flugmotorenwerken GmbH.) в Винер Ноедорф (Wiener Neudorf). Согласно той же статистике на заводе Хайнкель-Верк (Heinkel-Werk A.G.) в Швехате (Schwechat) 2065 узников проработали 486206 часов на авиапроизводстве⁶⁰.

Еще в более широких масштабах узники Маутхаузена работали на Штайер-Даймлер-Пух (Steyr-Daimler-Puch A.G.) в Штайре, Гузене-I и II, Эбензее, Санкт-Валентине, Лейбнице, Пегау и Мельке.

Заводы Штайер-Даймлер-Пух были самыми большими заводами в Третьем Рейхе по производству винтовок. На них также производились пулеметы, пистолеты-пулеметы, авиационные двигатели, кабины и шасси самолетов Me-109, Me-110 и Me-323, а также грузовики. Также в Мюнхольц (Münichholz) около Штайера располагалось важнейшее специализированное предприятие по производству подшипников для авиации⁶¹. Узников

⁵⁸ Rudolf Lusar. Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des Zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung. С. 115 f; Speer Albert. Erinnerungen. С. 571.

⁵⁹ Enno Georg. Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS. С. 57.

⁶⁰ Leon Polyakow, Josef Wolf. Das Dritte Reich und seine Diener. Berlin, 1956. С. 478.

⁶¹ Hans Marshalek. KL Mauthausen/Unterkunft Gusen. Wien, 1968. С. 19.

⁵⁵ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. С. 113., С.130.

⁵⁶ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. С. 171.

⁵⁷ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. F 6/5.

задействовали как на производстве всех этих видов вооружения, так и на постройках новых зданий на территории этих заводов, а также на строительстве бомбоубежищ и дорог для города Штаейр⁶².

Уже в феврале 1943 года в Гузен-I в штольнях и цехах DEST началось массовое изготовление фирмой Штайер пистолетов-пулеметов⁶³.

После бомбардировки союзниками 14 октября 1943 года завода по производству подшипников, встал вопрос по децентрализации и перебазированию этого производства. После атак американских бомбардировщиков 23 и 24 февраля и 2 апреля 1944 года завод в Мюнхольц сильно пострадал⁶⁴, поэтому темпы перебазирования производства были ускорены. Производство авиационных двигателей было перебазировано в Мессегеленде (Messegelände, Wien II), производство прокатных станков было перенесено в подвалы пивоваренных заводов в Линце, производство стволов – в Гузен I. Производство авиационных двигателей в Грац-Тонхоф (Graz-Thonhof) было перебазировано в римские каменоломни Афленц (Aflenz) под Лейбницом, а также в 9 штолен в каменоломне Пеггау⁶⁵.

С зимы 1944/45 годов в штольнях Мелька начали производить шарикоподшипники. В Гузен-I и в Гузен-II производство концерна Штайр проводилось под кодовым названием «Георгенмюлле I, II, III, IV» („Georgenmühle I, II, III, IV“), в Пеггау под кодовым названием «Мрамор» („Marmor“), в Лейбнице под названием «фабрика по добыче известняка» („Kalksteinwerke“). В Гузен-I большинство узников было задействовано в изготовлении стволов и запчастей к автоматам MP 40 и в 44⁶⁶. Когда зимой 1944/45 года в штольнях Гузен-II было запущено производство, в этих подземных цехах стали массово штамповаться корпуса для автоматов MP 40⁶⁷.

Завод в Санкт-Валентине принадлежал концерну Штайер-Даймлер-Пух и производил танки IV модели и «пантеры»⁶⁸. Начиная с 20 августа 1944 года до 22 апреля 1944 года более чем 1000 узников изготавливали элементы брони для танков. Из всех 3366 танков IV типа, изготовленных в 1944 году в Германии, 2809 были произведены в Санкт-Валентине⁶⁹. Даже в

апреле 1945 года этот завод успел отправить 65 танков на фронт в группу армий «Юг».

2 мая 1942 года в Винер Ноештадт концерном Henschel был учреждено предприятие Ракс-Верке (Rax-Werke GmbH). Первоначально на этом заводе планировалось производить военную продукцию, но фактически сначала здесь производились локомотивные тендеры. 7 июля 1943 года ракетный проект А-4 был объявлен приоритетным проектом для успешного ведения войны, и Шпеер предписал задействовать в рамках этой программы большое число квалифицированных специалистов. Постановление от 19 июля 1943 года заместителя Шпеера Отто Зауера и руководителя программы «Фау-2» Герхарда Дегенкольба (Gerhard Degenkolb) предписывало в короткие сроки обеспечить 2700 строительных рабочих и квалифицированных узников Маутхаузена в распоряжение Ракс-Верке в Винер Ноейрштадт для более быстрого завершения ракетного проекта.

Монтаж ракет Фау-2 начался 15 октября 1943 года в так называемом «сербском» зале Ракс-Верке. Транспорт узников из Маутхаузена состоял из 40 процентов квалифицированных рабочих и 60 процентов неквалифицированных. Заметим, что в 1943 году вообще в авиапромышленности XVII округа работали 6 процентов квалифицированных рабочих и 94 процента неквалифицированных рабочих⁷⁰. В конце 1943 года производственные предприятия в Винер Нойерштадте были атакованы союзной авиацией 13 августа, 1 и 24 октября и 2 ноября. Последняя бомбардировка частично разрушила «сербский» зал Ракс-Верке, где несколькими неделями ранее началась сборка ракет Фау-2. Очевидно, что для выполнения поручения Шпеера, необходимо было перенести производство ракет Фау-2 с небезопасной территории Винер Ноейрштадт в подземные заводы рудники в Гарце (Harz)⁷¹. В связи с этим с 9 по 17 ноября 1943 года из филиала лагеря в Винер Нойерштадте 375 квалифицированных узников должны были быть переведены в концлагерь Дора-Миттельбау (принадлежащего еще на тот момент концлагерю Бухенвальд), 200 – в филиал Шлидер-Редл-Зипф (Schlier-Redl-Zipf), где производилось жидкое горючее для ракет Фау-2, и 30 лагерных функционеров – в концлагерь Эбензее. 17 ноября филиал концлагеря в Винер Ноейрштадт был закрыт. В мае 1944 года на заводе Ракс-веркен в Винер Ноейрштадт началось производство военно-морской артиллерии. Это было причиной того, что здесь был заново основан филиал лагеря Маутхаузен, который

⁶² Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 60/19.

⁶³ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. S. 70., 120.

⁶⁴ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. S. 140.

⁶⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 34/1-7., В 35/1-5 [Копии сообщений и транспортных списков и воспоминаний узников]; Speer Albert. Erinnerungen. S. 564.

⁶⁶ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 30/60., Häftlingsangaben. Letzeburger, S. 274 ff.; Rudolf Luser. Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des Zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung. S. 19.

⁶⁷ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 30/60.

⁶⁸ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 45/1- 2.

⁶⁹ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. S 197.

⁷⁰ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 50/8 [свидетельства узников об производстве вооружений]; Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. S. 123, 132, 134.; Karl Flanner. Widerstand im Gebiet von Wiener Neustadt, 1939-1945. S. 172.

⁷¹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 50/2, 5-7, [копии транспортных листов].

существовал с 5 июля 1944 по 1 апреля 1945 года. Около 700 узников Маутхаузена были посланы сюда из центрального лагеря⁷².

Винер Ноейрдорф также принадлежал к территориям возле Винер Ноейрштадт, занимающимся военно-воздушной промышленностью. Здесь в 1941 году был основан завод по производству авиационных двигателей. В связи с незначительными производственными успехами 6 мая 1943 года генеральный директор Штайер-Даймлер-Пух доктор Мейндль, которому было поручено общее руководство по производству авиационных моторов, просил в письме Гиммлеру от 14 июля 1943 года направить в Винер Нойердорф около 2000 узников и организовать там филиал лагеря⁷³.

Эта просьба была удовлетворена и 22 июля 1943 года первые 201 узник были отправлены в строительный лагерь, построенный в минимально сжатые сроки⁷⁴.

Этот филиал в Винер Нойердорф существовал до 31 марта 1945 года. В среднем там находилось около 2500 узников, преимущественно занятых на производстве авиационных моторов и строительных работах. В феврале 1944 года бараки, где жили узники, были уничтожены американскими бомбардировками, и узники были переведены в близлежащий город Медлинг (Mödling)⁷⁵.

Вообще в Винер Нойердорф узники должны были работать на следующих фирмах: Flugmotorenwerke Ostmark, Reha & Co., Rella & Neffe, Hofman und Maculan, Himmelstoß und Sittner, Ing. Czernilowski, Steyr-Daimler-Puch A.G., Saurerwerke, Zehethofer, Goldene Stiege, Inzersdorf, Himberg, Guntramsdorf, Laxenburg, Fischamend и на предприятиях авиационной обороны в Вене и Швехате.

Английский воздушные удары на западногерманские и северогерманские промышленные районы весной 1942 года привели к перебазированию завода Хайнкель-Верке (Heinkel-Werke) из Рошток-Мариенехе (Rostock-Marienehe) в Хайдфилд (Heidfeld) около Швехата⁷⁶. Впоследствии в Хайдфилд было 72 производственных помещения Хайнкель-Верке со множеством принудительных трудовых лагерей. С 30 августа 1943 года под предлогом создания штаба истребительной авиации был организован филиал концлагеря Швехат. Количество узников увеличилось с 90 человек в начале до 2568 в конце войны. Только в январе 1944 узники этого филиала проработали 486206 трудочасов для Хайнкель-Верке⁷⁷. Все

⁷² Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 50/3, [копии транспортных листов].

⁷³ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 49/7, [копия указа].

⁷⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 49/9, [копия указа от 22. 7. 1943]; Ф. В 49/5. [копии транспортных листов].

⁷⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 49/1.

⁷⁶ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. S. 98.

⁷⁷ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 53/3.

узники работали на производстве ночного истребителя He-219. Когда в апреле 1944 года начался монтаж первых 17 экземпляров этих самолетов, американская авиация нанесла бомбовые удары 23 апреля и 26 июня 1944 года. Повторным авиаударом 8 июля 1944 года американская авиация уничтожила как лагерь узников, так и завод Хайнкель-Верке. 13 июля оставшиеся узники начали перебазировать завод в помещение фирмы Хоффер и Шрантц (Hofherr и Schrantz), а также в подвалы пивоваренного завода Йедлезе (Jedlese)⁷⁸.

Филиал Швехат назывался также Виен-Флорисдорф (Wien-Floridsdorf) или Джулиус (Julius). В начале сентября 1944 года несколько сот узников прибыли в грот Хинтербрюль (Hinterbrühl) около Медлинга (Mödling) и в помещения подвала одного из пивоваренного завода в Швехате. Рабочие команды, работавшие на этом пивоваренном заводе, назывались «Santa I» и «Santa II»⁷⁹.

Узники Виен-Флорисдорф были размещены на территориях фирмы Хоффер и Шрантц в районе Виен-Флорисдорф, в пивоваренном заводе Йедлезе, в пивоваренном заводе Швехат (Schwechat bei Wien) или в гроте Хинтербрюль в Нижней Австрии. Все они работали на заводах Хайнкель-Верке: с осени 1944 года занимались сборкой самолетов He-219, а через некоторое время – сборкой одноместных реактивных истребителей He-162. Так как He-162 был одноместным, его сборка проводилась быстрее, проще и используя меньшее количество материала. Это стало причиной для размещения массового производства этих самолетов в Хинтербрюль⁸⁰. Для сооружения штолен в этом гроте, узники сначала должны были выкачать всю воду из него, а затем соорудить две штольни, каждая по несколько сот метров в длину. Высота первой штольни составляла примерно 20 метров, высота второй составила примерно 48 метров. Общая площадь производства составила 12000 квадратных метров⁸¹. В первой штольне производились испытания самолетов He-162, а во второй находилось серийное производство. Узники подносили моторы и совместно с гражданскими рабочими монтировали на самолеты. Серийное производство должно было начаться с 1 января 1945 года с проектной производительностью 50 штук в месяц. Однако заявленная производительность не была достигнута. Всего было выпущено ориентировочно 200 самолетов⁸². В связи с катастрофической нехваткой горючего в немецких войсках использование

⁷⁸ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. S. 149.

⁷⁹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 53/3, Ф. В 54/1-7.

⁸⁰ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. S. 163.

⁸¹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 16/1-6.

⁸² Rudolf Lusar. Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des Zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung. S. 109.

этого самолета не достигло планируемых масштабов. 30 марта 1945 года этот лагерь был закрыт.

Еще одним большим филиалом концлагеря, узники которого использовались военным производством, был филиал в городе Линце. Здесь узники работали в основном на металлургическом заводе Германа Геринга. В Линце располагались 3 филиала лагеря Маутхаузен.

Линц-I был основан 20 февраля 1943 года, и узники были заняты на шлакоперерабатывающем заводе фирмы Хохофеншлаке Линц (Hochofenschlacke Linz GmbH)⁸³.

Филиал Линц-II был организован 27 февраля 1944 года в Баурнберг (Bauernberg, Sandgasse) для обеспечения деятельности руководства области и вермахта. В нем содержалось около 250 узников, которые строили бомбоубежища и укрепленные командные пункты⁸⁴.

В филиале Линц-III с 22 мая 1944 года по 5 мая 1945 года содержалось примерно 5500 узников, работавших на фирму Штальбау (Stahlbau GmbH). В письме главного административно-хозяйственного управления СС к руководству производственных концернов, расположенных в Линце, предписывалось использовать узников филиала Линц-III в производстве вооружений, производстве стали и строительстве в дневных и ночных сменах⁸⁵.

Так как союзнические бомбардировки 8, 25 и 26 июля 1944 года сильно разрушили металлургический и сталеплавильный завод, узникам лагерей Линц-I и Линц-III приходилось весь день заниматься расчистками завалов. 25 июля в Линце-I было убито 2 узника и 122 узника были заявлены пропавшими без вести. Скорее всего, большинство пропавших без вести также погибли. В Линц-III во время той же бомбардировки на территории завода погибло 230 узников и 14 были объявлены без вести пропавшими. Здание Линц-I было разрушено полностью, а здание Линц-III осталось почти целым, поэтому узников Линц-I пришлось переселить в лагерь Линц-III⁸⁶.

Использование узников в строительстве штолен и при расширении существующих подземных систем достигло в 1944 году гигантских масштабов. Так, например, в 1944 году в строительстве штолен и туннелей было задействовано в среднем по 7000 человек в Эбензее и Мельке, 11000 в Гузен-II, 700 в Шлиер-Редл-Ципф (Schlier-Redl-Zipf), 1000 в северном и южном лагерях Лойбл-пас (Loibl-paß), 1000 в Хинтербрюль (Hinterbrühl). Поставки всех необходимых материалов для строительства подземных сооружений обеспечивала фирма Бай-Организатион-Тодт (Bau-Organisation-Todt). Необходимые станки и соответствующих специалистов предоставляли частные фирмы, на них же было возложено проведение строительных работ. Все

⁸³ Norbert Schausberger. Rüstung in Österreich, 1938-1945. S. 35, 119, 153.

⁸⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 23/2.

⁸⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 24/7.

⁸⁶ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 24/1-2; В 24/9-10.

архитекторы и инспекторы, контролирующие строительство и производство ракет, были уполномоченные представителями СС из штаба Каммлера.

В Эбензее при реализации проекта «Цемент» узниками выдалбливались огромные по своим масштабам штольни. Во всех туннелях был проложен подъездной рельсовый путь. Подземный лабиринт в некоторых частях достигал высоты трехэтажного дома. Стены оштукатуривались бетоном, офисные помещения соответственно оборудовались. По планам Вернера фон Брауна (Werner von Braun) проект «Цемент» должен был стать огромным подземным заводом по производству и разработке ракетного вооружения. Испытательные стенды и кислородные устройства должны были быть совершенствоваться до тех пор, пока производительность ракет не достигла бы девятикратной мощности по сравнению с ракетами А-4. Такие мощные ракеты (маркированные А-9 и А-10) должны были преодолевать атлантический океан и достигать слоев стратосферы⁸⁷. В туннелях должны были сооружаться такие огромные цеха, чтобы ракеты находились в них в вертикальном положении. Хотя весной 1944 года в Эбензее было привезено огромное количество испытательных стендов, насосов и другого оборудования, гигантский проект не успевал уложиться в положенные сроки, хотя постройка двух систем штолен к концу февраля 1945 года была готова. Тем не менее, имелись предположения, что, несмотря на безжалостную эксплуатацию труда узников, необходимая система штолен едва могла бы быть закончена до 1946 года. К тому же ракеты А-9 и А-10 не выходили из фазы проектирования.

Поэтому Шпеер 6 июля 1944 года предлагал Гитлеру перестроить систему штолен в Эбензее для производства танков и шарикоподшипников. Это предложение было основано на его оценке развития ракетной технологии, которая, по его мнению, не могла быть закончена раньше конца 1945 года⁸⁸. Гитлер поддержал это предложение, и цеха в Эбензее были переделаны под производство шарикоподшипников и под системы обогащения нефти. В начале 1945 года в двух штольнях фирма Штайр-Даймлер-Пух начала производство шарикоподшипников. Производство ракет, в свою очередь, так и не было начато.

В филиале Гузен-II были усилиями около 11000 узников было сделано по меньшей мере 14 штолен, каждая толщиной 8 метров и высотой до 15 метров. Почти в каждой рабочей смене происходили обвалы со смертельными исходами. Каждая штольня имела два трехметровых отверстия, расположенных друг на друге. Верхнее отверстие служило входом, нижнее служило выходом. В этих штольнях должны были размещаться производственное оборудование фирм Штайр-Даймлер-Пух и Мессершмитт, а также научно-исследовательский институт Технического института Вены

⁸⁷ Rudolf Luser. Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des Zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung. С. 202.; Speer Albert. Erinnerungen. С. 571.

⁸⁸ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В5/3.

(Technischen Hochschule Wien). В конце 1944 года в штольне №1 был установлено оборудование завода Штаер-Верке (Steyr-Werke), и чуть позже в штольне №2 было установлено оборудование фирмы Мессершмитт. Уже в декабре 1944 года в этих штольнях началось производство. В других штольнях производственный процесс не начался. В одной из штолен были установлены несколько машин и аэродинамических моделей ракетного оружия, принадлежавшим вышеупомятому научно-исследовательскому институту. Строительство штольни в Гузен-II проводилось под кодовым названием "строительство подвала" («Kellerbau»), а также "горный хрусталь" («Bergkristallbau»), производство обозначалось «добычей горного хрусталя» («Bergkristall-Fertigung»), а сборка реактивных истребителей Me-262 обозначалась как «Ясень-2» («Esche 2»)⁸⁹.

Подвалы пивоваренного завода Редл-Зипф (Redl-Zipf-Brauerei) в Шлиере (Schlier) были расширены узниками и в них было установлено оборудование под кодовым названием «Релла Икс» («Rella X»), для выработки жидкого кислорода для ракет Фау-2. Здесь работали 40 человек из СС и СД и от 400 до 700 узников. С 14 апреля 1945 года в филиале Шлиер находилась специальная команда «Бернард», переведенная из Заксенхаузена и занимавшаяся подделкой ценных бумаг. 3 мая узники Шлиера были переведены в Эбензее⁹⁰.

С 20 апреля 1944 года в нечеловеческих условиях работали тысячи узников филиала Мельк, носившем кодовое название «Кварц» („Quarz“). Этот филиал располагался около населенных пунктов Рогендорф (Roggendorf) и Луздорф (Loosdorf) вблизи города Мельк. Первые узники прибыли сюда 11 апреля 1944 года. За короткое время узниками было вырыто в горе 6 штолен, каждая длиной в несколько сотен метров. Туннели обозначались буквами А, В, С, D, E и F. В первое время в этом лагере велась постройка жилых помещений и производственных цехов, водопроводной и кабельной систем, а также изготовление специальных устройств для строительства штолен. 30 января 1945 года в Мельке находилось 10352 узника, большинство из них были задействованы на вышеуказанных строительных работах. Лишь несколько сотен квалифицированных узников работали на производстве подшипников для танков и самолетов для концерна Steyr-Werke. В связи с наступлением советской армии, строительство штолен было приостановлено 1 апреля 1945 года. 15 апреля узники были отправлены в Эбензее и Гузен⁹¹.

С 2 июня 1943 года до конца апреля 1945 года около 1000 узников в филиале Лойблпасс (Loiblpaß) были заняты строительством туннеля, который должен был связать Каринтию (Австрия) со Словенией. Использование узников

⁸⁹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 12/32.

⁹⁰ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. F 12/1; Ф. В 36/11.

⁹¹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 60/11; Ф. К 10/4; Ф. Е 10/6; Ф. В 60/5.

на этих работах часто объясняется требованием гауляйтера Каринтии доктора Райнера. Строительство туннеля должно было быть закончено в 1945 году⁹².

В 1945 году, когда авиация союзников полностью владели воздушным пространством над Австрией, тысячи узников Маутхаузена, в том числе женщины и дети, были задействованы в дневных и ночных сменах на работах по расчистке железнодорожных вокзалов в Амштетене (Amstetten), Вельсе (Wels), Аттанг-Пухайме (Attnang-Puchheim), Фоклабруке (Vöcklabruck) и Линце⁹³.

Кроме того, сотни и тысячи узников работали с 1942 года в других небольших филиалах. Список филиалов смотри в приложении 2.

Комплекс лагерей Маутхаузен возник вследствие развития пеницитарной системы Третьего Рейха. Юридически обоснованное превентивное заключение позволяло национал-социалистической власти быстро и совершенно законным образом лишать свободы и гражданских прав неугодных лиц.

Являясь необходимым и неотъемлемым элементом тоталитарного государства, концлагерь Маутхаузен, обладая мощным экономическим ресурсом, стал важным фактором внутренней политики. Первоначально призванная решать задачи переобустройства городов, эта система принципиально поменяла свое функциональное и экономическое значение вследствие изменения обстановки на фронтах.

Изменение использования труда узников в целях военного производства сопровождалось расширением сети филиалов концлагеря и увеличением количества узников. Рассмотренная система концлагеря впечатляет своими масштабами и технологическими достижениями. Общая протяженность штолен составила 17 километров. В филиалах лагеря впервые в мире было запущено конвейрное производство реактивных самолетов.

Из-за своего неуязвимо для авианалетов положения расположенные в штольнях производственные цеха стали к концу войны важнейшим стратегическим ресурсом, с использованием которого была связана последняя надежда нацистской Германии выиграть войну. Освобождение Австрии союзническими войсками не позволило достигнуть максимальной производственной мощности.

⁹² Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 27; Ф. В 28/1-6.

⁹³ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 2/1; Ф. К 4/1; Ф. Е 13/3б.

ГЛАВА 2. Внутренняя жизнь лагерной системы Маутхаузен

2.1. Условия жизни, труда и способы уничтожения узников

Инструкции для организации и руководства концлагеря Маутхаузен, включавшие в себя условия содержания узников, были сформулированы в служебной инструкции группенфюрером СС Айке (Eicke), обобщавший его прикладной опыт, собранный с 1 октября 1933 года в концлагере Дахау.

Процитируем некоторые места этой служебной инструкции Eicke⁹⁴:

«§2: При попытке побега узников дежурное и конвоирующее подразделение может применять огнестрельное оружие без предупреждения.

§11: Лица, замеченные в политическом подстрекательстве, вызывающих речах...собирающихся или шатающихся с целью сбора, распространения, передачи истинной или ложной информации о лагере и его организации...за стены лагеря...с помощью камня или тайнописи ... должны быть повешены как подстрекатели.

§12: Лица, атаковавшие охрану или представителя СС, или отказывающихся от работы ... с целью бунта или склоняющим к подобным действиям во время марша или работы...должны быть расстреляны на месте или повешены позднее как мятежники»⁹⁵.

В соответствии с этим документом официальными наказаниями являлись: дисциплинарные взыскания (лишение еды, штрафные работы), лишение свободы (заключение в карцер) и физические наказания⁹⁶. К дисциплинарным взысканиям также относились и предостережения.

Лишение свободы представляло собой помещение узника в карцер без окон, без мебели и без теплого питания. Заключение в карцере питались водой и хлебом. Заключение в карцер чаще всего было связано с физическими наказаниями.

Физические наказания представляли собой удары прорезиненной палкой или плетью. Количество ударов колебалось от пяти до семидесяти пяти. Если наказание превышало 25 ударов, то оно делилось по 25 ударов, и должно было разделяться четырьмя неделями. Побиваемые узники должны были громко перечислять удары. Если узник обсчитывался, то подсчет начинался с начала (таким образом, часто случалось, что узник получал двойное количество ударов). Официально наказание должно было осуществляться в присутствии врача СС, однако этого никогда не происходило в Маутхаузене. Наказание приводилось в исполнение на так называемом «козле», на которого клали узника. До осени 1943 года наказание в главном лагере проводилось между бараками 1 и 2 и на главном складе.

⁹⁴ SS-Staat. С. 45.

⁹⁵ ND 1216-PS. PS-1216. D-922.

⁹⁶ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/1, 2, 4.

Очевидно, на основании указания руководителя СС от 2 декабря 1942 года, в котором Гиммлер требовал, чтобы «телесные наказания применялись в будущем только как последнее средство», и только по ходатайству коменданта лагеря, «если другие наказания ни к чему не привели», телесные наказания с лета 1943 года применялись относительно редко. Для совершения телесного наказания с 23 марта 1943 года существовал специальный формуляр. Первоначально врач СС должен был обследовать узника, способен ли тот выдержать палочные удары. Этот формуляр отправлялся в Главное административно-хозяйственное управление (WVHA) и соответствующий ответ всегда означал приведение наказания в действие. После исполнения наказания комендант лагеря должен был отправить отчет, содержащий заключение врача концлагеря⁹⁷.

В связи с наличием этой бюрократической волокиты, в дальнейшем в качестве наказания стали применяться так называемые «штрафные стояния» или «стояния у ворот». Узники, к которым применялось это наказание, должны были часами или даже в течение целых дней и ночей стоять в любую погоду поблизости от ворот лагеря. Проходившие мимо эсесовцы довольно часто «развлекались» тем, что били их руками или ногами.

Более жестокими наказаниями являлось подвешивание. Узнику, обреченному на это наказание, связывали руки за спиной толстой веревкой. Жертва вешалась на этой веревке к поперечной балке барака на высоте примерно 2 метра так, что тело свободно висело. Вся тяжесть тела была сосредоточена на согнутых суставах, что причиняло огромные боли в области мускулатуры. Это приводило к тому, что через 30 минут обессилевший узник терял сознание⁹⁸.

Штрафы назначались комендантом на основании рапортов эсесовцев. Комендант должен был решать: какой штраф назначить, либо какой формуляр отправить в вышестоящий орган власти в Главное управление имперской безопасности (RSHA) в случае необходимости телесного наказания. Однако, кроме этого, все представители СС, работавшие в администрации лагеря, имели всегда возможность наказать узника пощечиной, ударом кулаком, ударом ногой, стоянием у ворот, назначением в штрафные команды или так называемыми «спортивными мероприятиями». Вся обстановка лагеря была направлена на то, чтобы уничтожить личное достоинство узника: узники должны были выполнять все возможные, порой фантастические, требования эсесовцев и лагерных функционеров, употребляемых для поддержания порядка и «воспитания» узников.

Страх получить наказание преследовал узников практически везде и практически каждую минуту. Наказания варьировались от простых

⁹⁷ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/1. [Указ № 175].

⁹⁸ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/1, 2, 4, 7, 8.

«неофициальных» побоев до вполне узаконенных 25 или 50 ударов резиновой дубинкой со свинцовым сердечником. Для многих это наказание становилось смертельным. Бывший советский узник Дмитрий Левинский в своей книге воспоминаний пишет: «...наказывали за все: за медленное вставание с нар при подъеме; за плохо заправленные тюфяки; за неснятую рубашку в умывальнике; за слишком короткое по времени или, наоборот, длительное умывание; за то, что криво подают миску; за задержку в уборной; за опоздание с формированием рабочей команды; за медленную работу; за разговоры во время работы; за то, что ложишься спать в кальсонах; за курение в блоке и на работе»⁹⁹.

Говоря об узниках концлагерей и их «воспитании» во время речи в рамках национал-социалистского учебного курса для вермахта в январе 1937 года, Гиммлер говорил так: «...никто несправедливо не сидит: это отбросы преступности, неудачники. Нет более яркой демонстрации наследственных и расовых законов ... чем концентрационный лагерь. Эти люди с гидроцефалией, косоглазием, горбуны, полуевреи – расово неполноценный материал. Воспитание их может проходить только через приучение к порядку и никогда через мировоззренческое обучение из-за того, что у узников в большинстве случаев рабские души... там бесконечно много лиц, имеющих вторую судимость, в том числе политических преступников».¹⁰⁰

После работы узники должны были заниматься так называемой «строевой подготовкой». Длительные часы построения «по стойке смирно» на главной площади, сопровождаемые постоянным снятием и одеванием шапки – лагерной формой приветствия администрации. Также практиковались многократные процедуры по ровному построению кроватей, шлифовке стен и шкафов наждачной бумагой, бесчисленные проползания под кроватями, ночные прыжки из окна во двор, приседания, валяния в грязи, нечистотах, снеге и последующая чистка одежды¹⁰¹. Ночные наказания применялись с 1939 до весны 1943 года и в 1944 году к узникам в 20 блоке¹⁰².

Издываясь над вновь поступающими и убивая несогласных, администрация и лагерные функционеры ставили целью запугать узников так, чтобы у них с самого начала не возникло никакой мысли о сопротивлении.

Особенно яростно относились к евреям, интеллигентам, ученым, деятелям искусства, педагогам, студентам и советским офицерам те эсесовцы и функционеры, которые в той или иной степени страдали комплексом неполноценности.

Все узники всегда должны были быть с бритой головой. Вся атмосфера лагеря была пронизана атмосферой страха, отовсюду ожидалась смертельная

⁹⁹ Левинский Д.К. Мы из сорок первого... Воспоминания. М.: 2005. С. 217.

¹⁰⁰ ND 1992-PS. PS-A.

¹⁰¹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 3/1, 2, 4, 7, 8, 20.

¹⁰² Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 3/1, 2, 7, 8, 9, 13, 19, 21, 22, 23.

опасность. Никто не знал, удастся ли дожить до конца дня. Если удавалось пережить ночь, то с побудкой страх возникал снова и снова¹⁰³.

В самых худших жизненных условиях находились евреи с осени 1940 года по декабрь 1943 года, советские военнопленные с октября 1941 года и до конца 1942 года, советские офицеры в 20 блоке в 1944 и 1945 годах, поляки в 1940 и 1941 году.

Обычно пожилые, физически слабые или отправленные в штрафные команды узники жили не больше нескольких недель. В штрафных командах узники занимались всегда исключительно переноской камней и не имели права обращаться в лазарет при получении травм в каменоломне. Если какой-либо узник в штрафной команде по физическому состоянию не мог нести большие камни из каменоломни, то в течение рабочего дня его расстреливали «при попытке к бегству».

Относительно лучшие условия были для немецких и австрийских криминальных элементов и политических узников (к этой категории относились и люксембуржцы) и для всех узников-функционеров. В последние годы обращение с испанцами и чехами немного улучшилось по сравнению с начальным периодом существования лагеря. Особо хочется отметить, что в течение марта и апреля 1945 года имелось предписание из центрального управления лагерей о лучшем обращении с еврейскими узниками, что ничуть не мешало эсесовцам массово убивать евреев во время эвакуационных маршей.

По вышеуказанным причинам средняя продолжительность жизни узников с августа 1938 года до осени 1939 года составляла примерно 15 месяцев, с зимы 1939/1940 до зимы 1943/44 года – примерно 6 месяцев, в 1944 году – примерно 9 месяцев, с зимы 1944/1945 года – примерно 5 месяцев.

Все вновь прибывшие в лагерь узники, за исключением переведенных из других концлагерей, должны были от 2 до 3 недель содержаться в карантинных бараках. В Маутхаузене это были бараки 13 и 15, с 16 по 18, и иногда 19, и позже с 21 по 24. Также для карантина был приспособлен центральный Лагерь-3. В Гузене для карантина были предназначены бараки 15, 16 и 17¹⁰⁴.

Во время эпидемий тифа это время увеличивалось. Во время карантина администрация лагеря проводила так называемую «селекцию»: врачи отбирали стариков, слабых, больных, инвалидов, а иногда славян-интеллигентов и умерщвляли их различными способами. По истечению время карантина, узников распределяли либо по баракам центрального лагеря, либо направляли в филиалы¹⁰⁵.

В главном лагере и почти во всех филиалах узники будились ударами колокола. От весны до осени подъем был в 4-45, зимой - в 5-45. После побудки

¹⁰³ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 3/1. [Свидетельства узников].

¹⁰⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 3/1, 2, 7, 8, 19, 20, 22.

¹⁰⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 3/1, 2, 4, 7, 8, 20, 22, 23, 25, 32.

узникам надо было сразу встать, заправить соломенные тюфяки, забежать в умывальню и туалет, быстро выпить так называемое «эрзац-кофе». После этого следовало общее построение перед бараками. Все вышелечисленные действия происходили очень быстро, в сопровождение криков и ударов узников-функционеров барака.

В любое время года все узники выстраивались на поверку на главной площади, называемой «апельплац». После появления эсэсовцев старшие по баракам сообщали о состоянии и количестве узников соответствующему офицеру СС. После приветствия, которое выражалось в одновременном снимании и одевании узниками шапок, следовала команда сформировать рабочие команды. После этого в атмосфере суеты, криков и ударов функционеров лагерь становился похожим на муравейник.

Плотными колоннами по пять человек в ряду узники маршировали к местам работы, которые находились либо внутри, либо снаружи цепи сторожевых постов. Первыми в центральном лагере отправлялись узники, работавшие в каменоломне. Проходя мимо комендатуры, находящейся у главных ворот, все узники должны были снять шапки, шагать в ногу и смотреть по направлению комендатуры. Крики капо¹⁰⁶ «левой, два, три, четыре», искаженные страхом лица и монотонный звук ударов деревянных подошв сопровождали узников до места работы.

До весны 1944 года перекличка проходила 3 раза в день: утром, в обед и вечером. В последующий период была частично отменена дневная перекличка. Она оставалась обязательной для тех, кто работал в цехах и в пределах территории лагеря, за исключением обслуживающего персонала и работающих в лазарете. Вечером, в зависимости от времени года в 18-00 или 19-00, происходила более тщательная и длительная поверка узников. Это связано с тем, что процесс вечерней поверки шел не за счет рабочего времени, а за счет свободного времени узников. Вечерняя поверка продолжалась обычно от 30 минут до 3 часов. Такие часовые проверки проводились в случаях побегов, казней или других происшествий. После поверки был ужин, после которого у узников оставалось около часа свободного времени, в течение которого они приводили в порядок себя, свою одежду, отрабатывали наказания по уборке бараков, посещали врача. Некоторые пытались выменять еду или сигареты. Зарубежные источники указывают, что один раз в 4 или 6 недель узников водили в душ¹⁰⁷. Однако многие советские узники не упоминают о том, чтобы их водили в душ¹⁰⁸. Определенная категория узников (советские узники в эту категорию не входили) получали письма и, с декабря 1942 года, посылки с продовольствием.

¹⁰⁶ руководитель рабочей команды

¹⁰⁷ Маршалек. С. 46.

¹⁰⁸ Из интервью бывшего узника В.Коновенко автору.

С лета 1942 года в центральном лагере, а с декабря 1942 года и в Гузене некоторые привилегированные узники посещали бордель¹⁰⁹. В 20-45 все узники должны были находиться в бараках, и в 21-00 наступал отбой, если блоковые функционеры не организовывали мероприятия по контролю вшей, одежды и т.п. Таким образом, время для сна еще более сокращалось.

Во время эпидемий тифа в 1940-1941 гг. были введены ежевечерние проверки на вшивость¹¹⁰. Очень часто, если на узнике находили вошь, то его топили в бочке. Для наглядного примера в бараках вывешивались плакаты, где на желтом фоне была нарисована большая черная вошь и было написано: «Вошь – твоя смерть».

Вторая половина воскресения уходила на то, чтобы узники чинили одежду и портянки, так как большинство узников носили портянки. После этого узников стригли и брили. Оставшееся время узники тратили на посещение других бараков. С лета 1943 года постепенно силами узников начали проводиться небольшие концерты, футбольные матчи и боксерские соревнования¹¹¹. В этих мероприятиях принимали участие только те немногие узники, которые трудились в относительно легких трудовых командах и сравнительно хорошо питались. С 1943 года в центральном лагере Маутхаузен появились футбольные команды немцев, испанцев, австрийцев, югославов и поляков. В Гузене в футболе принимали участие немцы, поляки и испанцы. В боксерских поединках и центральном лагере, и в Гузене принимали участие прежде всего немецкие уголовники, но также испанцы и поляки. Кулачный бой испанца или поляка против немца для многих узников символизировал борьбу подавляемых народов против немецких фашистов.

До осени 1944 года в центральном лагере соблюдалась показательная чистота: стены и полы бараков полировались ежедневно. В большинстве бараков заключенные могли входить только босиком. Все бараки с 1 по 15 были окружены цветочными клумбами. Центральная площадь, все дороги и площадки тщательно вымывались и подметались. Отвечала за эту показательную чистоту специально ответственная команда¹¹².

Каждый барак длиной 52, 61 метра и шириной 8,22 метра был разделен на 2 отделения. Комната («штуба») «А» находилась слева, а комната «Б» - справа. Каждая такая комната была разделена на «спальню» (12,37 x 8,00 метров) и бытовку (9,89 x 8,00 м), общей площадью 178 м². Большинство узников жили в спальне, в бытовке жили функционеры и лагерная администрация. В каждой бытовке стояла печь. В центральной части барака, между этими комнатами находились (слева направо): туалет (3,64 x 6,34 м), маленькая комната для топлива (дров) (1,15 x 1,88 м) и душевая (3,64 x 6,34 м).

¹⁰⁹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. К 2/1. [Список посетителей борделя].

¹¹⁰ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. Н 21/1. [Копия телеграммы от 7.10.1940 и 14.7.1941.].

¹¹¹ Дм.Левинский. Мы из 41-го: воспоминания. М.: 2005. С. 268.

¹¹² Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/1, 2, 3, 4, 7, 8, 11, 20, 22, 23.

В «спальнях» стояли двух или трехэтажные кровати¹¹³, причем на одном лежачем месте спали два узника. Все советские узники вспоминают трехъярусные кровати, большинство зарубежных узников – двухъярусные. Во время сна можно было не снимать только рубашку. Накрывались старыми одеялами. Только функционеры имели соломенные тюфяки, простыни и одеяла, а также право спать на кровати в одиночку.

В карантинных лагерях II и III центрального лагеря узники спали на деревянных полах в положении «сардин»: голова-ноги. Кровати здесь были только у функционеров. Многие бараки этой части лагеря были рассчитаны на 300 человек, а фактически в каждом бараке спали в некоторые моменты до 2000 человек. Узники распределялись по баракам в соответствии с их национальностью и характером работы. Приведем распределение узников в бараках с 2 по 15 центрального лагеря:

В блоке 2 находились функционеры австрийского, немецкого, чешского и испанского происхождения: обслуживающий персонал СС, писари, политический отдел, а также узники, работавшие в ревире, складе и строительной команде.

В блоках 3 и 4 находились австрийские и немецкие уголовники, преимущественно капо, работавшие в каменоломне, на заводах и строительстве.

В блоке 5 в первой комнате с 1942 года находился лазарет. Во второй комнате до марта 1944 года находились еврейские узники, и вновь прибывшие в лагерь, причем располагались они без кроватей. С 1944 года во второй комнате уже на кроватях размещались австрийцы и венгры.

В блоке 6 размещался персонал, работавший на кухне и включавший в себя представителей различных наций.

В блоке 7 размещались поляки, некоторое число немецкоговорящих, а также члены секты «Свидетели Иеговы», работавшие в каменоломне, на строительстве и на озеленении территории лагеря.

В блоке 8 находились поляки, бельгийцы и граждане СССР, работавшие преимущественно в каменоломне и на строительных работах.

В блоке 9 были размещены австрийцы, немцы, испанцы, чехи, которые работали на производстве и возведении гражданских сооружений.

В блоке 10 размещались асоциальные заключенные из Германии, Австрии, Чехии, работавшие на строительстве, в сборочных цехах и заводах.

В блоке 11 размещались дети и подростки из Советского Союза, Польши и Испании, работавшие на обработке камня.

В блоке 12 жили преимущественно испанцы и некоторое количество французов, а также представители других национальностей.

В блоке 13 размещались югославы, французы, чехи и испанцы, работавшие в каменоломне, заводах и сборочных цехах.

В блоке 14 размещались югославы и советские граждане, работавшие на строительстве и производстве.

В блоке 15 размещались поляки, советские граждане и представители других национальностей, работавшие в каменоломне и на производстве.

В филиалах лагеря картина была во многом похожа на происходившее в центральном лагере. Исключением, например, в филиале Гузен-1 являлось, во-первых, то, что для проживания узников, задействованных в производстве вооружений, были построены два каменных здания, а во-вторых, что вдоль барачных лагеря тянулись небольшие деревянные здания, которые использовались в качестве уборных и душевых¹¹⁴. Вообще, санитарные условия существенно отличались в разных филиалах. В самых маленьких филиалах, узники которых занимались обслуживанием государственных или военных организаций, условия были сравнительно лучше: узники спали на нормальных кроватях, были обеспечены хорошей одеждой и их рацион соответствовал рациону рядовых СС. Среди этих филиалов можно назвать Клагенфурт (Klagenfurt), Замок Линд (Schloß Lind), Миттерзиль (Mittersill) и Шенбрун (Schönbrunn-Wien).

До осени 1942 года все узники, за исключением советских военнопленных и евреев, носили робы с продольным сине-серо-белым рисунком. Осенью 1942 года многие узники получили старую форму югославской, греческой, французской или советской армии. Лагерные функционеры получили возможность носить похожие на форму темно-синие костюмы или рубашки. С 1944 года некоторые узники начали носить гражданские костюмы. На всей одежде, отличавшейся от установленной полосатой формы, для различения узников должны были пришиты куски полосатой робы.

В первые годы существования лагеря узники в качестве обуви получали деревянные сабо, похожие на деревянные голландские ботинки. С 1943 года узникам начали выдавать матерчатую обувь с деревянной подошвой и иногда портянки. Все, кто находился в карантине или должен был быть уничтожен за короткое время, портянки не получали. Лагерные функционеры носили кожаные сапоги или ботинки с носками и гольфами.

Узники, работавшие в каменоломне и под открытым небом, получали зимой дополнительную одежду: пальто, шапки, свитера и рукавицы. Советским военнопленным (до конца 1943 года), еврейским узникам и членам штрафных команд (до весны 1944 года) никакая зимняя одежда не полагалась. Вся одежда внутри лагеря строгим образом учитывалась, одежда умерших и вновьприбывших регистрировалась.

¹¹³ В некоторых случаях, например, при карантине или в изолированном блоке 20 узники спали прямо на полу.

¹¹⁴ Stanislaw Dobosiewicz. Vernichtungslager Gusen. Wien, 2007. S. 62.

Осенью 1944 года закончились поставки одежды, поэтому на работах, связанных с сильным износом одежды, в штольне или на производстве узники начали ходить либо в обносках, либо используя куски старой одежды и т.д. В то же время, зимой 1944/1945 года, отдельным узникам выдавалась зимняя одежда. Предписанием от 9 февраля 1943 года советские и польские узники могли оставлять на себе имевшуюся у них одежду при поступлении, в августе 1944 года это было разрешено всем узникам. Однако это мало улучшило ситуацию, и в связи с увеличением темпов производства износ одежды стал еще более заметным. Порча одежды стала рассматриваться как саботаж и соответствующе наказываться. В мае 1944 года кризис швейной промышленности достиг апогея.

До 1945 года все узники должны были подстригаться наголо летом. Зимой узникам выбривалась трехсантиметровая полоска от лба до затылка, которая называлась «улицей Гимmlера» («Himmlerstraße») или «улицей вшей» («Lausstraße»). Однако с 1943 года некоторым функционерам разрешалось носить нормальную прическу.

Основной официальный постоянный пищевой рацион был установлен в августе 1940 года. Однако со временем в него вносились изменения. Состав еженедельно предусмотренной недельной порции менялся соответственно следующим периодам (см. Таблица 1).

Дополнительно к основному рациону был введен дополнительный рацион для узников, участвующих в тяжелых работах. Это касалось всех, кто работал на производстве вооружений, на каменоломне и на постройке туннелей. Установленный недельный дополнительный рацион (см. Таблица 2).

Заключенные, переведившиеся в другие лагеря или филиалы получали следующий дневной транспортный рацион: 500 г. хлеба, 50 г. салями, 60 г. маргарина.¹¹⁵

Вышеприведенный официальный формальный рацион был одинаков для узников во всех немецких концентрационных лагерях. Однако в реальности все было по-другому. Заключенные Маутхаузена никогда не получали всех продуктов, указанных в вышеприведенных таблицах.¹¹⁶

К примеру, в лагере никогда не было обезжиренного молока. В период с 1943 по 1944 было огромной редкостью, если узники, работающие на производстве вооружений получали мясо, которое являлось неким подобием гуляша, вместо обычной свеклы или брюквы.

Большая часть из вышеприведенного списка продуктов распределялась между офицерами СС, занимавшими административные должности, членами их семей и солдатами СС (число таких «нахлебников» составляло около тысячи человек).¹¹⁷

¹¹⁵ Eugene Kogon, "SS State". S. 117.

¹¹⁶ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/7, 7, 8, 20, 35.

¹¹⁷ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V3/8, 20.

Некоторая незначительная часть продуктов постоянно разворовывалась привилегированными заключенными и заключенными, работающими в транспортных командах.

На протяжении нескольких лет узники реально получали следующее питание.

Утром: около 500 мл супового экстракта с маленьким кусочком жира в нем и около 500 мл черного заменителя кофе без сахара. Сахар добавлялся в кофе исключительно редко.

Днем: от 700 до 1000 мл жидкости («тушеной шведской свеклы»), в которой было около 200 г. кормовой свеклы, 50 г. картофеля, 20 г. жира, некоторое малое количество муки и вода. Очень редко (между апрелем и июнем) вместо свеклы они получали сушеные овощи, «похожие на шпинат».

В течение 1944 года узники, работавшие на производстве вооружений или в каменоломне получали дневную порцию хлеба в 700 г. или 460 г.¹¹⁸ соответственно.

Только один раз в истории концлагеря Маутхаузен, в центральном лагере узники получили по 25 г. копченого бекона. И один раз, осенью 1944 года, все работавшие узники получили по луковице на парадном построении в присутствии коменданта лагеря. Этот лук узникам необходимо было съесть сразу.

Пользуясь Таблицей 3 можно подсчитать количество калорий, получаемых ежедневно узниками.

В течение 1944 года работавшие на военном производстве получали больше на 770 ккал, а работавшие на каменоломне - больше на 240 Ккал по сравнению с обычной нормой.

Основной едой был ржаной хлеб, состоявший из ржаной муки грубого помола и муки из картофеля. Хотя это был и жесткий, рассыпчатый и сухой хлеб, он составлял собой самую ценную и питательную пищу.

Только у некоторых заключенных была возможность получать посылки с едой. В основном, посылки получали немецкие, австрийские, чехословацкие, польские и югославские заключенные. Французские и бельгийские заключенные получали посылки очень редко. Граждане Советского Союза и советские военнопленные, испанские республиканцы, евреи, итальянцы и венгры посылок не получали.¹¹⁹ Согласно приказу рейхсфюрера СС от 29.10.1942, узникам среди прочего было разрешено получать посылки с едой от их семей: «... число посылок, которое может получить узник неограниченно. Однако, содержание посылки должно быть использовано в день получения или в последующие дни. Если это невозможно, содержимое должно быть распределено между другими заключенными... Каждый рядовой солдат СС,

¹¹⁸ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. Н 13 [Статистика администрации лагеря].

¹¹⁹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/7, 8, 20.

присвоивший посылку заключенного, должен быть казнен... Когда заключенный использует посылку не по назначению ... он должен быть немедленно казнен. Барак, в котором он содержится, должен быть наказан запретом принимать посылки в течение 3 месяцев»¹²⁰.

В Маутхаузене, с 1942 по 1945 гг. солдаты СС изымали из каждой посылки самые ценные пищевые продукты, такие как бекон, сало, масло, копчености, якобы с целью «распределить между больными узниками», однако эти продукты так у них и оставались. Любая попытка возражения узника на такое «воровство» кончалась смертью возражавшего.

Понятно, что получаемая норма не соответствовала тяжелому труду узников, приводя узников к ощущению постоянного голода, а позже – к истощению и смерти. Для получения дополнительного рациона узники шли на различные ухищрения. Зафиксированы случаи, когда вес некоторых узников доходил до 40-50 кг¹²¹.

С февраля 1942 года все больные узники лагеря, находящиеся в лазарете, получали лишь половину пищевой нормы. С февраля по май 1945 года количество узников в лагере постоянно возрастало, а продовольственное обеспечение лагеря значительно ухудшилось. Поэтому участились случаи, например, получения еды за умерших товарищей и т.п. Также в этот период в лазарете лагеря имелись несколько случаев каннибализма, когда еще из теплого тела вырезались мышцы плеч и бедер, печень и селезенка¹²².

Постоянное чувство голода приводило к тому, что узники говорили о еде при всяком удобном случае. Они обсуждали рецепты и воображали различные деликатесы. Для поиска еды узники обыскивали места работы, ели корни, траву, почки, желуди, крыс, кошек, собак, отбросы и даже бурый уголь. Часто узниками совершались нападения на тех, у кого оставалась еда. Днем узниками предпринимались различные ухищрения для получения добавочной порции еды, а ночью предпринимались попытки украсть еду там, где это было возможно. В этом состоянии вся активность, направленная на поиск еды, сопровождалась жадностью и жестокостью к другим узникам. Раздражение, сопровождавшее борьбу за выживание, доводило людей до варварства. Многие страдали диареей, но предпочитали не обращаться в лазарет, так это для многих значило верную смерть. С диареей боролись как чисто техническими методами (запечатывая анальный проход), так и употребляя уголь, либо доставая таблетки¹²³.

Когда от голода кончались силы, то многие узники, не имея возможности передвигаться, садились на землю и продолжительное время сидели, не обращая внимание на происходящее вокруг. Только вид еды мог вернуть его из

такого состояния. Пребывающие в таком состоянии назывались в лагере «пловцами» или «мусульманами». Если такие люди были предоставлены сами себе и им никто не помогал, они обычно умирали через несколько дней. Они были до такой степени подавлены, что безвольно шли на верную смерть, если их вводили для впрыскивания бензина или в газовые камеры¹²⁴.

У молодых людей по понятным причинам были большие резервы для поддержания жизни. Причем опыт пребывания в тюрьмах гестапо и этапирования давал необходимый опыт для выживания в лагере.

Кроме физического состояния, важную роль играла внутренняя духовная позиция узника. Те, у кого была твердая политическая или духовная позиция, даже при худшем физическом состоянии, имели устойчивое преимущество в обстановке лагеря. Например, более физически крепкие крестьяне быстрее погибали, чем представители политической интеллигенции, привыкшие голодать. Очень важна была дружеская поддержка среди узников. По воспоминаниям большинства советских узников только дружба и помощь друзей позволила им выжить в лагере¹²⁵.

2.2. Социально-психологические аспекты пребывания узников различных национальностей и межкультурные отношения

Все ужасающие условия пребывания способствовали тому, что многие узники после первоначального шока переходили в состояние апатии. Таких людей, совершенно безразлично смотревших на окружающий мир, в лагерной среде называли «мусульманами»¹²⁶. Следствием этой апатии чаще всего являлась скоротечная смерть. Многие узники, выжившие в лагере, осознавали, что одной из главных целей взаимовыручки в лагере было противодействие этому всепроникающему чувству апатии.

Вместе с апатией узников постоянно преследовало чувство голода. Голод настолько вытеснял все остальные потребности узников, что в любой свободный момент люди говорили о еде. Этот нездоровое желание говорить о деликатесах на малое время приносило узникам облегчение, но потом они еще больше страдали от того, что это были всего лишь фантазии. Необходимо заметить, что подавляющее большинство советских узников составляли молодые люди в возрасте моложе 40 лет.

Те узники, которые в обычной жизни привыкли к преобладанию духовных интересов, переносили лагерную ситуацию не менее болезненно, но в духовном смысле она была менее деструктивна. Им был более доступен мир внутренних чувств, помогающий в тяжелейших ситуациях.

¹²⁰ Приказ Гиммлера от 29.10.1942, NO-1514.

¹²¹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. Н 7а/23

¹²² Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/11, V 4/353.

¹²³ Из интервью автору бывшего узника А.Т.Малеванного.

¹²⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/8, V 3/56.

¹²⁵ Из интервью автору бывшего узника Маутхаузена А.С. Сои.

¹²⁶ В. Остен. Встань над болью своей. Калининград, 1995. С. 422.

Знаменитый австрийский психолог Виктор Франкл, прошедший застенки Освенцима, очень подробно описывает психологическое состояние узников, попадавших в концлагерь: «Если может показаться невероятным, что кто-то в лагере сохранил способность восхищаться природой, то еще более невероятным кажется то, что некоторые сохранили чувство юмора»¹²⁷. О важном значении чувства юмора в борьбе с голодом и апатией говорят и бывшие советские узники.

Важно помнить, что очень немногие из советских узников знали немецкий язык и поэтому их шансы выжить были еще меньше чем шансы немецкоговорящих заключенных. Среднее время жизни советских узников (занятых на работах в каменоломне) в системе лагерей Маутхаузена в 1943-1945 годах составляло 2-4 недели.

Несмотря на все это, некоторые узники находили в себе силы не только не падать духом, но и поддерживать своих товарищей. Это было необходимым условием существования в лагере, и все бывшие узники говорят о том, что без помощи своих друзей они не смогли бы выжить. Очень часто такая поддержка была на грани самопожертвования, так как лагерной администрацией не допускались любые проявления солидарности и взаимопомощи в среде узников. Строжайшим образом преследовались любые попытки облегчить участь евреев и советских военнопленных.

Многие выжившие узники говорят о том, что им помогло выжить внутренняя вера в освобождение и в необходимость сопротивляться и поддерживать друзей. Это был тот самый «смысл», о котором пишет Франкл в своей книге: «Они явили свидетельство того, что в страдании заключен подвиг, внутренняя сила. Духовная свобода человека, которую у него нельзя отнять до последнего вздоха, дает ему возможность до последнего же вздоха наполнять свою жизнь смыслом».

Этот «смысл» проявился у советских узников очень сильно: именно советские узники, несмотря на свое критическое положение по сравнению с другими категориями узников, организовали одну из самых сильных подпольных организаций. Взаимовыручка, обнадеживающая информация, моральная и физическая поддержка падающих духом – в этом был смысл существования тех узников, которым удалось дожидаться освобождения.

Сергей Розанов, советский военнопленный, так пишет в своих воспоминаниях: «Действительно, в кошмарных условиях лагеря выживали только сильные духом, уверенные в победе правды и справедливости над злом и насилием. Триста граммов эрзац-хлеба не могли спасти от голодной смерти ... победить смерть было очень трудно»¹²⁸.

¹²⁷ Франкл Виктор. Сказать жизни "Да": психолог в концлагере. М.: 2004. С.176.

¹²⁸ Розанов С.И. Маутхаузен своими глазами. //Знак судьбы. Воспоминания и творчество жертв нацизма. М.: 2001. С. 207.

По воспоминаниям узников из других стран, у многих советских узников был внутренний стержень, позволявший им противодействовать окружающим условиям¹²⁹. Возьмем на себя смелость утверждать, что причины столь мотивированной позиции советских узников были обусловлены не только политическими причинами, как часто описывалось в политизированных книгах советского периода. Известно, что менталитет социума формируется столетиями, а для конкретной личности включает в себя систему ценностей и характерных наборов убеждений предыдущих поколений. Из психологии также известно, что особенности менталитета человека наиболее ярко проявляются в стрессовых ситуациях, когда возникает «конфликт целей». То, что смогло проявиться в русских, украинцах и белорусах в концлагере, должно было быть заложено очень глубоко и очень сильно – гораздо сильнее и глубже, нежели поверхностные советские лозунги о любви к «отцу всех народов» и о стремлении к «мировой революции». Этим глубоким ментальным жизненным установкам, проявившимся в чрезвычайной ситуации, невозможно было сформироваться за двадцать лет советского строя, занимавшегося в основном разрушением всех идеалов, существовавших до него. В критической стрессовой ситуации в советских узниках, отношение к которым в концлагере было наихудшим по сравнению с другими категориями узников, проявились глубинные черты менталитета. Эти черты, несомненно, должны были базироваться на крепком многовековом духовном стержне. Возьмем на себя смелость утверждать, что этот стержень формировался столетиями и являл собой духовную основу традиционного общества.

Находясь в ужасных условиях лагеря, представители разных национальностей были вынуждены общаться друг с другом и с лагерной администрацией. Общение это было вызвано различными поводами: попыткой узнать какую-либо информацию о происходящем на фронтах, стремлением «выслужиться» перед лагерной администрацией, попыткой обменять вещи или еду, желанием помочь другим узникам и другими. Немногие узники знали иностранные языки, поэтому результатом этого контакта было появление лингвистических конструкций, характерных исключительно для данной социальной и исторической ситуации. Эти конструкции представляли собой слова и выражения из разных языков, использовавшихся для общения между узниками различных национальностей.

Рассмотрим некоторые слова и понятия из «словаря» этого специфического интернационального сообщества. На немецком языке в лагере говорили охранники, уголовники и политические заключенные. Поэтому большую часть немецких слов, известную всем заключенным составляли команды («Los!», «Aufstehen!»), ругательства («Heini», «Scheisser») и слова,

¹²⁹ Интервью бывшего болгарского узника концлагеря Маутхаузен Марина Чурова автору от 17.07.2006 [Аудиозапись].

обозначающие места и процессы («Block», «Gaswagen», «Reveir», «Kaputt gehen»)¹³⁰.

Из польского языка в общий обиход вошло большое количество ругательных выражений («banda swin», «pacholek», «kurvi syn»), слов, обозначивших состояние узников («bandzior», «chlopak») и предметов («czarka», «obozow»). Поляки, хотя и являлись самой большой национальной общиной лагеря, не стремились к контакту с остальными национальностями и относились почти с одинаковой озлобленностью и к немцам, и к советским заключенным.

Из русского языка в общелагерный лексикон вошло много словосочетаний, обозначающих действия («давай быстро», «работай помалу», «дай хлеба»), обозначений функциональных характеристик узников («ключник», «комиссар», «немец») и обозначений предметов («базар», «валюта», «папироса», «пачка», «душегубка»). Это достаточно точно характеризует активность, проявляющуюся у наших соотечественников в концлагере. Дух сопротивления и борьбы за жизнь сплотил многих узников из Советского Союза и имел большое воздействие на лагерную среду. Первое время советским узникам было довольно сложно адаптироваться в ситуации лагеря, но со временем они нашли общий язык с немецкими политическими узниками и испанскими интербригадистами.

Из испанского языка кроме слов, обозначавших отношения и предметы («granucha», «camela»), широко использовались выражения, обозначавшие «инструкции», помогавшие выжить в лагере («wenga-wenga», «travacho», «nix camela – nix travacho»). До депортации в немецкие концлагеря испанские республиканцы находились во французских фильтрационных лагерях, и их довольно большой опыт по выживанию был очень важен для узников других стран.

Итальянцы появились в концлагере в больших количествах в конце 1943 года. Из итальянского языка в общелагерный лексикон пришли команды («avanti») слова для обозначения предметов или состояния узников («campro», «саро»).

Некоторые слова имели специальный конспиративный смысл и использовались только в определенных ситуациях. Например, «konstellation» (исп. «ситуация») обозначало какую-либо важную подпольную акцию. Слово «achtzehn» (нем. «восемнадцать») служило секретным окриком при приближении охранников. «Мекка» - русское слово, обозначавшее Москву в разговоре коммунистов. Другое русское слово - «кадр» обозначало важную персону в лагере. В интернациональном лексиконе очень редко встречаются слова французского, чешского, югославского происхождения.

Этот общелагерный лексикон показывает степень социализации и адаптации в непростой жизненной ситуации узников различных национальностей. Анализ этих процессов необходимо проводить в психологическом, социологическом и лингвистическом направлении. Однако это затруднено специфическими условиями социальной среды концлагеря и малым количеством выживших узников.

Как видно, самым распространенным и интернациональным явилось использование различного рода ругательств. Чуть менее распространенными были обозначения мест, вещей, отношений и процессов. Для обозначения действий и конспиративных элементов использовались немецкий, испанский и русский язык. Интересно заметить, что, в отличие от русских и испанцев, немцы и австрийцы при организации подпольной деятельности действовали менее активно и масштабно, но более конкретно и уверенно. Все это подчеркивает стремление к диалогу и интернациональный характер движения сопротивления среди вышеперечисленных категорий узников. Эти позиции были обусловлены как менталитетом представителей отдельных наций, так и их политическими взглядами.

2.3. Специфика режима советских узников

Первые советские граждане, являвшиеся политическими узниками, были доставлены в центральный концлагерь Маутхаузен 23 сентября 1941¹³¹. Количество их неизвестно.

Первая партия советских военнопленных прибыла в лагерь 20 октября 1941 года. 2205 человек после фильтрации были направлены на постройку лагерной больницы («ревира») вне пределов лагеря. Поэтому построенные ими бараки стали называться «русским ревиром» или «русским лагерем».

Вторая партия советских военнопленных в 2000 человек, прибывшая 24 октября 1941 года, была сразу переведена в строящийся филиал Гузен. Часть военнопленных содержалась в 16 блоке в строжайшей изоляции, но об их судьбе нет практически никакой информации¹³².

Никто из советских узников, поступивших в лагерь в 1941 году, не дождался освобождения и информации о них можно найти очень мало. Все советские военнопленные до 1943 года не получали отдельный регистрационный номер, а сохраняли порядковый номер, полученный в лагерях военнопленных. Только 80 человек получили внутренние номера до 1 января 1943 года. С этим связано сильное затруднение в поиске информации о судьбе узников, прибывших ранее этой даты.

В 1942 году в лагерь было направлено по крайней мере 1340 советских военнопленных и неопределенное количество гражданских лиц. Все взрослые

¹³⁰ Marsalek H. Die Geschichte des Konzentrationlagers Mauthausen. Wien:1995. S. 347.

¹³¹ Marsalek H. Die Geschichte des Konzentrationlagers Mauthausen. Wien,1995. S. 113.

¹³² Левинский Д.К. Мы из сорок первого...Воспоминания. М.: 2005. С. 234.

узники направлялись на работу в каменоломни, а не достигшие 16-летнего возраста – на камнеобработку. По свидетельству выживших узников, в начале 1942 года в Гузене в рамках «дезинфекции» проходили массовые убийства советских узников с помощью удушения газом целых бараков¹³³. В конце 1942 года в Гузене в живых оставалось лишь около ста советских военнопленных.

Весной 1942 года сеть филиалов концлагеря Маутхаузен серьезно расширяется: именно в это время большая часть промышленников начала задумываться об использовании рабского труда заключенных. К 1943 году узниками заинтересовалось министерство вооружений и боеприпасов, и постепенно труд узников сосредотачивается на решении задач военного производства.

С 1 января 1943 года, руководствуясь архивными данными¹³⁴, мы можем более уверенно говорить о числе наших соотечественников, имея в виду, что в некоторых специальных случаях прибывавшие не регистрировались. Все советские граждане, попадавшие в Маутхаузен, принадлежали одной из следующих групп:

- военнопленные (нем. kriegsgefange). Носили красный треугольник с буквами «SU». Депортировались в концлагерь за попытки побега из лагерей военнопленных, за подозрение в подготовке побега или политическую активность.
- «восточные рабочие» - лица, депортированные на работу в Германию (нем. RZA - russisch zivil arbeiter), OST-арбайтеры. Носили красный треугольник с буквой «R». Основанием для депортации часто были попытки побега или совершенные «восточными рабочими» правонарушения. Но, в большинстве случаев, основанием для ареста являлось «превентивное заключение» - юридическое основание, позволявшее заключать в фашистской Германии в неволю кого угодно и когда угодно без следствия и обвинительного приговора.
- политические (нем. politisch). В эту категорию входили лица, подозреваемые в связях с движением сопротивления, и лица, проявившие любую неугодную политическую активность на территории Третьего Рейха. Они носили красный треугольник с буквой «R». Также часто основанием для ареста являлось «превентивное заключение».
- Schutzhaftlinge - "гражданские лица, интернированные по административным обстоятельствам" - лица, которые были арестованы по политическим, расовым или иным причинам, и представляющие опасность для государства или оккупационных войск¹³⁵. К этим лицам принимались

¹³³ Haunschmied R., Mills J., Witzany D. St.Georgen-Gusen-Mauthausen. St. Georgen an der Gusen, 2007. P. 100.

¹³⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В,Е,У.

¹³⁵ Report of the International Committee of the Red Cross on its Activities During the Second World War. Geneva, 1948. V. III. P.83

такие же меры, как к арестованным за уголовную деятельность. Носили красный треугольник с буквой «R».

- «хиви» (нем. Hilfswilliger) – коллаборационисты, сражавшиеся на стороне фашистской Германии и совершившие какие-либо правонарушения. Носили красный треугольник с буквами «SU». В связи с одинаковым обозначением военнопленных и «хиви», в лагерных условиях было очень трудно различить тех и других.

К сожалению, доступные архивные данные австрийского Архива Маутхаузен-Музея¹³⁶, отражают не полный список поступивших в концлагерь узников, однако общие тенденции можно выделить (см. таблицу 4). В статистику архива не входят около 4700 советских военнопленных офицеров, направленных без регистрации в изолированный 20 блок центрального лагеря в 1944-1945 гг.

Из таблицы видно, что количество политических узников и «schutz» постоянно уменьшалось и в 1945 году их практически не поступало. Также к 1945 году уменьшилось количество «хиви», которых более рационально считалось отправлять на фронт, нежели в концлагерь.

Самой массовой категорией узников были восточные рабочие, которых в 1944 году было депортировано более 14 тысяч человек. Это было связано с изменением характера занятости узников: в июне 1943 года практически приостанавливается производство гранитного камня в концлагерях системы Маутхаузен. Главной задачей с этого момента является военное производство: узники начинают собирать запчасти и целые фюзеляжи самолетов. Однако из-за бомбардировок союзников Германии были необходимы подземные заводы. Понимая, что советские военнопленные гораздо более слабый и ненадежный контингент для создания подземных туннелей, в концлагерь начали массово депортировать «восточных рабочих».

Для отбора тех узников, которые уже не могли работать (так как они не представляли экономической выгоды), применялись медицинские «осмотры», в результате которых слабых заключенных отправляли в газовые камеры замка Гартхайм (специально переоборудованного здания для массового уничтожения людей), так как собственные крематории не справлялись. Не все акты уничтожения узников носили массовый характер. Отдельные умерщвления проводились с помощью инъекций, голода или утопления в бочке – последний прием особенно характерен для Гузена.

До конца 1943 года советские военнопленные и евреи, в отличие от остальных узников, не получали никакой зимней одежды¹³⁷. До 1944 года все советские военнопленные и совершеннолетние «восточные рабочие», так же

¹³⁶ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/7.

¹³⁷ Marsalek H. Die Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen. Wien, 1995. S. 69.

как и евреи, работали исключительно в каменоломне. Для подавляющего большинства это значило верную смерть.

На советских узников и на евреев, в отличие от других национальностей, не распространялась деятельность Международного Красного Креста, который периодически присылал посылки узникам концлагерей.

Воспользовавшись данными архива Маутхаузен-Музея¹³⁸, рассмотрим по годам процентно-возрастное соотношение поступавших в концлагерь советских узников (см. таблицу 5).

Из этой таблицы видно, что больше всего в лагерь поступало молодых людей в возрасте 18-21 год. Средний возраст поступавших в концлагерь в 1943 году равнялся 28 лет и 11 месяцев, в 1944 году – 27 лет, в 1945 году – 26 лет и 6 месяцев. Уменьшение среднего возраста с 1944 года наглядно подтверждает стремление получить руководством лагеря более молодую и надежную физическую рабочую силу.

Воспользовавшись данными архива Маутхаузен-Музея, рассмотрим профессиональную ориентацию отправленных в лагерь советских узников по годам (см. таблицу 6). Для анализа возьмем 10 самых распространенных профессий за каждый период и посмотрим их соотношение.

Из таблицы виден постоянный рост количества рабочих и постоянное уменьшение числа колхозников среди общего числа узников. Это можно объяснить переориентацией производственной базы концлагерей в сторону использования труда узников в целях военной промышленности. Также можно отметить возрастание числа учащихся в 1944-45 году по сравнению с 1943 годом. Это можно объяснить стремлением заполучить администрацией лагеря более молодых и здоровых узников. При этом соотношение других профессий существенно не меняется. Также видно, что в 1944-1945 году диапазон профессий сокращается по сравнению с 1943 годом.

В марте 1944 года Гитлер тайно принял решение и разработал новую концепцию войны, традиционные правила ведения которой были отодвинуты в сторону. Эта война, по его мнению, должна была быть жестокой и предполагала абсолютное истребление противника. В соответствии с этим Кейтель, возглавлявший Верховное Главнокомандование Вермахта, 2 марта 1944 года издал печальное известное драконовское "приказ о комиссарах", согласно которому все политработники и совершившие побег офицеры Красной Армии подлежали полному и безоговорочному физическому уничтожению. В соответствии с этой программой, которая называлась «пулевая акция», расстрел мог быть заменен депортацией в 20 блок центрального лагеря Маутхаузен исключительно для мучительного уничтожения¹³⁹.

¹³⁸ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/7.

¹³⁹ Архив ITS. Ф.1.1.26.0/0005/00046.

В то же время военнопленные других стран, совершившие побег в лагерях немецких лагерях, возвращались обратно без наказаний. Это было следствием выполнения фашистской Германией Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» 1929 года. Так как Советский Союз эту конвенцию в 1929 году не подписал, это явилось для Германии формальным основанием для оправдания массового уничтожения советских военнопленных.

20 барак («блок смерти») центрального лагеря Маутхаузен был отгорожен дополнительной каменной стеной и был полностью изолирован от остального лагеря. Узников не пускали на работы, но в течение всего дня изнуряли постоянными физическими упражнениями. Их рацион был урезан на половину, что означало верную смерть в течение нескольких недель. Несмотря на это, 2 февраля 1945 года заключенные «блока смерти» совершили побег.

Многие исследователи подчеркивают, что самыми худшими в системе лагерей Маутхаузен были условия содержания советских узников и евреев. Эти выводы подтверждают и многие выжившие узники. Жизнь гражданина Советского Союза в Третьем Рейхе ничего не стоила. Во многом это было следствием расистской идеологии фашизма, считавших славян «недочеловеками». С другой стороны отказ Советским Союзом подписать Женевскую конвенцию 1929 года позволило Германии формально оправдывать геноцид советских граждан, унесший жизни миллионов наших соотечественников.

2.4. Управление лагерной системой

Все эсесовцы, состоявшие в охране лагеря, перед вступлением на административные должности в лагере проходили краткосрочные специальные курсы. Например, в Гузене в 1940-1943 гг. охрана лагеря составляла 80-90 человек, в 1944-1945 годах – более 100 человек¹⁴⁰.

Все охранники принадлежали к дивизии СС «Мертвая голова» (SS-Totenkopfverbänden) и сдавали присягу на верность фюреру, в которой говорилось о повинности вплоть до смерти. Они чувствовали себя причастными к охране Третьего Рейха от внутренних врагов, в том время, как их товарищи сражались с внешним врагом на фронтах. Этими внутренними врагами были евреи, поляки, русские, которые официально объявлялись «недочеловеками» («untermenschen») или даже животными.

От узников требовалась жесткая дисциплина и абсолютный порядок во внешнем виде и содержании бараков: контролировалась чистота ног, рук, головы, обуви, мисок, ложек. Нарушение этого порядка в глазах охранников ставило под сомнение и собственный авторитет, и даже авторитет всей государственной системы. Поэтому нарушение дисциплины и порядка жестоко

¹⁴⁰ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. S. 188.

наказывалась физическими истязаниями либо отдельного узника, либо целых бараков.

Конечно, для службы в охране подбирались люди с соответствующей психикой, иногда с патологическими склонностями. В этой благоприятной для них обстановке они чувствовали себя исполняющими свой долг по борьбе с «внутренним врагом». То, что враг был слаб и истощен физически, скорее раздражало их нежели смягчало. Нормальное для цивилизованного человека сочувствие к слабым и больным было наказуемо, так как расценивалось руководством СС как недопустимая и ненужная мягкость. То, что многие узники были образованными людьми различных специальностей и интеллектуально превосходили охранников, раздражало эсесовцев и еще больше провоцировало на унижение и оскорбление узников. Самое частое обращение к узниками со стороны охраны было «навозники» («Mistvolk») или «паршивые псы» («Sauhund»). Естественно, что такая психологическая обстановка не была здоровой, охранниками регулярно устраивались пьянки.

Среди охранников были и люди, не страдавшие садистскими наклонностями, и иногда даже вступавшиеся за узников. Мотивация этих людей иногда была связана как с общепартийной нацистской идеологией, так и с понятием национальной германской морали. Таких людей было очень немного и их можно назвать исключением из правил.

Автор предполагает, что руководители охраны осознавали свою ответственность за совершаемые преступления. Это предположение основывается на том, что в последние дни существования лагеря многие документы были уничтожены высшей администрацией лагеря.

Руководство лагеря включало в себя коменданта лагеря (Lagerführer) и его заместителя, начальника по превентивному заключению – «шутцафтлагерфюрера» («Schutzhaftlagerführer») и его адъютанта, начальника почтовой службы («der Leiter der Postzensurstelle»), начальника по отчетам – «рапортфюрер» («Rapportführer») и начальника рабочих команд («Arbeitseinsatzführer») ¹⁴¹.

Начальник лагеря по превентивному заключению был ответственным за внутреннюю жизнь лагеря. В Гузене эту должность в 1940-1941 году занимал Дамбах (Hstf. Dammbach). После него на этой должности были гауптштурмфюреры Майер (Hstf. Meyer), Ганс Алефульдиш (Hans Alefuldisch) и Микаэль Редвиц (Michael Redwitz). В апреле 1942 года должность занимали Фритц Зайдлер (Fritz Seidler), будущий комендант лагеря, и Вальтер Эрнстбергер (Walter Ernstberger). В 1943 году на должность был назначен Ян Бек (Jann Beck) и занимал ее до освобождения. Все они были учениками Теодора Эйке (Theodor Eicke), служившего в Дахау, и под его руководством

¹⁴¹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/8, V 3/56.

получали опыт работы в концлагерях. Все они, за исключением Бака, ненавидели «восточные народы» - поляков и русских.

Штабом лагеря руководил адъютант лагерфюрера, к тому же он был начальником канцелярии и бухгалтерии лагеря. Это было особо важной функцией, так как все документация лагеря проходила через его руки.

Канцелярия была довольно большим учреждением, в котором трудились как унтерофицеры СС, так и польские и чешские узники, знавшие немецкий язык.

В функции почтовой службы входил контроль всей корреспонденции лагеря, цензура писем узников и фиксация фамилий и адресов родственников. Начальник почтовой службы лагеря подчинялся непосредственно лагерфюреру. С июля 1940 года некоторым категориям узников было разрешено вести переписку, а с начала 1943 года – принимать посылки. У узников из Советского Союза такой возможности не было ¹⁴².

Руководство лагеря включало в себя два больших отдела – управление самим лагерем и управление рабочей деятельностью узников. Управление лагерем осуществлялось рапортфюрером, которому были подчинены все блокфюреры. Рапортфюрер занимался выбором блокфюреров, старших по блоку и писарей блока. Рапортфюрерами были в основном унтерофицеры СС в должности шарфюрера или обершарфюрера, а изредка и штурмфюреры.

Обычно рапортфюреры не оставались долго в этой должности, а с повышением переводились в другие лагеря. Но если они совершали какие-либо серьезные проступки, то должны были идти на фронт.

Блокфюреры отвечали за соблюдения порядка в своем блоке, следили за появлением узников на поверках, и руководили работой старших по блоку («блокальтестер»), писарей и старших по штубе («штубальтестер»). Также блокфюреры проводили проверки узников и предписывали наказания, например многочасовые стояния или изнурительные физические упражнения.

Блокфюрерами были в основном унтерофицеры СС от ротенфюрера до обершарфюрера. Многие из них были выпускниками гитлерюгенда и, пройдя школу унтерофицеров, направлялись не на фронт, а в концентрационные лагеря. Многим из них не было и 20 лет. Очень часто блокфюреров переводили в другие лагеря с повышением или за какие-либо проступки переводили на фронт. Страх перед восточным фронтом делал их послушным орудием в руках рапортфюрера и лагерфюрера.

Жизнь для этих людей в казармах СС с изобилием безделья и ответственности ускорял процесс деморализации. Воспитательная работа с представителями низшей лагерной администрации из числа узников – со старшими по блоку и капо – превращалась в организацию различных афер. В большинстве случаев немецкие уголовники занимались реализацией золота,

¹⁴² Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. S. 120.

алкоголя и наручных часов узников. У большинства блокфюреров в скором времени выявлялась склонность к садизму и алкоголизму.

Всей деятельностью по эксплуатации рабочей силы узников руководил «арбайтсайнцфюрер» (с 1942 года - «лагерарбайтсайнцфюрер»). В его компетенцию входило определения числа узников, входящих в рабочие команды, определение сферы деятельности рабочих команд, назначение руководителей команд («капо») ¹⁴³ и их помощников («хильфскапо») ¹⁴⁴. Также он наблюдал за общими темпами и производительностью работы узников. Например, в Гузене обычно было 2 «арбайтсайнцфюрера», которые еще следили за тем, чтобы в рабочее время в бараках оставались только старшие по блоку и штубе.

Руководители рабочих команд и их помощники несли ответственность за проведение работ в конкретной команде. Обычно это были немецкие или австрийские уголовные заключенные. Каждый день принуждением, издевательством, насилием, они заставляли тысячи заключенных заниматься тяжелейшим физическим трудом. Фиксация темпов производства исключала возможность саботажа, а за уменьшение темпов работы отвечал капо. В этом случае либо капо команды, либо отдельные узники могли попасть в штрафную команду. Но обычно капо убивали тех узников, которые плохо работали, самыми изощренными способами.

Политический отдел в лагере формально не подчинялся лагерфюреру. Фактически это было подразделением гестапо, предоставленное в распоряжение лагерному руководству. Здесь велись и находились дела узников, прибывавшие из других подразделений гестапо, полицейских участков и судов. Этот отдел отправлял родственникам извещения о смерти узников, а также высылались сообщения о побегах и освобождениях. В Гузене этот отдел состоял из 4 человек. Кроме начальника отдела в него входили два эсесовца и один государственный служащий из криминальной полиции Линца. Отдел проводил бесчисленное количество допросов, заключавшихся в избиваниях узников с целью добычи признаний по определенным пунктам обвинений.

Во многих рабочих цехах, например концернов DEST, Штаейр, Мессершмит, на работу принимались гражданские специалисты – например, каменотесы и механики. Эта работа давала гражданским лицам избежать мобилизации и отправки на фронт. Часть из них, будучи националистами, ничуть не отличалась по жестокости от капо. Другие, наоборот, находили возможность не только проявить сочувствие, но как-либо тайно помочь узникам.

¹⁴³ «капо» - от итал. «саро» - начальник

¹⁴⁴ «хильфскапо» - от нем. «хильф» - «помощь»

Отдельным подразделением внутри лагерной администрации были врачи лагеря, обычно выпускники медицинских школ СС. Они подчинялись отдельной служебной инстанции Главного административно-хозяйственного управления (WVHA) – отделу D III, занимавшимся санитарной службой и гигиеной лагерей. Большинство из них не считали своей задачей лечить «недочеловеков», отношение их к узникам было полно презрения и отвращения. На узниках отработывались различные новые методики излечения от болезней и проводились различные псевдо-медицинские эксперименты.

Многочисленные охранники, охранявшие лагерь и внешние рабочие команды, подчинялись непосредственно лагерфюреру. Руководил подразделениями охраны комендант охраны. В охране сначала служили низшие чины СС – шутце СС, члены подразделения «Мертвая голова». После 1942 года в охрану стали брать добровольцев и специально командированных солдат вермахта. Так как по мере развития лагерной сети система охраны нуждалась в увеличении личного состава, к службе в охране привлекались добровольцы из национальных подразделений Словакии, Румынии, Польши, Венгрии и Югославии, воевавших на стороне Германии. Основным критерием при отборе было наличие «моральных качеств», что фактически означало наличие склонности к садизму.

Пропорциональное соотношение количества охраны и узников позволяет сделать вывод, что руководство СС стремилось сохранять соотношение между охранниками и узниками как один к десяти ¹⁴⁵.

При выборе и работе с функционерами из числа узников концлагеря администрация лагеря должна была руководствоваться определенными критериями. Коменданты всех лагерей стремились использовать для этих целей находящиеся в лагерях немецкоязычных уголовников и, прежде всего, «арийцев». Так как система лагерей Маутхаузена была довольно обширна, а трудовая деятельность весьма масштабна, количество лагерных функционеров должно было быть значительным.

Рассмотрим должности, на которые ставились лагерные функционеры. В подчинении лагерфюрера находились функционеры в должностях старшего по лагерю («Lagerältester»), старшего по блоку («Blockältester»), старшего по штубе («Stubenältester») и дежурного («Stubendienste»). В подчинении рапортфюрера лагеря находились первый лагерный писарь («Lagerschreiber I») и блоковые писари («Blockschreiber»). У арбайтсайнцфюрера были в подчинении второй лагерный писарь («Lagerschreiber II»), оберкапо, капо и хильфскапо, фоторайтеры («Vorarbeiter») и писари команд («Kommandoschreiber»). У лагерного врача в подчинении в лазарете («ревире») находились капо, старший по блоку и писарь ревира («Revierschreiber») ¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 11, 20, 22, 23.

¹⁴⁶ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. S. 120.

Выбор функционеров среди узников должен был гарантировать администрации поддержание порядка в лагере, медленное и постепенное уничтожение политических узников, поддержание норм производства. Для этого к кандидатам в функционеры предъявлялись соответствующие психические и интеллектуальные требования помноженные на знание реальной обстановки в лагере. Если узник не подходил к этой должности, то администрация оперативно его меняла. В 1940-1942 годах выбором функционеров занимался непосредственно лагерфюрер, а позже эта прерогатива была предоставлена рапортфюреру и арбайтсайнцфюреру. На ключевые должности преимущественно выбирались профессиональные преступники: убийцы или бандиты. В качестве капо и блоксовых в санитарном «русском» лагере выбирали преступников с ярко выраженными садистскими наклонностями. По национальному составу старшими по бараку всегда выбирались немцы из Германии, Судетской области и Силезии, а также австрийцы. Со временем ситуация немного изменилась и в подчинение лагерного врача и арбайтсайнцфюрера стали выбирать узников других национальностей: поляков, чехов, испанцев.

Узники, работавшие в подчинении у рапортфюрера, должны были уметь отлично писать по-немецки и точно вести статистику. Блоксовые писари были в большинстве своем политическими узниками, так как они были образованы и говорили по-немецки. Среди них было несколько поляков из Силезии, Померании и из Польши.

Администрации лагеря постоянно внушала немецким узникам ненависть к другим национальностям, рассказывая о зверствах партизан по отношению к немецким солдатам. Также излюбленным рассказом для немецких уголовников была идея о том, что после уничтожения всех иноземных политических узников немецких узников должны были отпустить по домам. Однако среди капо были немцы и австрийцы, не отличавшиеся садизмом по отношению к узникам.

В связи с увеличением численности узников, а также развитием сначала добычи камня, а потом и производства, появилась резкая необходимость в увеличении количества капо рабочих команд. Так, немецких уголовных узников не всегда хватало, на самые низкие должности начали привлекать польских заключенных. Однако эти должности были не очень ответственные и распределялись лишь в тех рабочих командах, где объемы выработки были незначительны. Например, в Гузене в команде занимавшейся строительством железнодорожной ветки, были преимущественно польские капо и хильфскапо. Многие из них соглашались не только осуществлять административные функции, но и работать в качестве осведомителей политического отдела лагеря. Также необходимо отметить, что лагерное начальство предпочитало использовать поляков в качестве осведомителей из-за понимания ими

славянских языков и нежелания использовать немецких и австрийских уголовных и политических заключенных в этих целях.¹⁴⁷

И если некоторые из этих капо относились по-человечески к заключенным своей национальности, то это не всегда распространялось на другие национальности. Однако известны случаи, когда польские капо активно участвовали в подпольной жизни и спасали жизни других заключенных.

Старшие по баракам и оберкапо всегда были немецкие или австрийские узники. Эта традиция была начата с момента возведения лагеря и длилась до конца существования лагеря. Эти узники представляли собой довольно сплоченную группу, в которой очень редко возникали внутренние конфликты, в основном на почве денег или на почве гомосексуализма. Эта категория узников традиционно называлась «проминентами» и была обеспечена лучшими условиями жизни, чистой одеждой и хорошим питанием. Наличием множества привилегий они отличались от обычных узников: уже в 1940 году они могли курить, хотя всем остальным это было запрещено, устраивать футбольные матчи и театральные действия. Для других национальностей возможность участвовать в этом если и появилась, то гораздо позже.

Функционеры занимались раздачей еды и делали это весьма несправедливо, отбирая лучшее для себя. Они также получали долю из содержимого посылок, присылаемых для узников. Обычные узники не могли пожаловаться на немецких узников, ибо это каралось строгим наказанием. Вообще эсесовцы предпочитали не вмешиваться в конфликты между заключенными.

Кроме идеологической связи, немецких уголовников с эсесовцами связывала экономическая деятельность, касавшаяся золота и часов, отбираемых ими у узников. Если эта деятельность не велась, то функционеры могли попасть в штрафные команды.¹⁴⁸

Также функционеры пытались наладить сбыт краденного или отнятого у узников гражданским специалистам, работавшим на производстве. Те, в свою очередь, поставляли функционером деньги или выпивку.

Располагая довольно большими запасами золота, вынутыми из зубов убитых узников, селекция которых начиналась с первого этапа попадания в лагерь, функционеры пытались укрыть часть золота от эсесовцев с целью самостоятельно сбыть его гражданским лицам.

В свободное время капо занимались тем, что играли в карты, занимались гомосексуализмом или посещали бордель лагеря. Многие узники вспоминают, что капо были часто пьяны.¹⁴⁹ Спирт воровался из лазарета лагеря, шнапс менялся на золото у эсесовцев, а вином расплачивались гражданские рабочие. Гомосексуальные отношения развивались на фоне хорошего физического

¹⁴⁷ Hans Marshalek. KL Mauthausen/Unterkunft Gusen. Wien, 1968. S. 43.

¹⁴⁸ Левинский Дм. Мы из 41-го: воспоминания. М.: 2005. С. 243.

¹⁴⁹ Интервью бывшего узника Ф. Солодовника данное автору 08.05.2001.

состояние функционеров, зависимости существования обычных узников от их благосклонности. Насилие совершалось над молодыми польскими, испанскими и французскими узниками с помощью запугивания, подкупа, перевода на более легкую работу и т.д. Руководству лагеря об этих фактах было известно, но никаких действий не совершалось, за исключением расследований вопиющих пьяных оргий, сопровождавшихся массовой кражей спирта из лазарета.

Бордели («пуфы»), организованные Гимлером в концлагерях, были призваны противодействовать распространению гомосексуальных отношений среди лагерных функционеров. В эти «пуфы» отправлялись женщины из других концлагерей и принуждались заниматься проституцией. После появления «пуфов», гомосексуальные отношения уменьшились, но не исчезли совсем.

Лагерные портные шили для функционеров вполне качественную лагерную форму, теплые свитера, а также некоторые предметы искусства. Все это оплачивалось дополнительными рационами, отобранными у других узников¹⁵⁰.

Из воспоминаний и рассказов бывших узников можно было привести много примеров садизма со стороны функционеров к обычным заключенным. Анализ этих происшествий показывает процесс постепенного перехода от отдельных убийств к акциям массового уничтожения.

Старший по лагерю отвечал за все процессы, происходящие в лагере. Он должен был контролировать распределение работы, еды, одежды, обуви, выполнять указания СС по совершению наказаний и многое другое. Исполняя свои обязанности, он мог вмешиваться в жизнь капо и старших по баракам с целью добиться желаемого. Обычно это было очень опытный уголовник, прошедший несколько концлагерей. К тому же он должен был вызывать крайнее доверие со стороны руководства лагеря и быть абсолютно хладнокровным убийцей.

Старший по бараку находился в постоянном контакте с узниками, он был передаточным звеном между администрацией лагеря и узниками. Он подчинялся непосредственно старшему по лагерю. В сферу его деятельности входило поддержание порядка в бараке, распределение еды, одежды, выполнение наказаний. Фактически старший по бараку обладал неограниченной властью в бараке по отношению к узникам. До 1942 года старших по бараку выбирал лично лагерфюрер. С 1942 года старшие по бараку выбирались из среды немецких уголовников, полностью повиновавшихся администрации лагеря. Некоторые старшие по бараку были одновременно и капо. С помощью подарков или услуг некоторые узники пытались добиться благосклонности старшего по бараку, что фактически давало возможность выжить. Зимой 1942/1943 года многие старшие по баракам заболели туберкулезом и умерли, что привело администрацию лагеря в крайне

затруднительное положение. С этого времени в старшие по баракам выбирались иногда политические немецкоговорящие узники, в том числе и поляки¹⁵¹.

В иерархии лагерных функционеров было еще две должности: старший по штубе и дежурный по штубе. Они были помощниками старшего по бараку, поэтому выбирались именно им и утверждались блокфюрером. На эти должности выбирались узники из среды немецких и австрийских уголовников или асоциальных элементов. Эти функционеры занимались поддержанием порядка в штубах, контролировали чистоту кроватей и посуды, делили еду. Именно на этом уровне непосредственно осуществлялось воровство посылок, распределение еды и т.д. Также в их функции входил отбор узников для специальных дополнительных работ в выходные. Для избежания этого многие узники откупались едой или вещами. С 1940 года старшими по штубе и дежурными выбирались польские узники, испанские и изредка даже советские узники. Именно эти должности являлись стартовыми для многих капо и старших по блокам. Возможность карьерного роста определялась склонностью к садизму и хладнокровным издевательствам.

К числу персонала блока также относился парикмахер блока. Эта должность позволяла избежать трудной физической работы и была весьма привилегированной. Хотя парикмахеры редко издевались и убивали узников, но отношение к ним было как и к прочим функционерам барака.

Общее количество лагерной администрации до 1943 года составляло 1,5-2 % от общего числа узников, а с 1943 года - 1-1,5%¹⁵².

Лагерные писари и писари блоков подчинялись рапортфюреру лагеря и выполняли все письменные работы в лагере. Лагерный писарь проводил все необходимое для фиксации узников во время проверок, управлял персоналом канцелярии, следил за записями в картотеке и статистике. Во время проверок необходимо было фиксировать количество узников, собранных на плацу и в лазарете, также необходимо было учитывать умерших узников. Здесь особенно была важна точность, так как, если цифры не сходились, это указывало на побег, и было поводом для поисковых мероприятий. Эти отчеты также были основой для формирования рационов еды на следующий день.

Писари блока занимались учетом узников в отдельных бараках. Их влияние не было велико, они не могли участвовать в распределении еды или дежурств. Однако иногда они могли спасти отдельных узников, изменяя записи в личных делах. Очень часто для спасения узников интеллектуальных профессий писари меняли их профессию на более соответствующую для лагерных условий.

¹⁵⁰ Розанов С. Возвращение нежелательно. М.: 2004. С.57.

¹⁵¹ В.Остен. Встань над болью своей. Калининград, 1995. С. 274.

¹⁵² Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. S. 189.

Ужасающий повседневный режим, многочисленные построения и проверки, рабский характер работы, отсутствие питания и жестокие наказания узников были призваны обеспечить несколько результатов. Во-первых, существование узников в лагере должно было полностью подконтрольно администрации, даже малое неповиновение исключалось принципиально. Во-вторых, достижение максимальных производственных результатов должно быть реализовано при минимальных финансовых затратах.

Шок, апатия, голод, ненависть – все это неминуемо ждало каждого заключенного. Противостоять этому нечеловеческому состоянию можно было только обладая крепким внутренним стрежнем, который и определял смысл, ради которого стоило жить.

Стремление к межнациональному диалогу среди узников было обусловлено гуманистическим воспитанием, особенностями менталитета представителей отдельных наций, а также их политическими взглядами. Советские узники, хоть и делились на несколько категорий по причине попадания в концлагерь, в равной степени находились в самом низу социальной лестницы. Статистический анализ возраста советских узников показывает тенденции к постепенному уменьшению его среднего значения. Также и профессиональный анализ показывает уменьшение доли крестьян в числе советских узников и увеличение рабочих специальностей. Эти тенденции автор непосредственно связывает с соответствующими задачами военного производства.

Для контроля и управления лагерной системой эсесовцам было необходимо поддерживать порядок руками самих заключенных. Администрирование лагерной системой во многом было основано на выделении из числа узников наиболее жестоких, способных выполнять задачи лагерной администрации. Лояльность к начальству и беспощадность к жизням узников других национальностей позволяло немецким и австрийским уголовникам находится на самом вершине социальной лестницы, удовлетворяя свои низменные инстинкты и желания.

Увеличение количества узников на фоне постоянного числа немецких и австрийских заключенных привело к назначениям в ряды лагерной администрации политических узников. Через некоторое время в ряды администрации были включены также узники других национальностей, в основном – поляки.

Глава 3. Организация сопротивления в лагерной системе Маутхаузен

3.1. Деятельность национальных комитетов

Естественно, что во время существования концлагеря не существовало никаких письменных источников, по которым можно было бы судить об организации сопротивления, так как все коммуникации между членами сопротивления носили конспиративный характер. Информация равномерно распределялась между участниками во избежание провала всей системы в случае смерти или предательства отдельных участников¹⁵³.

В качестве письменных источников, косвенно описывающих ситуацию, мы можем использовать несколько рапортов СС о заключенных, которые из-за осуществления каких-либо запрещенных действий были застрелены «при попытке к бегству»¹⁵⁴, и рапорты СС о побегах отдельных заключенных и целых групп¹⁵⁵.

Вся информация о совместной деятельности борцов сопротивления содержится в воспоминаниях бывших заключенных и была опубликована после освобождения. Чаще всего эти воспоминания описывают характер и структуру сопротивления отдельных национальных подпольных организаций, условия жизни в бараках или на рабочих местах, и довольно часто бывают субъективными и не отражающими общей реальной картины лагеря¹⁵⁶. Представить общую структуру международного сопротивления можно лишь рассмотрев по отдельности национальные организации и связь этих организаций между собой.

При описании подпольного движения важно помнить о том, что любая политическая активность, любое устное распространение новостей, любые признаки организации сплочения и даже разговоры на политические темы внутри концлагеря карались смертью. Формированию организованного сопротивления, которое бы могло охватить большое количество заключенных, мешали следующие факторы¹⁵⁷:

- бесчеловечный террор со стороны СС;
- функционеры – низшая лагерная администрация из числа уголовных заключенных;
- чрезвычайно низкая продолжительность жизни узников лагеря;
- безжалостная борьба за выживание;

¹⁵³ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. Linz, 1995. S. 300.

¹⁵⁴ Архив ITS. Фонд 1.1.26.1/0189-0307/0224.

¹⁵⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. Р 16/42. [Инструкция охраны.].

¹⁵⁶ Лаффае Ж. Живые борются. М., 1948.; Розанов С. Возвращение нежелательно. М., 2004.

¹⁵⁷ См.: Левинский Дм. Мы из 41-го: воспоминания. М., 2005. С. 305.

- психологические факторы: обессиливающее чувство безнадежности, потеря надежды на освобождения, апатия, депрессия;
- изолированность многих групп заключенных;
- сила межнациональной неприязни.

Солдаты и офицеры СС традиционно делегировали процесс управления концлагерем на низшем уровне самим заключенным. Это «самоуправление» внутри концлагерей системы Маутхаузен состояло преимущественно из уголовных заключенных и годами являлось четким механизмом системы террора. До весны 1944 года структура и суть этого самоуправления главным образом организовывалась членами СС, которые осуществляли твердо установившееся правило «разделяй и властвуй» и применяли его и на всем сообществе заключенных, и на определенных национальных группах. 14 июля 1942 года Гиммлер лично издал письменный указ, в котором говорилось «что наказание русских женщин должно производиться польскими женщинами, а наказание полячек, так же как и украинок, должно совершаться русскими женщинами. Ни при каких обстоятельствах наказание не должно производиться немецкими узниками»¹⁵⁸.

Каждая категория узников в концлагере находилась в различных условиях существования. Это также влияло на возможность организации различных национальных подпольных объединений. Узники из Советского Союза, также как и заключенные-евреи, находились на низшей ступени социальной структуры. Заключенные «арийского» происхождения, т.е. немцы и австрийцы, находились в самых лучших условиях. Чуть хуже содержались люксембуржцы, испанцы-республиканцы, чехи и словаки. Начальники рабочих отрядов, лагерные функционеры среди заключенных, имели лучшие условия жизни по сравнению со многими заключенными, работающими на самых низших ступенях лагерной администрации: привратниками, обслуживающим персоналом блоков и разносчиками пищи. Они определялись СС как «нахлебники» и «тунеядцы» и не обладали серьезными преимуществами.

Расистская теория «господствующей расы» основывалась на псевдонаучном процессе отбора, который привел к иерархии заключенных и «социальному» реструктурированию, не принимавшей во внимание ни интеллектуальные способности заключенных, ни их численность. Таким образом, среди тех, кто находился на низшей ступени этой лестницы, было множество инженеров, рабочих, профессоров, врачей, ученых, которые выполняли в мирное время очень квалифицированную работу. С другой стороны, закоренелые преступники и убийцы, сутенеры и воры, оказались наверху этой социальной лестницы и стали наиболее привилегированными

¹⁵⁸ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. К 10/2. [Копия декрета].

обитателями лагеря. Они не задумываясь готовы были спасти свои жизни ценой чужих жизней¹⁵⁹.

Иногда среди лагерной администрации встречались люди из числа немецких и австрийских политических узников. Даже имея наименее заметные должности в обширном внутреннем административном аппарате, они могли (если хотели) немного ослабить террор со стороны СС по отношению к узникам. Они делали это в своем непосредственном окружении, исходя из своих моральных устоев, личной храбрости и политической осведомленности. Именно эти люди и составили основу интернационального сопротивления в концлагере Маутхаузен. Задачей таких гуманно настроенных заключенных-функционеров являлась помощь в улучшении жизненных условий заключенных и поддержание их воли к жизни¹⁶⁰.

Для создания действующего сопротивления таким смельчакам приходилось, не привлекая к себе внимания, способствовать структурным изменениям в должностном аппарате лагеря, добиваясь продвижения на должности функционеров в лагере надежных узников всех национальностей, необходимых для организации сопротивления.

Беспрестанная борьба за рабочие места в тюремной администрации между уголовными и политическими заключенными началась еще в сентябре 1939 г., когда из концентрационного лагеря Дахау, частично эвакуированном в концентрационный лагерь Маутхаузен, прибыли германские и австрийские политические заключенные. Тем не менее, вплоть до зимы 1943-44 гг. влиятельные позиции не могли быть заняты политическими заключенными.

Общая ситуация складывалась так, что шансы выжить были только у тех заключенных, которым после попадания в лагерь сразу повезло быть распределенными в столярный, металлообрабатывающий или ткацкий цеха, административные структуры, строительные подразделения, пункты первой помощи, дезинфекционные станции, прачечные, лагерную кухню, в качестве обслуживающего или основного персонала¹⁶¹. Другие заключенные, которые были распределены в каменоломни, на строительные работы и прокладку тоннелей или те, кто был определен в команды по осуществлению наказаний, за небольшим исключением, неизбежно погибали в течение нескольких месяцев, некоторые даже недель. Эти категории заключенных существовали в условиях, выжить в которых было весьма трудно.

Разумеется, заключенные лагеря различных национальностей различались по уровню образования, интеллекту и личным качествам. Они приходили из всех слоев общества, имели различные политические взгляды и принадлежали к разным религиозным конфессиям. Из западно- и центральноевропейских стран, также как и из Советского Союза прибывали

¹⁵⁹ Интервью бывшего узника В. Кононенко данное автору 20.03.2003.

¹⁶⁰ Интервью бывшего узника Ф. Солодовника данное автору 08.05.2001.

¹⁶¹ См.: Левинский Дм. Мы из 41-го: воспоминания. М., 2005. С. 280.

преимущественно рабочие и интеллигенция, в то время как поляки, югославы, албанцы и греки были в основном фермерами. С политическими заключенными, членами неугодных фашистскому режиму партий, в концентрационном лагере Маутхаузен обращались не лучше, чем с остальными узниками. Если они были поляками, чехами или словаками в период с 1940 г. до конца 1942 г. с ними обращались даже хуже, чем с другими заключенными.

Кроме того, дополнительная проблема заключалась в том, что заключенные прибывали в Маутхаузен со всех концов Европы, и получавшаяся смесь различных языков сильно затрудняла общение. Все переключки и приказы осуществлялись только на немецком языке. Для общения узниками был выработан своеобразный словарь, включавший в себя слова на немецком, русском, польском, итальянском, испанском языках.

В различные периоды с 1939 г. по весну 1944 г. поляки, испанские республиканцы, граждане Чехословакии, Советского Союза и немцы, так же как и австрийцы, организовывали собственные национальные центры сопротивления. Эти центры пытались контролировать ту часть лагерной жизни, которая не могла контролироваться СС и уголовниками. Эти центры, используя всевозможные средства для налаживания взаимодействия между отдельными группами, имели довольно большое влияние друг на друга. Другие национальные группы, такие как югославы, а также большинство французов и итальянцев, прибывших в 1943 и 1944 гг., тоже имели влияние на внутреннюю жизнь лагеря, хотя и в меньшей степени.

Для понимания общей картины сопротивления необходимо рассмотреть процессы, происходившие в основных национальных сообществах в различные периоды времени.

Поляки были самой большой национальной группой в системе концентрационных лагерей Маутхаузен. Начиная с 1940 г. наблюдался постоянный приток новоприбывших поляков, среди которых было много ученых, докторов, профессоров, священников, студентов, учителей, офицеров и рабочих, а также фермеров. До прибытия датских евреев и военнопленных из Советского Союза, польские заключенные были основным человеческим материалом, который загоняли на работу в каменоломни Гузена и Маутхаузена, где безжалостно истребляли. Выбранные группы польских заключенных казнили регулярно. Только за ноябрь и декабрь 1939 г. в концлагере Маутхаузен было казнено около 140 польских студентов и офицеров. Даже после 1942 года они продолжали быть для солдат СС «грязными поляками» («Dreckpolen») и «польскими отбросами» («polnischen Gesindel»), к которым не проявлялось никакого уважения¹⁶².

Большинство польских заключенных были очень религиозными, патриотически настроенными, причем настроенными антисоветски. Их антисоветские взгляды не были продиктованы их традиционной антипатией к царской России, но скорее антисоветской системой образования, которая существовала в 20-е и 30-е годы, и, наконец, оккупацией восточных районов Польши Красной Армией после вторжения немецкой армии в 1939 году. Многие польские интеллигенты выражали их традиционные франко-британские взгляды. Поляки презирали немцев, но к австрийцам это не относилось. Среди них было очень мало коммунистов и еще меньше социал-демократов¹⁶³. Постоянная опасность уничтожения, противоречия с людьми, обладающими другими политическими или религиозными взглядами, недоверчивое отношение к любым интерпретациям марксизма, атеизму и Советскому Союзу, привели их к тому, что они осуществляли поддержку только своих соотечественников. Из-за этого сообщество польских заключенных оказывалось в частичной изоляции. Исключение составлял филиал Гузен-1, где польские заключенные были в большинстве и занимали много должностей в нижней лагерной администрации. Даже после освобождения множество поляков продолжало питать антипатию к их коллегам – заключенным-коммунистам и осталось подозрительным по отношению к ним. Подобное настроение со стороны поляков наблюдалось и к югославским партизанам, и к испанским республиканцам.

В центральном лагере многие польские лагерные функционеры – в большинстве своем те, которые работали в медицинских пунктах – имели близкие контакты с заключенными других национальностей, вследствие чего эти люди, например, такие как Франтишек Поправка, спасли жизни многих узников других национальностей¹⁶⁴. Их работа могла быть примером для многих членов сопротивления. Очень мало поляков пыталось сбежать из концентрационного лагеря, но некоторым из них это все же удалось.

Многие заключенные не понимали польскую «позицию ежа»; их привычка концентрироваться на «самозащите» подвергалась критике как эгоистичная. Довольно часто это приводило к серьезным конфликтам. Такое поведение поляков в лагере в большинстве случаев не понималось теми, кто прибыл в 1944 и 1945 гг., так как они не были свидетелями репрессивных мер периода 1940-1942 гг. и наблюдали только поведение отдельных польских функционеров.

За активное участие испанских республиканцев в борьбе против фашистского режима Франко, около 7000 испанцев и членов интернациональных бригад было отправлено в концентрационный лагерь Маутхаузен в 1940-1942 гг. Членами бригад были болгары, румыны, югославы,

¹⁶² Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. Linz, 1995. S. 109.

¹⁶³ Osuchowski. Gusen. Warszawa, 1961. S. 134.

¹⁶⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. Н 8/1.

венгры, южноафриканцы, кубинцы, а также австрийцы. Среди испанцев были различные политические группы: анархисты, социалисты, коммунисты, демократы, принадлежащие к демократической католической партии, синдикалисты и каталонцы, также как и баскские сепаратисты. Коммунисты и синдикалисты составляли большинство¹⁶⁵.

Испанцы были первой крупной национальной группой в системе лагерей Маутхаузен, которая с помощью членов интернациональных бригад, являвшихся гражданами других стран (но которые сражались на стороне республиканцев) смогли установить тесные связи с другими национальными сообществами. В течение 1941-1942 гг. около 4 тысяч испанцев погибли в концлагере, в основном в каменоломнях филиала Гузен. После этого периода репрессий, в течение которого были убиты в основном старшие заключенные, они были в своей массе самым молодым сообществом лагеря. Их средний возраст составлял 30 лет¹⁶⁶.

Их молодость, взаимовыручка, политическая и жизненная активная позиция позволяла им лучше взаимодействовать и вызывала зависть к ним среди узников других национальностей. Опыт жизни в концлагерях Франции, куда они были интернированы после гражданской войны в Испании, очень пригодился в Маутхаузене. Это явилось причиной формирования для них сравнительно лучших условий жизни в лагере с 1942 г., и, скорее всего, именно из-за этого ни один испанский республиканец не сбежал. Испанские заключенные оправлялись на привилегированные рабочие места за пределами лагеря, и по сравнению с другими национальными группами заключенных, смертность среди них (начиная с лета 1942 г.) была заметно ниже. С момента их прибытия в лагерь, они противодействовали жестоким порядкам персонала из числа уголовных заключенных как отдельно, так и в группах, прямо или косвенно, и усиливали сплоченность. Из-за этого их очень ценили другие заключенные. Некоторые отдельные коммунисты и члены объединенных групп молодых испанских социалистов уже в 1943 г. начали организовывать небольшие конспиративные объединения, и зимой 1944-1945 гг. они, с помощью чехословацких, французских и германских членов интернациональных бригад, они создали незаконные военные формирования и тайком доставляли оружие со склада в лагерь. Эти объединения активно пытались установить контакт с подпольными организациями других национальных сообществ¹⁶⁷.

Члены интернациональных бригад были зафиксированы в официальных документах СС как «испанские республиканцы» или как политические заключенные каких-либо национальностей. На 31 декабря 1944 года в лагере в качестве членов «испанских интербригад» было 8 французских, 6 итальянцев, 1

¹⁶⁵ Чуров М. Роковые встречи с фашизмом. София, 2003. С.168.

¹⁶⁶ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 12/59.

¹⁶⁷ Из интервью болгарского узника М.Чурова, данного автору 23.06.2006

аргентинец, 1 гражданин СССР, 5 югославов, 1 венгр, 1 болгарин и 4 румына. Также часть участников интербригад была зарегистрирована как политические заключенные из Франции, Чехословакии, Югославии и Италии¹⁶⁸. После прибытия узников из эвакуированного концентрационного лагеря Освенцим в Маутхаузене добавилось еще около 150 немцев и австрийцев - членов интербригад. Несмотря на заметную разницу во взглядах, эта маленькая группа членов интербригад, которые были тесно связаны с испанцами и служили связующим звеном между их национальными сообществами, боролась с СС и уголовниками, организовывала нелегальные формирования и позже создала интернациональный комитет сопротивления.

Большинство граждан Чехословакии прибыли в концлагерь в 1941 и 1942 гг. Большая часть этих заключенных была борцами сопротивления, арестованными за различную деятельность против оккупантов. Среди них было много активных коммунистов, также как и членов партии Бенеша, университетских профессоров, учителей, еврейской интеллигенции, работников спортивной организации «Сокол» и некоторое число социал-демократов. Из-за убийства Р. Гейдриха в конце мая 1942 г. против граждан Чехословакии были организованы карательные меры. Около 8 недель с ними обращались, как с советскими военнопленными и еврейскими заключенными¹⁶⁹. Многие граждане Чехословакии могли говорить на других языках, чаще всего - немецком. Вероятно, среди них было наибольшее число квалифицированных специалистов в различных профессиях. Из-за этого чехословацкие заключенные стали частью административного аппарата, когда он увеличился, и использовались СС в качестве переводчиков на административных и секретарских должностях. Чехословацкие врачи также работали по своей специальности. Несмотря на то, что первоначально они принадлежали к группе заключенных, получавших довольно мало пищевых пайков, к осени 1943 г. их условия жизни были приближены к условиям жизни германских, австрийских, люксембургских и испанских заключенных. Можно предположить, что из-за сравнительно лучших условий, которые имели чехословацкие граждане, и взаимоотношений, существовавшим внутри национального коллектива, за весь период существования концентрационного лагеря Маутхаузен только двое чехословацких заключенных пытались бежать из лагеря¹⁷⁰.

Многие из них симпатизировали коммунистической партии и не доверяли западным союзникам из-за соглашения Германии, Франции, Великобритании и Италии 29 сентября 1938 г. о присоединении Судетской области к территории Третьего Рейха. Некоторые из них выражали недоверие полякам из-за действий польского правительства в 1938-1939 гг., связанных с

¹⁶⁸ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. Е 6/4.

¹⁶⁹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/1.

¹⁷⁰ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. M 5/6.

оккупацией чешских земель, а некоторые совершенно безразлично относились к Советскому Союзу. Многие граждане Чехословакии организовывали нелегальные и легальные концерты, декламации, писали поэмы, и их можно было встретить везде, где велась деятельность по сплочению и сопротивлению¹⁷¹. Например, чехословацким коммунистам удавалось получать внутри своих посылок антифашистскую литературу, они также распространяли радионовости и состояли во всех нелегальных комитетах.

Граждане Советского Союза являлись второй по численности группой заключенных после поляков. Основными большими категориями советских узников были «восточные рабочие», военнопленные и коллаборационисты. К этому можно добавить небольшую группу советских граждан «превентивного заключения», которые официально были отправлены в лагерь за политические преступления. За небольшим исключением, большинство узников из Советского Союза были молодыми людьми; многие из них были убеждены в победе Красной Армии. Несмотря на все это, они не были единой группой по ряду причин.

В течение 1941-42 гг. военнопленные из Советского Союза не могли принимать участие во внутренней подпольной активности из-за короткой продолжительности жизни и жесткой изоляции¹⁷².

Что же касалось предателей, успевших поехать за Германию, то они также жаждали освобождения и поражения гитлеровской армии, несмотря на то, что из-за их участия в составе германской армии, их вряд ли ожидало что-то хорошее после освобождения. Многие из них в лагерях военнопленных шли на сотрудничество с немцами, чтобы не умереть с голоду.

В связи с наихудшими условиями содержания и сложностями с языковым барьером, практически никто из советских заключенных не принадлежал к рядам тюремной администрации (кроме некоторых юношей, которые работали в лазарете, т.н. «ревире»¹⁷³). Однако многие военнопленные создавали в лагере группы, которые были вовлечены в антифашистскую борьбу и готовы были пойти на смерть ради этой борьбы. Именно поэтому граждане Советского Союза составили наибольший процент беглецов.

После Сталинградской битвы влияние немецких и австрийских политических узников на происходящее в лагере стало более существенным. Это позволило им завербовывать отдельных советских заключенных для организации движения сопротивления среди советских узников. Это было в интересах международного комитета сопротивления для уравнивания роли националистически настроенных польских организаций.

¹⁷¹ Из интервью чешского узника В.Бэка данному автору 04.05.2006.

¹⁷² Архивы ГТ. 1.1.26.1/0189-0307/0226/0098.

¹⁷³ Левинский Д. «Мы из сорок первого. Воспоминания». М.: 2004. С. 122.

Эта работа по сплочению советских узников, начавшаяся весной 1943 года, была прервана массовыми экзекуциями над советскими узниками в июне 1943 года¹⁷⁴. Только к началу 1944 года работа над созданием таких групп продолжилась. В связи с тем, что в 1944 году в концлагеря системы Маутхаузен начало прибывать большое количество советских узников, во второй половине этого года начали образовываться отдельные подпольные группы по 12-14 человек. Эти группы не имели связи ни с друг другом, ни с международной организацией, что, естественно, снижало их возможности по поддержке узников. К 1945 году такие группы были в каждом блоке, но их объединение и координация не могла быть организована, так как советские узники не имели влияния в администрации лагеря. Начиная с зимы 1944-1945 гг. отдельные граждане Советского Союза состояли в нелегальных комитетах во всех филиалах лагеря¹⁷⁵.

Как ни странно, большой угрозой для деятелей советского сопротивления представляли польские заключенные, настроенные антисоветски. Языковой барьер помогал советским узникам действовать скрыто среди немецкоговорящей администрации, но поляки, понимавшие многое из русской речи, часто доносили на советских узников, пытаясь выслужиться или получить дополнительный паек¹⁷⁶.

В общем можно было сказать, что движение сопротивления среди советских узников было масштабным, но децентрализованным и не подкрепленным административной поддержкой, что приводило к постоянным изменениям внутри составов групп.

В течение 1943-44 гг. среди некоторых австрийских, немецких, французских и чехословацких узников-коммунистов существовали различия во мнениях относительно структуры организации, а также методов сопротивления. Одни высказывали мнение, что тесные интернациональные формирования не смогут поддерживать должный уровень конспирации и будут раскрыты СС, что приведет к жестоким репрессиям. Другие склонялись к организации интернациональных групп сопротивления только на национальной основе.

Зимой 1944-45 гг. в больнице («ревире») центрального лагеря была сформирована нелегальная руководящая группа, состоящая из чехословаков, поляков, немцев и австрийцев, бывших членами нескольких политических партий. Эти люди старались влиять на заключенных в конторе администрации лагеря, в политическом отделе, а также в отделе распределения работ конторы администрации лагеря. Через контору администрации лагеря существовали связи с отдельными национальными лидерами во всех крупных филиалах лагеря.

¹⁷⁴ Остен В. Встань над болью своей. Калининград, 1995. С. 363.

¹⁷⁵ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. Linz, 1995. S. 308.

¹⁷⁶ Левинский Д. «Мы из сорок первого. Воспоминания». М.: 2004. С. 256.

Кроме того, член администрации лагеря, испанец Хуан де Диего (назначенный СС или с помощью обслуживающего персонала), имел определенное влияние на некоторых лидеров СС, а также младший командный состав СС из штабного персонала.

По распоряжению конторы администрации лагеря осенью 1944 г. австрийский политический заключенный Франц Хрбек был назначен главным по бараку 22 (карантинный лагерь, «ревир»). Его помощниками были назначены заслуживающие доверия заключенные. Этот барак стал постоянным местом хранения пищи и одежды, а также был «расширен» (в основном с помощью скрытых дыр в деревянном полу) настолько, что заключенные могли там скрываться при необходимости. Были назначены ответственные за одежду и добывание хлеба. Весной 1945 г. было добыто и спрятано в стене барака примитивное оружие - 16 бутылок с бензином.

Что касается зимы 1944-45 гг., то во время нее нелегальная солидарность в основном лагере достигла такой степени, что некоторые члены административного офиса лагеря с помощью определенных тюремных функционеров из больницы посредством смены имен и ошибок в отчетах смогли спасти некоторых заключенных, находившихся в особой опасности¹⁷⁷.

На серьезную попытку восстания никто из национальных организаторов сопротивления не решался, рационально понимая, что восстание закончится для ослабленных и безоружных людей верной смертью. Однако советские, испанские, чехословацкие и немецкие заключенные полностью независимо друг от друга разработали детальные планы восстания заключенных в случае попытки массовой ликвидации.

И в основном лагере, и в Гузен-1 иностранные радионовости прослушивали и распространяли узники, которые работали электроремонтниками, ремонтируя оборудование СС, и могли ежедневно прослушивать иностранное радиовещание и распространять новости среди заключенных¹⁷⁸.

До сих пор не обнаружено ни каких-либо официальных отчетов СС, имеющих отношение к актам саботажа со стороны заключенных на многочисленных оружейных заводах. После освобождения появилось множество письменных свидетельств заключенных, в которых говорилось о сознательных актах саботажа, которые имели место в оружейной индустрии Гузена¹⁷⁹ и на заводах Штаейра¹⁸⁰.

В последние дни апреля 1945 г. по инициативе австрийского коммуниста доктора Генриха Дюрмайера, прибывшего в лагерь из концентрационного лагеря Освенцим 25 января 1945 г., был сформирован Интернациональный

¹⁷⁷ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. Linz, 1995. S. 313-314.

¹⁷⁸ Из интервью автору бывшего французского узника С.Шумова 09.05.05

¹⁷⁹ Хаунсшмид Р. Санкт-Георген. Гузен. Маутхаузен. 2008. С. 200.

¹⁸⁰ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. Linz, 1995. S. 317.

Комитет (ИК), состоявший из 5 или 6 человек. С 27 апреля и до освобождения американскими войсками эти 5 или 6 членов ИК встречались ежедневно, а то и по несколько раз в день в административном офисе лагеря. После 04 мая ИК стала административными путями вмешиваться во внутренние дела лагеря и после 5 мая они стали практически открыто отстранять персонал из уголовных заключенных¹⁸¹. После 8 мая 1945 года было сформировано несколько национальных комитетов, члены которых представляли различные политические партии, и чьи представители вошли в Интернациональный Комитет.

Общий характер возникновения отдельных национальных очагов сопротивления, их становление и начало межнационального взаимодействия свидетельствовало о преодолении национальной вражды. Объединенные общим горем и живя в нечеловеческих условиях, люди различных национальностей находили в себе силы противодействовать страшной системе уничтожения, поддерживать и спасать многие жизни как своих соотечественников, так и людей других национальностей. Можно выделить существенную роль немецких и австрийских политических заключенных по созданию и координации действий как национальных комитетов, так общего движения сопротивления. Также заметен характерный подъем активности во второй половине 1944 года во всех национальных очагах сопротивления. Однако особенности политического и национального восприятия узников зачастую мешали созданию полномасштабного и массового движения сопротивления.

3.2. Побег советских офицеров 2 февраля 1945 года из 20 блока

2 марта 1944 года командование немецкого Вермахта издало секретный указ, часто называемый «предписание Кейтеля». Этот указ предписывал для всех пойманных при попытке побега военнопленных солдат и офицеров, за исключением англичан и американцев, применять так называемую «операцию К». «К» означало сокращение от нем. «Kugel» («пуля») и означало казнь через расстрел. Документ начальника полиции безопасности и службы безопасности, подписанное группенфюрером Мюллером и реализующий данный указ, гласил¹⁸²:

«Верховное командование вермахта постановило:

1. Каждого пойманного беглого пленного офицера и неработающего унтер-офицера, за исключением британских и американских военнопленных, - безразлично, речь идет ли о побегах при этапировании, массовых побегов или

¹⁸¹ Willi Mernyi. Die Befreiung des KZ Mauthausen. Wien, 2006. S. 143.

¹⁸² Архив ИТС. Ф.1.1.26.0/0005/00046.

отдельного побегов, нужно передавать начальнику полиции безопасности и службы безопасности с ключевым словом "ступень III".

2. Так как передача пойманных военнопленных в охранную полицию и службу безопасности ни при каких обстоятельствах не должно разглашаться официально, остальные военнопленные ни в коем случае не должны об этом знать. Совершившие побег должны регистрироваться в справочном бюро вермахта как «сбежавшие и непоиманные». Почтовая служба должна действовать таким же образом. На запросы представителей других государств, Международного Красного Креста и других организаций должна выдаваться такая же информация.

3. В случае поимки сбежавших британских и американских офицеров или неработающих унтер-офицеров заведомо далеко от лагерей военнопленных направлять при отсутствии зданий подразделений вермахта в распоряжение полиции. В некоторых случаях их необходимо передавать из подразделений вермахта начальнику полиции безопасности и службы безопасности, решение об этом необходимо немедленно уточнять у начальника управления по делам военнопленных Верховного командования вермахта.

Также приказываю:

1. Руководству государственной полиции сообщать о поимке военнопленных офицеров в лагеря для военнопленных (Шталаги) и направлять их таким же образом, как и осуществлялось раньше, в случаях наличия подходящего транспорта, в концлагерь Маутхаузен. Во время этапирования — на пути к вокзалу и во всех местах, где могут наблюдать посторонние, беглецов не нужно заковывать в кандалы. Комендатуре концлагеря Маутхаузен необходимо сообщить, что передача заключенного переходит в рамках акции «Кугель». Начиная с 5.7.1944 руководству государственной полиции необходимо подавать числовой отчет о перемещенных лицах в течение прошедших 6 месяцев. Отчет должен называться «Обращение с вновь пойманными военнопленными офицерами в рамках акции «Кугель». Об особых происшествиях необходимо срочно сообщать. Руководству государственной полиции предписывается вести точные списки.

2. Верховное командование вермахта просит лагеря военнопленных в целях маскировки не передавать совершивших побег непосредственно в Маутхаузен, а в соответствующие местные органы государственной полиции.

3. Совершивших побег британские и американские офицеры и неработающие унтер-офицеры, если нет соответствующих помещений в подразделениях вермахта, передавать в распоряжение подразделений местной государственной полиции. Принимая во внимание существующее сильную загруженность учреждений государственной полиции, перевод осуществлять только при реальном фактическом отсутствии помещений в подразделениях вермахта. Комендатурам лагерей военнопленных

предписывается организовать соответствующее размещение сразу после ознакомления с данным указом. В целях соблюдения секретности данного распоряжения запрещается размещение вне стен полицейских управлений, например, в трудовых лагерях.

4. Если сбежавшие пленные офицеры и неработающие унтер-офицеры, за исключением британского и американских военнопленных, попадают в полицейские участки, то передача в лагеря военнопленных не нужна по причинам целесообразности в случае выяснения обстоятельств. Лагеря военнопленных должны быть извещены о поимке беглецов и о их передаче ключевым словом «категория III». Беглых британских и американских офицеров и неработающих унтер-офицеров нужно всегда передавать в вермахт.

5. Местные органы власти и органы власти местной полиции об этом указе не информировать».

Все эти упомянутые солдаты и офицеры, большая часть которых была советскими военнопленными, либо сразу ликвидировалась органами полиции безопасности или СД, либо была доставлена в Маутхаузен - лагерь «категории III», а именно - в двадцатый барак. С марта 1944 года по февраль 1945 года в концлагерь Маутхаузен были переданы без поименного учета, около 4700 таких узников¹⁸³.

Испанский узник Франсуа Бойкса (Francois Boix), занимавшийся фотографированием узников¹⁸⁴, сообщил в свидетельских показаниях на Международном трибунале в Нюрнберге 23 января 1946 г., что узники «К-акции» были сфотографированы, но поименно не учтены. В фотокартотеке они получили номера с 3000 примерно по 7000, т.е. сфотографировано их было около 4000. Фотографии изготавливал унтершарфюрер Герман Шинлауер (Unterscharführer Hermann Schinlauber)¹⁸⁵. В противоположность этому, старший надзиратель 20 блока, обершарфюрер СС Нидермайер в своих показаниях 7 апреля 1946 г. о «К-акции» утверждал, что речь шла о советских гражданских рабочих и военнопленных, что существовало 2 указа, оба подписанных Кальтенбрунером, и, что в Маутхаузен было направлено 1300 узников в рамках «К-акции».

Весной 1944 года 20 блок был изолирован от остального лагеря каменной стеной высотой 2,5 метра с колючей проволокой, находящейся под высоким напряжением. Вне стены находились 2 наблюдательных вышки, оснащенных прожекторами, на которых находились эсесовцы, вооруженные пулеметами. Заключенные 20 блока не получали номеров (они были зарегистрированы в политическом отделении по своему номеру из соответствующего лагеря военнопленных). Они нерегулярно получали маленькую порцию

¹⁸³ Архив ITS. Ф. 1.1.26.0/0005/00095. [Свидетельство Д-ра А. Ухслера].

¹⁸⁴ Mauthausen. Cronica Grafica. Rosa Toran. Barcelona. 2002. P. 102.

¹⁸⁵ IMT. BAND VI. S.292.

продовольствия, спали на дощатом полу. Кровати были только у администрации блока, которая состояла из старшего по блоку и нескольких дежурных по блоку. Старшим по блоку был немецкий или австрийский политический заключенный, имя его не установлено. Старшими по комнатам («штубам») были: двое поляков, которых звали Адам и Володька, бывший советский лейтенант кавалерии Михаил Иханов, (которого звали «Мишка-татарин») и два неизвестных голландца.

В штубе «А» были «здоровые» узники, а в штубе «В» - неспособные передвигаться. У них не было медицинского обслуживания. С ними обращались очень жестоко и просто оставляли умирать от голода. Суп из корнеплодов выдавался нерегулярно. Только два раза в неделю выдавался хлеб. По воспоминаниям Михаила Рябчинского, «узников кормили так плохо, что они должны были умирать с голоду»¹⁸⁶. Время жизни узника составляло несколько недель, хотя отдельные узники выживали несколько месяцев. Зимой 1944/45 ежедневно умирало больше 20 человек. На рассвете в 5 утра после сигнала охраны узники должны были сначала бежать в душевую комнату и затем сразу покидать барак. Босые, худые узники, тела которых были покрыты кровавыми корками, гноящимися шишками и открытыми ранами должны были в группах по 100 человек расположиться в узком дворе барака и от 3 до 4 часов ждать появления Нидермайера. Как только он появлялся со своим сопровождением, старший по бараку отдавал команду «Вниз». Все узники должны были броситься на землю. Таким образом происходила переключка.

После этого начинались «физические упражнения»: ходьба гуськом, ползание на четвереньках, ползание по-пластунски, прыжки, бег и т.д. После этого узники в любую погоду должны были оставаться вне стен барака. Они толпились группами, прижавшись тесно друг к другу в так называемых «печках», и согревались легкими прыжками и взаимным растиранием. Через некоторое время структура менялась: те, кто был на внешней стороне, попадали в центр и наоборот. Только вечером, после поверки, узники могли попасть в барак. Узники этого блока не использовались на объектах принудительного труда, хотя в то время существовала нехватка рабочей силы, и Главное административно-хозяйственное управление СС хотело использовать труд узников «К-акций» для строительства штолен. Рудольф Гесс (Rudolf Höss), бывший комендант Освенцима и позднее начальник отдела D I в WVHA, на Международном трибунале в Нюрнберге в процессе защиты 15 апреля 1946 года говорил, что Кальтенбрунер хотел в начале октября 1944 года принять решение о задействовании безымянных узников «К-акции» на объектах военной промышленности. Это решение не было принято¹⁸⁷.

В январе 1945 года в блоке находились в основном советские офицеры,

среди них было много летчиков. Предположительно, кроме них в блоке были 5 или 6 участников Варшавского восстания, несколько югославских партизан и голландцев. В январе в блок поступило 17 советских офицеров, которые были пойманы после побега из лагерей военнопленных. Среди них находились Герой Советского Союза подполковник Николай Иванович Власов, комдив полковник Александр Филиппович Юсупов, комдив полковник Кирилл Моисеевич Чубченко и капитан Геннадий Мордовцев. Также среди участников восстания были старший лейтенант Усманов, лейтенант Павел Богданов, старший лейтенант Володин, капитан Жариков, младший лейтенант Иван Писарев, младший лейтенант Николай Фурцев¹⁸⁸. Эти офицеры обсуждали побег во время согреваний в «печках», когда они не могли быть замечены функционерами блока.

Планировалось создать ударный отряд, задачей которого было использовать выкопанные камни, куски угля, деревянные ботинки и оба находящиеся в бараке огнетушителя в качестве оружия. Для каждого огнетушителя выделялось три человека, задачей которых являлось направить пенную струю в лицо эсесовцам, находящихся на наблюдательных вышках, чтобы лишить их возможности использовать их оружие. Так остальным узникам станет возможным перелезть через каменную стену, а также - захватить пулеметы.

Восстание было запланировано в ночь с 28 на 29 января. Однако вследствие предательства 27 января администрацией были расстреляны 25 заключенных, находившихся в лучшей по сравнению с остальными узниками физической форме. Среди них оказались Власов, Юсупов и Чубченко. Более подробные обстоятельства измены неизвестны. Однако можно предположить, что охрана не узнала ничего про обстоятельства планируемого побега. Несмотря на гибель штаба заговорщиков, побег начался 2 февраля в 0-50. Ночь была звездная и холодная, температура воздуха была около минус 8 градусов. Все поля вокруг концлагеря были покрыты снежным покровом высотой от 20 до 30 сантиметров. На территории лагеря снега не было¹⁸⁹.

В ночь побега в блоке было около 570 узников. Примерно 75 тяжелобольных узников не смогли принять участие в восстании и остались в блоке. После того, как старосты барака и некоторые «старшие по «штубе» были задушены, были сформированы ударные отряды и началось обсуждение тактики и путей побега. После этого узники сначала попробовали копать подкоп под барак и северной внешней стеной. Предположительно отказ от этого замысла произошел из-за большого времени, необходимого для реализации этого замысла. У узников не было ни лопат, ни других пригодных инструментов. Поэтому узники решили провести фронтальное наступление

¹⁸⁶ Из интервью, данного М.Рябчинским автору 09.05.05.

¹⁸⁷ IMT. В. XI. S. 438.

¹⁸⁸ А. Пирогов. Этого забыть нельзя. Одесса, 1962. С. 226.

¹⁸⁹ Walter Kohl. Auch auf dich wartet eine Mutter. Grunbach, 2005. S. 25.

против восточного участка охраны. Вырванные из пола барака доски использовались как ударное оружие и метательные снаряды. Непосредственно перед штурмом один из высоких офицеров обратился к узникам с речью.

После этого узники одновременно начали выбираться из барака через обе двери барака во внутренний двор, имитируя обычные ночные построения. Это позволило довольно близко приблизиться к наблюдательным вышкам и начать атаку огнетушителями и различными метательными снарядами¹⁹⁰. С помощью смоченных одеял и предметов одежды токопроводящие участки колючей проволоки были замкнуты накоротко. После относительно короткой борьбы была захвачена восточная наблюдательная вышка. С помощью пулемета, установленного на этой вышке, была уничтожена охрана на второй, соседней вышке. Уже на этом первом этапе многие узники были убиты. Более ста человек после совершенных усилий по перелезанию через стену не смогли далеко убежать от лагеря и обессиленные оставались лежать в непосредственной близости на земле или медленно ползли прочь¹⁹¹.

Эти узники, как и те, которые остались лежать в бараке, были убиты этой же ночью эсесовцами. Большинство побежало на север по направлению к чешской границе (в то время - Протекторат Богемии и Моравии). Администрация лагеря сразу же начала мероприятия по всеобщему розыску беглецов. Начальство лагеря выдало распоряжение всем близлежащим отделениям жандармерии возвращать узников в лагерь только мертвыми. Преследование продолжалось в близлежащих областях около 3 недель. В процесс ловли беглецов принимали участие подразделения СС, фольксштурм¹⁹², вермахт, верхнедунайские отделы СА, члены НСДАП и гитлерюгенд. В СС эта акция называлась «Мюльфиртельская охота за зайцами».

О масштабах розыска можно судить по телеграмме Крипо Линца 3 февраля 1945 в Главное управление имперской безопасности (RSHA), подписанной доктором Тайхманном (Dr. Teichmann)¹⁹³: «Относительно побега узников из концлагеря Маутхаузен, происшедшего 2.2.1945 года. 419 беглецов¹⁹⁴ в окрестностях Маутхаузена, Гальноекирхе, Вартберга, Прегартена, Швертберга, Перга в целом более 300 пойманы, из них 57 живыми. Остальные бежавшие находятся в окрестностях Перга и в лесах, укрываясь в хуторах и пытаясь убежать вдоль границы между Верхней и Нижней Австрией по направлению к Протекторату. Выполняется безоговорочная совместная работа с вермахтом и другими ведомствами. В данной области объявлен всеобщий розыск только в окрестностях Перга, Freistadt, Krummau, Kaplitz, в остальных окрестностях розыск приостановлен 2.2.1945 в 15-00.»

¹⁹⁰ В. Сахаров. В застенках Маутхаузена. Симферополь, 1959. С. 136.

¹⁹¹ Пирогов А. Этого забыть нельзя. С. 201.

¹⁹² Подразделения Фольксштурм (Folkssturm) состояли из пожилых мужчин.

¹⁹³ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. 5/2. [Копия телеграммы.].

¹⁹⁴ Это число только тех узников, которые смогли выбраться за пределы лагеря.

Согласно сообщению жандармерии около 100 сбежавших узников были схвачены подразделениями СС и вспомогательными подразделениями и расстреляны на месте. В хронике жандармерии Маутхаузена начальник Фляйшман (Fleischmann) писал о задержании беглецов в отношении к населению следующее¹⁹⁵:

«...должен отметить тот факт, что сбежавшие из концлагеря узники вели себя по отношению к населению очень прилично. Не происходило актов насилия или поджогов. Они стремились только к тому, чтобы достичь крова, насытить свой голод и получить гражданскую одежду для облегчения дальнейшего продвижения.»

Майор жандармерии города Швертберга Иоганн Кохоут (Johann Kohout) составил непосредственно в 1945 году в хронике Швертберга (Schwertberger Postenchronik) подробный отчет о кровожадности и массовой истерии, присущей местному населению во время поиска беглецов¹⁹⁶:

«Наконец закончился день 2.2.1945. Этот и последующие дни привели население Швертберга к огромному долгу и их последствия к нескончаемому горю. Через Бургомистра ... вся охрана уведомлялась ... что 500 опасных преступников сбежало из концлагеря Маутхаузен. Весь личный состав отправился в разъездную работу. ... во время ночного обхода они находили окровавленные следы на снегу, сделанные босыми ногами. Вероятно, ноги были изранены вследствие ходьбы. По отдельным следам можно было понять, что на ноги была намотана материя... крестьяне и крестьянки рассказывали, как пугались того, что кто-то появлялся в их комнате, рядом с их кроватями. Другие пугались узников в конюшне, в комнатухе с кормом для скота, где узники измельчали и ели репу. В домах они брали одежду, шляпу или обувь и бежали дальше».

Согласно данным СС, были пойманы все, кроме 17 или 19 сбежавших. Имена 11 человек были установлены до сегодняшнего дня. Это: Иван Бакланов, Владимир Шепета, Иван Битюков, Владимир Соседько, Виктор Украинцев, Николай Земкало, Михаил Рябчинский, Александр Михеенков, Владимир Дорфев, Семён Шаков и якобы Михаил Иванов¹⁹⁷.

Выясним, каким образом спаслись сбежавшие узники. Украинцев и Битюков были спрятаны земляками-остарбайтерами и поляком, трудившимся у бургомистра Хольцлайтена (Holzleiten). Бургомистр, который много дней участвовал в поиске беглецов, не знал, что они скрываются в его доме. Его слуги снабжали беглецов едой, ботинками и гражданской одеждой. Через 14 дней они покинули дом. Украинцев был пойман через некоторое время как

¹⁹⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. 5/4/1.

¹⁹⁶ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. 5/4/2.

¹⁹⁷ K-haftlinge. P. Kammerstatter. S. 93, 110.

остарбайтер, но в Маутхаузен не попал. Битюков дошел до Советских войск, находившихся к тому времени в Чехословакии¹⁹⁸. Соседко и Бакланов скрывались до конца войны в лесах. Шепета попал под другим именем в лагерь военнопленных. Михеенков¹⁹⁹ скрывался в чешской семье Vaclav Svec в Южной Чехии. Рябчинский и Земкало были спрятаны семьей Иоганна и Марии Лангталер (Johann и Maria Langthaler) из Винден-бай-Швертберг (Winden bei Schwertberg) до мая 1945 года. Терезия и Иоганн Машербауер (Theresia и Johann Mascherbauer) из Швертберга прятали Семена Шакова до мая 1945 года. Семья Витбергер (Wittberger) из Ланценберга (Lanzenberg, Gemeinde Perg) с помощью французского военнопленного укрывала по крайней мере одного военнопленного, снабжая едой и одеждой²⁰⁰.

Пример этих трех семей показывает нам мужество обычных австрийских граждан, их высокую нравственную и человеческую позицию, сопряженную с риском для жизни. В случае, если бы беглецы были бы обнаружены, они сами могли оказаться в концентрационном лагере.

3.3. Последние дни существования лагеря в апреле-мае 1945 года

В апреле 1945 в концлагере Маутхаузен сложилась довольно сложная ситуация, которая характеризуется хаотичной неразберихой, лихорадочной деятельностью СС по стиранию следов преступлений, уменьшением размера выдаваемых продуктов, увеличением ежедневной смертности до 200 человек в день в главном лагере. Вместе с этим необходимо учесть, что в эти дни у узников появилась реальная надежда на скорое освобождение. В связи с продвижением частей Красной Армии, немцам пришлось в апреле эвакуировать многие концентрационные лагеря, в том числе Бухенвальд, Дора-Миттельбау, Равенсбрюк, Заксенхаузен и Флоссенбург в концлагерь Маутхаузен, что привело к переполнению центрального лагеря и основных филиалов.

В этот период в среде узников царил страх, связанное с опасностью уничтожения всех узников вместе с самим лагерем. Однако страх вытеснялся ненавистью к эсесовцам и надеждами на освобождение.

7 апреля 1945 года все отделения гестапо были проинструктированы уничтожать отдельные группы узников, содержащихся под арестом, без поименного учета в газовых камерах²⁰¹. 3 апреля была расстреляна группа, прибывшая из концлагеря Освенцим. Были также уничтожены узники, занимавшиеся ведением документации и учетом вновь прибывших узников.

С 7 по 25 апреля в центральный лагерь прибывали транспорты с

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. 1.

¹⁹⁹ Глас Революции. Номера 24,25,26,27. 1972.

²⁰⁰ K-haftlinge. P. Kammerstatter. S. 202.

²⁰¹ Hans Marsalek. The History of Mauthausen Concentration Camp. S. 119.

эвакуированными узниками из филиалов Нижней Австрии, Вены, Штирии. Все узники, неспособные передвигаться, расстреливались на месте. В палаточную часть центрального лагеря регулярно приходили транспорты с венгерскими евреями, в число которых входили мужчины, женщины и дети.

Все приспособления для уничтожения, в первую очередь газовые камеры, находились в эксплуатации непрерывно. В это же время многие немецкие и австрийский узники, асоциальные и политические, а также бывшие члены вермахта вербовались в специальные подразделения СС²⁰².

Лагерь регулярно переполнялся предположениями, слухами, истинными и ложными радиосообщениями, возможными тайными распоряжениями СС и т.д. Это способствовало большому эмоциональному накалу в среде узников. В связи с этим существовала опасность возникновения панических настроений, а также провокационных действий.

Слухи о поголовном уничтожении эсесовцами всех узников к середине апреля сменялись слухами об уничтожении особых категорий узников, «имеющих доступ к секретной информации». Никто, включая лагерных функционеров, не мог понять, кто будет относиться к этой категории. Большая часть узников была проинформирована о победоносном продвижении войск союзников и о скорой окончательной победе над нацистским режимом. Были случаи (например, 15 апреля), когда некоторые известные и привилегированные узники вывозились в машинах якобы «к американцам». Дальнейшая их судьба неизвестна.

К общей картине деморализации прибавлялось то, что сами эсесовцы теряли веру в победу немецкого оружия. Многие офицеры, например Ханс Алтфулдиш и унтер-офицеры СС Хайнц Боллхорст, Йозеф Риглер, Карл Гиссригль, готовили себе гражданскую одежду и поддельные документы. Многие из них доставали для себя дополнительные единицы оружия и гранаты для использования их в целях самозащиты.

Около 10 апреля несколько австрийских и немецких политических узников были размещены в комнатах бывшего борделя центрального лагеря в качестве «почетных» узников. Среди них находился австриец Генрих Кодре. Все эти узники получили штатский костюм и личные документы. Они могли не работать и имели право свободно передвигаться в пределах лагеря и получать достаточное количество провианта. Некоторые из них поддерживали связь с писарями из канцелярии лагеря, сообщая подпольному движению информацию о состоянии вооружения охраны лагеря, а также об их настроении и намерениях. Чуть позже эти отобранные узники получили эсесовскую форму без знаков отличия и винтовки без боеприпасов. Они были размещены в бараках 3 и 4 и привлекались к

²⁰² Архив Маутхаузен-Музея. Ф. 3/4. [Списки.].

организации палаточного лагеря. 19 узниц, работавшие в борделях центрального лагеря и Гузена, были отпущены из лагеря 14 апреля.

19 апреля прошло последнее празднование руководством лагеря дня рождения Гитлера. Это встреча была прощальной для руководителей штаба комендатуры лагеря. На этом собрании Цирайс сообщил присутствующим, что узники всех существующих концлагерей передаются американцам²⁰³.

В ночь с 19 на 20 число колонна грузовиков Международного комитета Красного креста из Женевы прибыла в Маутхаузен с грузом продовольствия для узников. На следующий день этим транспортом в Швейцарию были эвакуированы 756 узниц²⁰⁴.

20 числа решением коменданта Цирайса 3000 слабых узников должны были быть перемещены в часть центрального лагеря, названную Лагерь III. На самом деле это означало уничтожение всех больных узников в газовых камерах.

Некоторые лагерные функционеры открыто саботировали транспортировку отобранных узников, тем не менее, они не смогли предотвратить транспортировку 1400 стариков и больных узников. Благодаря тому, что писарь Курт Пани (Kurt Pany) подобрал отмычку от ворот Лагеря III, удалось ночью вывести 20 человек из этого в основной лагерь. Эти узники были спрятаны в бараках главного лагеря итальянским коммунистом Пайетом. Другим примером саботажа явилось укрытие узников в блоке 22 у администратора блока Франца Хрьбека во время формирования колонн для уничтожения.

С 21 по 25 апреля в газовой камере было уничтожено 650 человек, кроме этого большое количество узников умерло на территории лагеря. Эта акция была инициирована эсесовским доктором Вольтером и стала возможной благодаря усилиям коменданта лагеря Цирайса.

Необходимо отметить также и отдельные усилия, например доктора Вратислава Бусека (Vratislav Busek), который 25 апреля отправил обратно из Лагеря III в лазарет основного лагеря группу из 378 узников, что означало для них спасение от верной смерти. В эти дни в лагере стали все отчетливее слышны звуки канонады.

С 19 по 28 апреля Международный комитет Красного креста, кроме уже указанных женщин, вывез в Швейцарию на 2 транспортах еще 596 узников мужчин, а именно 528 (официально 531) французов (незаконно 2 поляков и чех), 40 бельгийцев, 21 нидерландца, 2 швейцарцев и 2 арабов²⁰⁵.

В течение последних апрельских дней, как в центральном лагере, так и

²⁰³ Karel Nosek. Blutige Kaskaden. Praha, 1978. S. 216.

²⁰⁴ Документация Интернационального комитета Красного Креста (1939-1945). Женева, 1947. Т. 3. Серия II. Nr. 1. С.10.

²⁰⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. S 4/1, 8.

в филиалах организации активного и пассивного сопротивления вели попытки взаимодействия с отдельными эсесовцами. Так, например, 29 или 30 апреля штурмбанфюрер Курт Гайсслер²⁰⁶ пытался выйти на связь с подпольной организацией через немецкого политического узника Франца Далеме.

25 апреля была остановлена эвакуация филиалов лагеря. Оставались лишь следующие лагеря: Штайер (3090 человек), Линц II (208), Линц III (4985), Пассау I (35), Шлиер (472), Эбензее (18604), Санкт-Ламбрехт (79), Линд (20), Лойблпасс (983), Клагенфурт (86), Гузен I, II, III (примерно 21000), Ленциг (565), Вельс (327), палаточный лагерь (примерно 2800), Ганскирхен (примерно 15000-18000), Дунаушифф (примерно 700). В центральном лагере в этот день находилось 17649 узников-мужчин и 1073 узниц-женщин²⁰⁷.

Уже в марте 1945 года Цирайс выпустил предписание, чтобы всем больным евреям в лазарете оказывалось предпочтение. Больные евреи должны были получать собственную кровать и полный паек за счет больных «арийских» узников. Это указание саботировалось персоналом лазарета и больные еврейские узники зачастую не получали еду в течение 3 дней²⁰⁸.

Все происходящее в лагере в эти дни приводило узников к мысли, что если они не умрут от голода и болезни в последние дни, то будут освобождены в ближайшее время. Эсесовцы также были в некотором ожидании. Гауляйтер Эйгрубер выдал 27 апреля специальное распоряжение о ликвидации в лагере всех австрийских антифашистов с целью исключить участие последних в организации послевоенной жизни²⁰⁹. Однако офицер, который должен был привести этот приказ в исполнение, открыто его саботировал. Для спасения этих антифашистов международным комитетом был предпринят ряд мер, но они не увенчались успехом, и 33 австрийских антифашиста были уничтожены на следующий день в газовой камере. Некоторым, однако, удалось скрыться в лазарете.

На следующий же день все техническое оборудование газовой камеры было демонтировано лагерными слесарями. Угол стены, где находились отверстия для подачи газа, был замурован и облицован кафелем, после чего газовая камера выглядела как душ.

Весной 1945 года от Главного административно-хозяйственного управления (WVHA) пришло письменное указание уничтожать все документы концлагеря²¹⁰. До 2 мая администрация лагеря собирала книги смертей, личные дела и карточки, учетные книги и прочие отягчающие

²⁰⁶ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. P 19/23.

²⁰⁷ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. 60/11. [Записи писаря].

²⁰⁸ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. M 14/1.

²⁰⁹ IMT. Book XVI. S. 484.

²¹⁰ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. P 18/6. [Указания адъютанта А. Цуттера].

документы. Собранный материал был сожжен в печах крематория.

В последних числах апреля все слышнее раздавалась артиллерийская канонада. Каждый день по лагерю прокатывались слухи о прибытии армии союзников. Советская армия к тому времени стояла на востоке Австрии на левом берегу Дуная между Штокерау и Кремсом, а на правом – около Санкт-Польтена. Части XII американского механизированного корпуса преодолели 29 апреля Баварско-Австрийскую границу, не встречая существенного сопротивления противника.

1 мая комендант лагеря Цирайсс перевел особого узника Гейнриха Кодре (Heinrich Kodre) из бывшего лагерного борделя в здание лагерной тюрьмы. Цирайсс обосновал это указание ссылкой на то, что отряды СС покинут лагерь и передадут его охрану венской полиции. Из-за этого, по его мнению, могли начаться беспорядки и расправы, что представляло для Кодре, как для высокого чина Вермахта, непосредственную опасность. Кодре так писал об этом²¹¹: «Вечером я собрал свои вещи и был переведен в бункер. Сначала меня поместили в одиночную камеру. Там были еще арестованные эсесовцы. На следующее утро мне было разрешено жить в другой комнате, где уже жили двое довольно степенных венских полицейских. Таким образом, я провел в бункере два дня».

1 мая гауляйтор Айгрубер, будучи Комиссаром Защиты Рейха по Верхнедунайской области, в радиообращении к населению Верхней Австрии сообщил следующее²¹²: «Наш смертельный враг стоит на востоке. Вся наша военная сила направлена против большевиков».

2 мая в первой половине дня в центральном лагере эсесовцами были казнены 8 узников из команды, работавшей в крематории Гузена, специально для этого переведенные в центральный лагерь. А в Гузене, в свою очередь, были казнены 3 человека из команды, работавшей в крематории центрального лагеря, также специально переведенные в Гузен для казни. Это было предпоследней казнью, имевшей место в концлагере. Однако 9 узникам из работавших в центральном лагере удалось спастись: 6 узников были спрятаны в лазарете, а трое – в подвале аптеки.

Также 2 мая Цирайсс разрешил Луису Хафлигеру (Louis Haefliger), делегату Международного Красного Креста, прибывшему с транспортом 28 апреля и жившего в городе Санкт-Георген, разместиться в эсесовском бараке центрального лагеря. Несмотря на то, что уже 29 апреля президент Международного Красного Креста требовал от Цирайсса соблюдения выполнения соглашения с начальником Главного управления имперской безопасности (RSHA) обергруппенфюрером Кальтенбрунером о свободном передвижении по лагерю и общению с иностранными узниками

²¹¹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/24. [Интервью Кодре 7. 12. 1967.].

²¹² Газета „Oberdonau-Zeitung“, Nr. 102 v. 3- 5. 1945, S. 2.

представителям Красного Креста, Хафлигеру было запрещен доступ в ту часть лагеря, где находились узники²¹³. Однако, хотя некоторые узники знали о присутствии в лагере данного представителя Красного Креста, Интернациональному Комитету это было неизвестно.

3 мая адмирал Карл Дениц (Karl Dönitz) в качестве нового рейхсканцлера немецкого правительства издал принципиальный новый указ для Вермахта, в котором говорилось²¹⁴ «Сопротивление против американцев и англичан нужно продолжать настолько долго, как этого требует борьба на востоке и до обратного хода немецкой армии на востоке...».

В ночь с 2 на 3 мая некоторые эсесовцы поодиночке покинули центральный лагерь в гражданской одежде. Утром 3 мая в центральном лагере прошла последняя переключка на апельплаце, при этом надо заметить, что в Гузене переключки продолжались. После этой переключки практически все подразделения СС покинули центральный лагерь и Гузен. В центральном лагере на работу отправились только те узники, которые работали в цехах: В Гузене на работу отправилось большее количество команд. Утром 3 мая лагерь также покинули и те узники, которые были призваны эсесовцами. Перед этим каждый из этих бывших узников получил униформу СС со знаками отличия, солдатскую книжку и карабин с 60 патронами. Татуировка группы крови была сделана им на следующий день. Эти бывшие узники были разделены в группы по 15 человек обычно под командованием унтершарфюреров СС. Непосредственно перед оставлением лагеря лично комендантом Цирайссом был выделены 10 человек из этих бывших узников, которые в присутствии всего контингента СС расстреляли на спортплощадке неизвестного, являвшегося предположительно гражданским лицом. Это было последней экзекуцией, произведенной СС в центральном лагере²¹⁵.

Хотя в это время наступающая американская армия находилась в 20 километрах на западе от Маутхаузена, а Советская Армия в 100 километрах на востоке, подразделения СС заняли оборону восточной части города Маутхаузен, а не западной. Вероятно, эти действия были прямым следствием приказа Карла Денница, так как именно в этом месте предполагалось держать рубеж обороны против наступающей Красной Армии. В строительстве укреплений этого рубежа принимали участие бывшие узники, и он тянулся от Дуная на север. Большая часть подразделений СС заняла этот рубеж, а несколько подразделений заняли мост и долину впадающей на этом месте в Дунай реки Энс.

²¹³ Документация Интернационального комитета Красного Креста (1939-1945). Женева, 1947. С. 85.

²¹⁴ Krieg in Österreich, 1945, S. 288.

²¹⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/4.

Охрана как центрального лагеря, так и Гузена, в первой половине дня было передано подразделениям Венской Пожарной Полиции, которые уже 14 апреля прибыли в центральный лагерь с целью укрепления охранного гарнизона²¹⁶.

Оставление центрального лагеря эсесовцами сразу стало известно в среде узников и мгновенно изменило их настроение и общее положение дел. Всем было ясно, что освобождение наступит в ближайшее время. Сразу же была прекращена работа на всех участках, за исключением лазарета и кухни. Узники стали собираться в различных областях лагеря и обсуждать грядущее освобождение. Некоторые узники начали мародерствовать внутри лагеря. В первую очередь это коснулось кухни, складских помещений и борделя, который был частично разрушен. В бараках началось массовое переселение узников по национальному признаку.

Генрих Кодре, выпущенный 3 мая из лагерной тюрьмы, писал следующее²¹⁷: «Это было странное состояние. Узники бродили по лагерю толпами, и было ощущение, что лагерь распустили. Единственное, что функционировало, было охраной, которая была на месте, и мы получали такую же скудную еду, как и до этого».

С этого времени отдельные члены интернационального комитета заседали в канцелярии лагеря. Они пытались достать какую-либо информацию о ходе военных действий и о намерениях СС.

Нижний («русский») лагерь был окружен двойным проволочным забором и также охранялся бойцами пожарной службы. В ночь с 3 на 4 мая охранниками из их числа был ранен один узник, пытавшийся перелезть колючую проволоку.

Это событие на фоне общей ситуации стало причиной того, что 4 мая два уполномоченных представителя интернационального комитета, Ганс Маршалек и Генрих Дюрмайер, стали требовать от капитана Керна передачи комитету административного управления лагерем. В этот же день представители комитета попытались начать контролировать жизнь внутри лагеря. Однако подразделения пожарной охраны продолжали охранять центральный лагерь и нижний лагерь. Представители комитета и остатки лагерной администрации попробовали предотвратить попытки грабежа и мародерства²¹⁸. В этот день узники не работали и проверки не производились. В Гузене некоторые команды продолжали работать, и проводились утренняя и вечерняя поверка.

4 мая Хафлигер достал в гараже комендатуры легковой автомобиль,

²¹⁶ Dokumentationsarchiv des österr. Widerstandes. Dokumentation über die Wiener Feuerwehr, S. 26. [Amtsblatt der Stadt Wien vom 17. 4. 1948. Nr. 39, S. 1.].

²¹⁷ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/24.

²¹⁸ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/24, S. 17.

покрасил его с помощью узников, работавших в гараже комендатуры в белый цвет. Узники, работавшие в пошивочной мастерской, сделали ему флаг с символикой Красного креста.

Рано утром Хафлигер в сопровождении Реймера, бывшего эсесовца и водителя из числа бойцов пожарной службы, направился на этой машине под флагом Красного Креста в сторону Линца с целью выйти на связь с американской армией. В северной части города Санкт-Георген ему удалось встретить два американских танка и сопроводить их в центральный концлагерь²¹⁹. Однако прежде чем эти два танка достигли центрального лагеря, между 9 и 10 часами утра с севера лагеря на расстоянии примерно 6 километров 5 американских танков приняли бой с частями СС. Вильгельм Штазек, бывший узник завербованный в СС, описывает это событие так: «До полудня мы слышали перестрелку. На севере к нам приближались американцы. Мы получили приказ идти навстречу американским солдатам. После еще одной перестрелки все бывшие узники, в том числе и я, пошли по направлению к американцам. Эсесовцы шли за нами. Не было ни убитых, ни раненых. В том месте, где была перестрелка, мы встретили другие отряды бывших узников и эсесовцев. Единодушно единым строем мы отправились на север с целью сдаться в плен²²⁰».

С 9 до 11 часов рыночная площадь города Маутхаузен была освобождена американскими войсками. Большая часть эсесовцев, в том числе бывших узников, сдалась американцам в плен. Лишь некоторые подразделения сбежали по мосту в направлении реки Эннс. Некоторые эсесовцы спрятались у своих знакомых, живущих в окрестностях города Маутхаузен. Во время указанных событий только один американский танк получил повреждение. Колонна американских танкистов с военнопленными пошла по проселочной дороге на север. Узники концлагеря не знали о происходивших в непосредственной близости от них вооруженных событиях.

В 12 часов 5 мая белый легковой автомобиль Хафлигера и два американских разведывательных броневедомоля остановились около нижнего «русского» лагеря²²¹. Увидев приближающиеся американские разведывательные броневедомоля, охрана открыла ворота лагеря, и сотни мужчин и женщин устремились к танкам для того, чтобы поприветствовать своих освободителей. Некоторые узники танцевали и прыгали, некоторые плакали, некоторые кричали от истерической радости. Некоторые, наоборот, ослабевали от этой радости и даже умирали. Генрих Кодре описывает это событие так: «Охрана открыла ворота. Офицер вышел из американского

²¹⁹ Документация Интернационального комитета Красного Креста (1939-1945). Женева, 1947. С. 136.

²²⁰ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/4.

²²¹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. 4/5, 6, 7, 8.

разведывательного броневедомобиля и пошел по направлению к воротам лагеря, где находились вооруженные полицейские. Полицейские сложили оружие, и с этого момента лагерь был без охраны. Какая-то группа заключенных сразу же захватила оставленное оружие».²²²

С командиром броневедомобилей Альбертом Козиком переговоры начал вести Генрих Дюрмайер. Дюрмайер требовал, чтобы солдаты остались в лагере и взяли под защиту освобожденных узников. Однако после разговора по радиации с командованием, американские солдаты должны были продолжить прерванную операцию²²³. Таким образом, после двух часов пребывания, американские броневедомобили покинули центральный лагерь. До отправления американские войска приказали выдвигаться бойцам венской полиции в качестве военнопленных организованной колонной в направлении запада.

До освобождения Маутхаузена эти экипажи американских броневедомобилей таким же образом «освободили» концлагерь Гузен-1. В этот день американцы освободили филиалы Линц 2 и Линц 3, Ганскирхен (Gunskirchen), Ленциг (Lenzing) и Штайер (Steyr). Узники в филиале Эбензее (18 тысяч вместе с узниками из Шлиера и Вельса) были освобождены около 15 часов 6 мая²²⁴.

Узниками было подобрано оружие Венской полиции и во второй половине дня был захвачен эсесовский склад вооружения. После этого в центральном лагере стали образовываться закрытые вооруженные организации узников, прежде всего, испанских интербригадистов и советских узников.

Однако в воспоминаниях В. Сахарова и А. Пирогова, непосредственных участников этих событий в центральном лагере, картина происходящего утром 5 мая выглядит несколько иначе. По воспоминаниям В. Сахарова, после того, как наблюдатели утром заметили танк, приближающийся к лагерю, началось восстание: «Вооруженные отряды узников стремительно бросаются на проволоку, рвут ее, забрасывают одеялами, матрацами, куртками... большинство охранников перебито, остальные в панике бегут»²²⁵. И только после этого в лагерь въезжает американский танк, экипаж которого, поучаствовав в интернациональном митинге, покидает лагерь. После этого сформированные отряды под общим командованием майора Пирогова организуют охрану лагеря и «освобождают от фашистов город Маутхаузен».

Действительно, отряды узников заняли 5 и 6 мая почту, здание жандармерии и администрации города Маутхаузен. В хрониках

²²² Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/24, S. 18.

²²³ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/5.

²²⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 24/16. [Воспоминания узников.].

²²⁵ Сахаров В. В застенках Маутхаузена. Симферополь: Крымиздат, 1959. С. 161.

жандармерии это описывается следующим образом²²⁶: «6 мая на охрану напали 7 человек, вооруженных автоматами и ручными гранатами. Охрана была обезоружена, а помещение разграблено. Вследствие чего деятельность охраны была остановлена».

В воспоминаниях А. Пирогова мы тоже можем прочесть о подобном восстании, имевшем место сразу после обнаружения узниками американского танка. В его воспоминаниях очень подробно описаны небольшие сражения с «поспешно отступающими эсесовцами»²²⁷ в лагере и вне его стен: «Немецкие подразделения, завидев танк, который оказался американским, начали было пятиться». Еще интереснее описание ситуации на севере лагеря, где находилось другое подразделение восставших узников: «По данным разведки, с севера подходит дивизия СС Дитриха. Следовало срочно принять меры, иначе батальон Петрова будет раздавлен». Также А. Пироговым сообщается о подобных восстаниях во многих филиалах лагеря, в том числе в Гузене и Мельке.

В книге Михаила Ардашева сказано о «трехдневной обороне восставших», но ни слова нет об освободивших лагерь американцах²²⁸.

По словам С. Розанова, также описывающего восстание, но в более спокойных красках, «подготовленные заранее подпольные группы прорыва бросились на вышки охраны лагеря и заняли их, повернув дула пулеметов в сторону движущегося танка... Охранники лагеря – венская полиция почти не сопротивлялась»²²⁹.

Однако ни в одном из зарубежных источников не зафиксировано подобных организованных операций. Более того, воспоминания некоторых бывших узников Маутхаузена, например Дмитрия Иванцова, несут противоположную оценку происходящего: «После ухода танка... лагерные придурки, активные помощники эсесовцев, вооружившись, берут власть в свои руки, боясь расправы простых узников... они удерживали узников два дня в бараках. Этим несуществующим восстанием против эсманов, которых в лагере уже не было, они стремились забелить свои предательские делишки... Даже сейчас многие недоумки кричат, что и они участвовали в этом выдуманном восстании»²³⁰. Многие советские узники в устных свидетельствах, данных автору, либо опускают этот момент, ограничившись в том, что их освободили американцы, либо более конкретно подтверждают то, что никакого восстания не было²³¹. В. Остен и Д. Левинский в своих книгах,

²²⁶ Chronik des Gendarmeriepostens Mauthausen, S. 271.

²²⁷ Пирогов А. Этого забыть нельзя. Одесса: 1962. С. 215.

²²⁸ Ардашев М. А. Дорога сквозь смерть. Киров, 1962. С. 56.

²²⁹ Розанов С. Возвращение нежелательно. М.: 2004. С. 134.

²³⁰ Д. Иванцов. Во власти безумия. Новозыбков, 1980. С. 134.

²³¹ Из интервью автору бывших узников Ф. Солодовника и В. Кононенко.

описывая происходящее освобождение Гузена и будучи сами активными участниками подпольного комитета, ни слова не говорят о восстании²³².

Одно достоверно известно из всех источников: группе вооруженных испанских узников стало известно о нахождении в пойме Дуная подразделений СС. Поэтому ими было создано возле моста на левом берегу Дуная предмостное укрепление. Руководство было передано австрийскому полковнику Гайнриху Кодре. Он так описывает это событие²³³: «Где-то вечером 5 мая или утром 6, точно не могу сказать, ко мне прибыл доктор Дюрмаейр. Я его раньше не знал. Он спросил меня, смог бы ли я взять на себя обеспечение охраны лагеря, так как существовала опасность, что эсесовцы или вермахт могли вернуться обратно в лагерь и устроить массовую экзекуцию узников. В тоже время он уверил меня, что для защиты моста выделено подразделение вооруженных испанских узников, имевших опыт гражданской войны. Я понял, что моим первым заданием будет осмотреть положение вещей в городе Маутхаузен. Я поехал в Маутхаузен. Там я нашел группу бывших узников, не могу точно сказать, сколько человек там было. Они ходили по берегу и жили в домах. Другие жили в гостиницах и пили. Это не было примером для дисциплины. Я установил, что мост охраняется со знанием дела. Я вернулся в лагерь и остановился в комнате дежурного офицера. Там у меня была связь с предмостным укреплением.»

Телефонная связь была установлена с занятой бывшими узниками почтой, из которой узники передавали сведения для Кодре²³⁴. Сам Кодре или доктор Гельферих сообщали известия в Интернациональный Маутхаузен-комитет.

Функцию руководителя вооруженных узников Кодре занимал до 3-30 6 мая. Руководство вооруженными узниками принял находившийся до того момента в нижнем «русском» лагере советский майор Андрей Пирогов. Как это происходило пишет Кодре:

«Ко мне подошел вооруженный узник и сказал, что я должен прибыть в барак к русскому майору, который хотел со мной поговорить. Барак был полон вооруженных и невооруженных людей. Они впустили меня в маленькую комнату. Там было пусто. Мне пришлось подождать, прежде чем появился советский майор Пирогов. Мы поприветствовали друг друга. Разговаривали в присутствии переводчика. Переводчик сказал мне: «Пирогов велел мне сказать, что он русский офицер и принимает охрану лагеря вне территории лагеря. Он поставил повсюду полевые караулы». Пирогов сказал: «я желаю, чтобы Вы передали мне информацию обо всех

²³² В.Остен. Встань над болью своей. Калининград, 1995. С. 457.; Левинский Дм. Мы из 41-го: воспоминания. М.: 2005. С. 285.

²³³ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. V 3/24, S. 19.

²³⁴ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. St. 6/1ю [Текст телеграммы.].

военных операциях вне лагеря». Я быстро подумал и понял, что его требования совершенно правомочны. Я ответил ему «само собой разумеется». Мы пожали друг другу руки. Я вернулся ... Дюрмаейр принял это к сведению и попросил меня, чтобы я организовал внутренний порядок в лагере. Я отказался, поскольку не был знаком с отношениями в лагере²³⁵».

Таким образом, майор Пирогов действительно командовал обороной лагеря, но после освобождения лагеря американцами.

Это состояние обороны лагеря продолжалось до прибытия американских солдат утром 7 мая. Необходимо учесть, что 6 мая имела место перестрелка через Дунай между отдельными частями СС, с одной стороны, и вооруженными подразделениями испанцев, с другой стороны. В ходе этой перестрелки был убит один испанский узник Бадриан. Хроника жандармерии упоминает об этой перестрелке, причем гибель испанца не упоминается, но приводятся сведения о гибели двух гражданских лиц: «6 мая происходила перестрелка между освобожденными и вооруженными узниками концлагеря и эсесовцами. При этом было убито 2 гражданских лица из Маутхаузена²³⁶».

В любом случае после отбытия американцев из главного лагеря, узники не знали о текущей военной ситуации и были встревожены вероятностью возвращения подразделений СС. По этой причине многие узники вооружились. Однако, судя по австрийским исследованиям²³⁷, не существует ни высказываний, ни документов, из которых следовало бы, что какие-либо подразделения СС или вермахта хотела занять лагерь или угрожали узникам Маутхаузена после 5 мая. Также нет никаких указаний, что СС хотели возвращаться в центральный лагерь после 3 мая. Нет информации о том, чтобы хотя бы один из эсесовцев был убит в ходе сражений с американцами. Определенно известно, что все эсесовцы, соприкасавшиеся с американскими вооруженными силами, сдавались в плен. Только в филиале Эбензее было определено известно, что эсесовское руководство лагеря хотело отправить узников в штольни в апреле или в начале мая. Так по личному указанию Гитлера и по распоряжению Кейтеля все подземные военные заводы должны были быть уничтожены. Однако ни в одном филиале взрывных работ проведено не было, несмотря на то, что во всех филиалах лагеря специалистами подрывниками уже с марта по апрель было подготовлено все необходимое для взрыва входов в штольни.

С 5 по 7 мая на главном входе центрального лагеря висел испанский антифашистский транспарант „Los Espanoles antifascistas saludan a las fuerzas liberadoras." На вершине башни, где располагались раньше дежурные

²³⁵ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. S 3/24.

²³⁶ Archiv Gendarmerieposten Mauthausen, S. 271.

²³⁷ Hans Marsalek.Op. Sit. S. 330.

офицеры, развевался красный флаг: кроваво-красный символ - международного сопротивления.

В филиале Гузен события развивались следующим образом. 5 мая к 13-30 большинство заключенных Гузен-1 находилось на плацу. Из подъехавшего американского броневика выскочил солдат и объявил, что узники свободны. Американцы приказали охранникам из числа Венской пожарной бригады спуститься и сдать оружие. Польские узники начали петь польский гимн, а остальные - Марсельезу. Сразу активные представители польских подпольных организаций подобрали все выброшенное охраной оружие и захватили пулемет на воротах.

В Гузен-1 также были многочисленные случаи линчевания немецкоговорящих узников. Немецкие и австрийские капо и блокеры, как и бойцы третьего батальона фольксштурма вылавливались из всех укрытий и самым беспощадным образом убивали. «Дело доходило до чудовищных сцен, когда каждый старался дотянуться хотя бы до одной из кишочек жертвы и выдернуть ее из чрева, после чего и сам падал от изнеможения»²³⁸.

Делегация советских узников предложила полякам помочь в организации внешней обороны. Поляки согласились, но на условиях численного преимущества польских бойцов. Руководителем русских подразделений был майор Иван Антонович Голубев.

Быстрая организация поляками обороны и внутреннего порядка лагеря позволило в Гузен-1 во многом избежать масштабов дикой резни и произвола, которые происходили в Гузене-2. Здесь советские узники начали линчевать не только немцев, но и поляков, каким-либо образом сотрудничавших с немцами²³⁹.

Ночью на 6 мая к Гузену подъехала машина с вооруженными испанскими узниками из центрального лагеря, сообщив о текущей обстановке. Уже днем 6 мая многие узники самоорганизовывались в колонны и отправлялись на восток, в сторону наступавшей советской армии²⁴⁰.

Во всех филиалах с 4 по 8 мая изголодавшиеся узники пробовали брать штурмом склады. В Маутхаузене, Гузен-1, Линце и Эбензее лагерная организация частично смогла препятствовать мародерству.

После беспощадного преследования немецкоговорящих узников в Гузен-1 и Гузен-2 началось последующее за этим опустошение кухни и складов. Большая часть узников покинула лагерь, и от 20 тысяч освобожденных 8 мая оставалось лишь примерно 7 тысяч.

Приведем описание происходящего в Гузен-1 австрийского узника

Йозефа Нишелвицера (Josef Nischelwitzer): «...вышеприведенное линчевание происходило 5 и 6 мая. Мне неизвестны случаи, когда в этом принимали участие испанцы. Больше всего в этом участвовали поляки и в незначительной мере – русские. Я был свидетелем целого ряда случаев, когда испанцы приходили на помощь немецкоговорящим узникам и спасали их. В частности, испанцы выставили охранение вокруг лагеря и на трофейной танкетке въехали в лагерь, чтобы вывезти из 28 блока немецкоговорящих узников, чтобы тем самым спасти их от ненависти некоторых поляков, которые хотели их убить.... 6 мая я отправился в Маутхаузен, а 7 числа вернулся в Гузен. ...Привели меня в польское управление лагеря, которым заведовал бывший польский врач из ревира. Это было сделано для того, чтобы мне, как немецкоговорящему, получить разрешение пребывать в лагере в 32 блоке, где были все оставшиеся немецкоговорящие»²⁴¹.

6 мая полковник Сибель приехал с инспекцией в Гузен, а 7 мая во второй половине дня центральный лагерь и Гузен были окончательно заняты 11 танковой дивизией 3 американской армии под командованием полковника Сибеля²⁴².

Полковник Сибель не считал Интернациональный комитет легитимной властью, и это привело к определенному противостоянию, выражавшемуся в выражении громкого протеста узниками, результатом которого стало официальное признание американцами на следующий день легитимности Интернационального комитета.

Также после прихода американских частей появилась существенная проблема разоружения узников, переполненных гневом и жадой мести. Испытывая дикий голод, группы вооруженных узников иногда совершали набеги с целью грабежа на дома окрестных жителей²⁴³. Однако были и те группы, которые находясь внутри лагеря, занимались охраной и поддержанием порядка.

В связи с плохим физическим состоянием узников, американским солдатам пришлось не только кормить их, но и оказывать медицинскую помощь.

В мае и июне национальными сообществами организовывались транспорты по перевозке узников в их родные страны. Однако с транспортом возникало очень много проблем. Есть предположение, что в американской армии существовало предписание затруднять эвакуацию коммунистических активистов в освобожденные страны Европы. Поэтому сотни освобожденных узников отправлялись домой пешком. Однако для возвращения

²³⁸ Левинский Дм. Мы из 41-го: воспоминания. М.: 2005. С. 285.

²³⁹ Иванцов Дм. Во власти безумия. Клин, 2001. С. 135.

²⁴⁰ Остен В. Встань над болью своей. Калининград, 1995. С. 458.

²⁴¹ Архив Маутхаузен-Музея. Ф. В 12/59; В 5/31.

²⁴² Из интервью автору бывшего узника Сержа Шумова 05.05.2005.

²⁴³ Gendarmeriechronik Mauthausen. S. 271. А также свидетельства бывших узников.

западноевропейских узников проблем не существовало. Советские узники были организованно эвакуированы в несколько этапов, начиная с 16 мая.

Рассмотрев структуру различных национальных комитетов сопротивления, мы определили как причины возникновения, так и характерные черты деятельности и тенденции для каждого комитета. Тенденции объединения национальных сообществ реализовывались с помощью налаживания связи между представителями различных комитетов. Относительно лучшие условия, в которых были немецкие и австрийские политические заключенные, и наличие многолетнего опыта, позволили им начать инициативные действия по объединению. Однако мы убеждаемся в том, что для этой структуры не был характерно переход к каким-либо активным действиям противостояния, побегам или восстанию. Основной задачей было постепенное вытеснение с ключевых должностей уголовников-функционеров и замена их на активных деятелей сопротивления.

Однако уникальный по своим масштабам и дерзости побег приговоренных к расстрелу и обессиленных советских офицеров 2 февраля 1945 года из 20 блока показывает нам совершенно другой характер сопротивления, присущий преимущественно узникам из Советского Союза. Лишенные вообще всякой надежды, находящиеся в наихудших лагерных условиях и фактически обреченные на смерть, обессиленные люди нашли в себе силы и смелость организовать побег. Обстоятельства имевшей место операции по поимке беглецов показывают крайне антигуманную позицию как и эсесовцев, так и всех тех, кто участвовал в этой «охоте на зайцев». Из этих обстоятельств можно сделать вывод об отношении к происходящему местного населения, сделав предположения о мотивации их поведения либо сильной степенью страха перед карательными органами, либо сознательным сотрудничеством с эсесовцами. Отдельно необходимо выделить подвиг трех австрийских семей, приютивших беглецов.

События, происходившие в последние дни перед освобождением концлагеря, демонстрируют высшую степень консолидации сил сопротивления. Силами интернационального комитета было налажено как обеспечение необходимым узников лагеря в отсутствии охраны, так и предотвращение массовых расправ и мародерства. Из анализа происходивших событий в отдельных филиалах можно сделать вывод об обратной зависимости размеров жертв, имевших место после освобождения, от степени консолидации узников.

Также мы наблюдаем существенное различие в описании освобождения лагеря. В зарубежных источниках и части отечественных процесс освобождения представлен как последовательный процесс передачи власти от эсесовцев венской полиции и последующее бескровное

освобождение американцами. В части же отечественных источников, преимущественно относящихся к концу 50-х - началу 60-х годов, непосредственно появлению американских танков предшествует вооруженное восстание узников, в котором основную роль играли советские узники.

Заключение

Комплекс концентрационных лагерей, объединенных вокруг центрального лагеря Маутхаузен, существовал с 1938 по 1945 года и был неотъемлемой частью пеницитарной системы Третьего Рейха. Рассматриваемый комплекс, хоть и имел черты, общие с другими лагерями, являлся уникальным, первоначально специализирующимся на уничтожении узников через непосильный труд в каменоломне.

Заинтересовавшись источником бесплатной рабочей силы, ведомство СС решило направить труд узников для решения переустройства городов Третьего Рейха. Неизбежное после начала войны увеличение количества узников было связано с желанием «обезвредить» занятые территории от особо опасных для нацистского государства элементов.

Однако изменения ситуации на фронтах заставили серьезно задуматься руководителей нацистского государства о рациональности использовании труда узников в добывающей отрасли. Гораздо более рациональным представлялось использовать труд узников в целях военного производства.

Переход с добывающей на военную промышленность проходил в течение 1943 года. Этот процесс шел не быстро и был связан как с политическими, так и организационными проблемами. После перекалфикации производственных возможностей комплекса концлагерей Маутхаузен очевидность экономического эффекта была ясной для всех уровней власти Третьего Рейха.

Географическое положение филиалов и размещение производственных цехов в штольнях обеспечивало максимальную защиту от авианалетов союзников, что с 1944 года становилось предельно важным условием производства.

Именно поэтому с 1944 года началось грандиозное расширение лагерной системы, создание новых филиалов и новых систем штолен, общая длина которых достигала к 1945 году десятков километров.

Естественно, что для такого масштабного развития было необходимо отправлять в лагерь все большее количество узников. Предпочтение отдавалось крепким молодым людям, физически более крепким и здоровым. Больные и слабые узники были не нужны, поэтому в ходе селекций они массово уничтожались.

Развитие авиационной промышленности, а также разработки в ракетной промышленности дали возможности выйти военному производству Третьего Рейха на принципиально новый уровень – уровень создания реактивных ракет и самолетов. Именно с этим «оружием возмездия» руководство страны связывало надежду на победу в войне. Производственные мощности самых крупных филиалов Маутхаузена были ориентированы на производство ракет Фау-2 и реактивных самолетов Me-262. Эти производственные мощности

строились и обслуживались тысячами узников из стран Европы. Только быстрое наступление союзников предотвратило создание тысяч единиц новой боевой техники, которая была способна противостоять наступающим силам и замедлить конец войны. Новые разработки немецкой техники успешно использовались в послевоенное время в странах-победительницах для создания новых типов вооружений.

Однако ценой такого технологического и производственного прорыва стало уничтожение жизнью десятков тысяч узников. Высокие экономические результаты предприятий Третьего Рейха были напрямую связаны с рабским трудом, нечеловеческими условиями существования, постоянной атмосферой страха и унижения, чувством постоянного голода – только такое ужасное сочетание позволило бесцеремонно распоряжаться жизнью людей, подавляя их волю и разум. Энергетическая ценность пищевого рациона, составлявшая менее 1500 Ккал в день, не была достаточна для занятий тяжелым физическим трудом.

Представители различных национальностей, объединенные общим горем и плачевным положением, стремились находить общий язык и помогать друг другу. Апатия и чувство голода приводило к мучительному концу, и только обретение смысла жизни давало надежду на выживание. Несмотря на давление и гнет со стороны администрации лагеря, узники, говорившие на разных языках, находили способы общаться, создавая некоторый синтезированный язык. Невыносимый распорядок дня, тяжелые физические нагрузки, постоянные наказания и отсутствие нормального питания – все это невозможно было преодолеть лишь в одиночку. Для многих узников смысл жизни в лагере был в оказании помощи своим товарищам по несчастью.

Отношение со стороны администрации лагеря к узникам из Советского Союза, второй по численности категории узников, было самое жестокое как вследствие расовой теории, господствующей в Третьем Рейхе, так и вследствие военных неудач на восточном фронте. Советские узники отправлялись на самые тяжелые работы: в каменоломню и на строительство туннелей. Средняя продолжительность жизни советских узников составляла несколько недель. Советским узникам было запрещено получать посылки из дома и получать помощь Красного Креста. Анализ поступавших в лагерь советских граждан показывает, что большинство из них были представителями мирного населения оккупированных фашистами областей, угнанными на работы в Германию. Несмотря на свою многочисленность, советские узники находились в самом низу социальной лестницы.

На самом верху социальной лестнице находились немецкие и австрийские уголовники. Именно они были частью лагерной администрации, и с их помощью эсесовское руководство лагеря осуществляло контроль и управление лагерем. Критерием, по которому офицеры СС отбирали кандидатов в

лагерную администрацию, являлось безропотное подчинение и склонность к садизму.

Структура лагерной администрации позволяла контролировать жизнь узников и в лагере, и во время работы. Лагерные функционеры обладали самой большой в лагере степенью свободы, что делало их фактически «хозяевами жизнью».

Противодействуя этой ужасной обстановке, в каждой национальной среде начали возникать очаги сопротивления. Силы их были малы и им удавалось только немного поддерживать своих соотечественников, не давая быстро погибнуть. Масштабы этих очагов определялись национальным менталитетом и наличием соответствующего опыта.

Реальное развитие подпольного лагерного движения, подвижки к которому всегда были в среде узников, смогло войти в активную фазу только тогда, когда на места лагерных функционеров вместо уголовников начали назначать, в связи с нехваткой уголовников, политических немецких и австрийских узников. Становясь функционерами, политические узники начали консолидировать национальные движения, налаживая связи и помогая национальным движениям сопротивления.

Разговора о каком-либо серьезном сопротивлении среди политических узников не было вследствие того, что для них вообще не был характерен переход к каким-либо активным действиям противостояния, побегам или восстанию. Их основной задачей было постепенное вытеснение с ключевых должностей уголовников-функционеров и замена их на активных деятелей сопротивления. Их действия были также направлены на поддержание разумного баланса между разными национальными движениями, не позволяя одним национальным комитетам превалировать над другими.

Однако национальным комитетам, особенно советскому, отражавшим в некоторой степени национальный менталитет, был свойственен активный подход, подразумевавший планирование акций неповиновения или восстания. Это в полной мере проявилось в уникальном по своим масштабам и дерзости побеге приговоренных к расстрелу и обессиленных советских офицеров 2 февраля 1945 года из 20 блока.

Это показывает нам совершенно другой характер сопротивления, когда находящиеся в наихудших лагерных условиях и фактически обреченные на смерть, обессиленные люди нашли в себе силы и смелость организовать побег. Из обстоятельств преследования беглецов можно сделать вывод об отношении к происходившему местного населения, активно участвовавших в «охоте» на сбежавших узников. Отдельно необходимо выделить подвиг трех австрийских семей, приютивших советских узников.

События, происходившие в последние дни перед освобождением концлагеря, демонстрируют высшую степень консолидации сил сопротивления. Силами интернационального комитета было налажено

обеспечение необходимым узников лагеря в отсутствие охраны, сделана попытка предотвращения массовых расправ и мародерства. Из анализа происходивших событий в отдельных филиалах можно сделать вывод об обратной зависимости размеров жертв, имевших место после освобождения, от степени консолидации узников.

Анализ последних дней и дней после освобождения центрального лагеря и его филиалов позволяет говорить о высокой степени организации международного подпольного комитета в решении появившихся проблем.

Также мы наблюдаем существенное различие в описании освобождения лагеря. В зарубежных источниках и части отечественных процесс освобождения представлен как последовательный процесс передачи власти от эсесовцев венской полиции и последующее бескровное освобождение американцами. И только в отечественных источниках, преимущественно относящихся к концу 50-х и началу 60-х годов, непосредственно появлению американских танков предшествует вооруженное восстание узников, в котором основную роль играли советские узники.

От мест заключения в настоящее время остались исторические памятники различной степени сохранности. Все они являются «местами памяти», необходимыми для осознания происходившего в те страшные годы.

На территории центрального лагеря Маутхаузена в настоящее время находится мемориальный комплекс и музей. Вся территория мемориального комплекса заполнена памятниками и монументами, поставленными различными странами, народами, этническими и социальными группами.

Ежегодно тысячи школьников из всех европейских стран приезжают на территорию бывшего концлагеря для того, чтобы своими глазами увидеть последствия квинтэссенции идей национал-социализма. Автор надеется, что данное исследование будет способствовать появлению интереса к проблемам истории концлагерей в научном сообществе.

Приложения

Приложение 1.

Массовые операции Третьего Рейха по депортации в концлагеря.

1. Операция «**Решетка**» (нем. «Aktion Gitter»): с 15 марта 1939 г. в Чехии.
2. Операция «**А-Б**» или «**Чрезвычайная операция по умиротворению**» (нем. «А-В- Aktion» - сокращение от нем. «Außerordentliche Befriedungsaktion»): с мая 1940 г. в Польше.
3. Операция «**Народные вредители**» (нем. «Volksschädlinge»): август 1941 г. в Германии, Чехии, Польше.
4. Операция «**Голландские евреи и коммунисты**» (нем. «Holländische Juden und Kommunisten»): июнь 1941 г. и в течение 1942 г. в Голландии.
5. Операция «**Русский комиссар**» (нем. «russische Kommissare»): 1941 и 1942 гг. по отношению к советским военнопленным.
6. Операция «**Ночь и туман**» (нем. «Nacht und Nebel»): с 7 декабря 1941 г. во Франции, Бельгии, Голландии.
7. Операция «**Восточный рабочий (остарбайтер)**» (нем. «Ostarbeiter»), а также «**Гражданский рабочий**» (нем. «Zivilarbeiter»): с 1942 по 1943 гг. на оккупированной территории Польши и СССР.
8. Операция «**Польша**» (нем. «Polen»): 18 декабря 1942 г. и 4 мая 1943 г. по отношению к полякам, находившимся на территории Третьего Рейха.
9. Операция «**Сохранение безопасности**» (нем. «Sicherheits-Verwahrungs»): с конца 1942 г. по 1945 г. в концлагеря были отправлены осужденные немецкие уголовники и политические заключенные, а также без суда поляки, советские граждане и представители других национальностей с целью обеспечения сохранения безопасности Третьего Рейха.
10. Операция «**Морская пена**» (нем. «Meerschaum»): с середины 1943 г. по 1944 г. во Франции.
11. Операция «**Советские гражданские лица**» (нем. «Sowjetische Zivilpersonen»): эвакуация граждан СССР в конце 1943 г.
12. Операция «**Венгерские евреи**» (нем. «Ungarische Juden»): апрель 1944 г. в Венгрии.
13. Операция «**К**» (нем. «Aktion K» - сокращение от нем. «Kugel» - «пуля»): с апреля 1944 все бежавшие советские офицеры либо расстреливались, либо депортировались в 20-й блок Маутхаузена.
14. Операция «**Весенний ветер**» (нем. «Frühlingswind»): лето 1944 г. во Франции и Бельгии.

15. Операция «**Датская полиция**» (нем. «Dänische Polizei»): сентябрь 1944 г. в Дании.
16. Операция «**Польские гражданские лица**» (нем. «Polnische Zivilpersonen»): эвакуация поляков в сентябре 1944 г.

Приложение 2.

Список филиалов концлагерной системы Маутхаузен.

1. Амштеттен (Amstetten) – мужской.
2. Амштеттен (Amstetten) – женский.
3. Бретштайн (Bretstein).
4. Диппольдзау (Dippoldsau).
5. Эбензее (Ebensee). Также назывался «Золвэй» («Solvay»), «Цемент» («Zement»), «Известь» («Kalk»), «Завод по переработке известняка» («Kalkwerke»).
6. Айзенерц (Eisenerz).
7. Грэйн (Grain).
8. Гроссраминг (Grossraming).
9. Ганскирхен-Вельс (Gunskirchen-Wels).
10. Гузен-1 (Gusen I).
11. Гузен-2 (Gusen II). Также назывался «Горный хрусталь» («Bergkristall» «Bergkristallfertigung»).
12. Гузен-3 (Gusen III).
13. Хиртенберг (Hirtenberg).
14. Клагенфурт (Klagenfurt).
15. Лайбниц-Грац (Leibniz-Graz). Также назывался «Завод по переработке известняка» («Kalksteinwerke»).
16. Ленциг (Lenzing) – женский.
17. Замок Линд (Schloss Lind).
18. Линц-1 (Linz I).
19. Линц-2 (Linz II).
20. Линц-3 (Linz III).
21. Лойблпас-Норд (Loiblpass-Nord).
22. Лойблпас-Зюд (Loiblpass-Sud).
23. Мельк (Melk). Также назывался «Кварц» («Quarz»).
24. Замок Миттельзилль (Schloss Mittersill).
25. Пассау-1 (Passau I).
26. Пассау-2 (Passau II).
27. Пеггау (Peggau). Также назывался «Мрамор» («Marmor»).
28. Зойрерверке Вена-Вест (Saurer-Werke Wien-West).
29. Шлиер-Редл-Зипф (Schlier-Redl-Zipf).
30. Вена-Шонбрунн (Schonbrunn-Wien).
31. Штайер-Мюниххольц (Stayr-Munichholz).
32. Санкт-Аегид-на-Нойвальде (St. Aegid am Neuwalde).
33. Санкт-Ламбрехт (St. Lambrecht) – мужской.
34. Санкт-Ламбрехт (St. Lambrecht) – женский.
35. Санкт-Валентин (St. Valentin).

36. Тернберг (Ternberg).
37. Фоклабрук (Vocklabruck-Wagrain).
38. Вельс-1 (Wels I).
39. Винер Нойердорф (Wiener Neudorf).
40. Винер Нойерштадт (Wiener Neustadt).
41. Швехат-Вена, Хайдфельд (Schwechat-Wien, Heidfeld).
42. Швехат-Вена (Schwechat-Wien). Также назывался Санта-1 («Santa I») и Санта-2 («Santa II»).
43. Флорисдорф-Вена (Florisdorf-Wien).
44. Вена-Йедлзее (Jedleseewien).
45. Хинтербрюль (Hinterbrull). Также назывался «Юлий» («Julius»).
46. Бахманнинг (Bachmanning).
47. Эннс (Enns).
48. Порт города Маутхаузен (Schiff, Donauhafen Mauthausen).
49. Палаточный лагерь Маутхаузен (Zeltlager Mauthausen).

Приложение 3.

Таблица 1. Официальный основной недельный рацион (вес в граммах).

Вид продукта	1.8.40- 14.4.42	15.5.42- 27.4.44	28.4.44- 28.2.45	с 1.3.45
Мясные изделия (мясо низкого сорта или конина)	400	280	200	250
Жир:	200	170	182,5	83,33
- маргарин	150	130	-	-
- сало	50	40	-	-
Творог/ обезжир. сыр	100	100	100	41,66
Хлеб	2740	2450	2600	1750
Сахар	80	80	80	-
Мармелад	100	100	100	260
Мука/ мучная смесь	255	125	125	-
Обезжиренное молоко (л)	-	-	1,75	1,75
Кофейный напиток	84	63	62,5	33,33
Картофель	3500	5000	2800	3500
Свежие овощи (свекла)	2800	2600	4000	375

Приложение 4.

Таблица 2. Дополнительный еженедельный рацион (вес в граммах).

Вид продукта	1.8.40- 14.4.42	15.5.42- 27.4.44	28.4.44- 28.2.45	с 1.3.45
Мясные продукты	400	200	280	350
Жир	100	100	100	56,66
Хлеб	1400	1400	1400	1100

Приложение 5.

Таблица 3. Ежедневный рацион (Ккал)

Завтрак	Около 100 Ккал
Обед	Около 360 Ккал
Ужин (хлеб – около 790 ккал, салями – около 40 ккал, маргарин – около 160 ккал)	Около 990 Ккал
Ежедневно	Около 1450 Ккал

Приложение 6.

Таблица 4. Советские граждане в Маутхаузене

КАТЕГОРИЯ	1943	1944	1945	всего
военнопленные	476	4045	310	4831
«хиви»	125	726	6	857
политические	2148	4	-	2152
«schutz»	921	107	22	1050
«восточные рабочие»	1350	14317	2847	18514
военнопленные 20 блока	-	500	4200	4700
остальные	14	40	41	95
Всего	5020	19739	7420	32179

Приложение 7.

Таблица 5. Распределение советских узников по возрасту (в процентах)

ГОД	<18	18-21	22-25	26-29	30-33	34-37	38-41	42-45	46-49	>50
1943	7	23	16	12	12	10	8	5	3	4
1944	5	31	13	15	13	9	6	4	2	2
1945	3	30	25	15	11	6	5	3	1	1

Приложение 8.

Таблица 6. Профессиональная ориентация советских узников, зарегистрированных в Маутхаузене

1943		1944		1945	
профессия	%	профессия	%	профессия	%
колхозник	28	колхозник	23	рабочий	33
рабочий	15	рабочий	21	колхозник	13
сапожник	4	учащийся	8	учащийся	7
тракторист	3	сапожник	4	сапожник	4
учащийся	3	водитель	3	водитель	3
водитель	2	тракторист	3	тракторист	3
повар	2	столяр	3	столяр	2
столяр	2	повар	2	пекарь	2
бухгалтер	2	пекарь	2	повар	2
электрик	2	учитель	1	электрик	1
остальные	37	остальные	30	остальные	30

Приложение 9. Биографии узников, погибших в концлагере Маутхаузен, написанные родственниками и близкими людьми для «Книги Памяти» (авторская пунктуация и орфография сохранены)

Яропольский Александр Кузьмич (лагерный номер – 106506)

Мой дед Яропольский Александр Кузьмич родился 9 июня (22 июня по новому стилю) 1899 года. Семья проживала в Москве в районе Красной Пресни в собственном доме. Отец моего деда служил управляющим ткацкой фабрики, мать моего деда – Мария Сергеевна (до замужества Дроздова) воспитывала пятерых детей.

Александр был старшим сыном в семье Яропольских, в 1911 году он с отличием окончил Московское епархиальное училище им. Ф.А. Копейкина-Серебрякова, далее продолжил среднее образование в коммерческом училище.

В 1922 году мой дед закончил курсы командиров полков при Высшей стрелково-тактической школе, воевал в Гражданскую войну, принимал участие в «польской» военной компании Красной Армии.

Будучи кадровым военным, учился, а потом преподавал в Военной Академии им. М.В.Фрунзе. В 1932 году окончил Московский институт советского права по хозяйственно-правовому отделению.

Обстоятельства сложились так, что в тридцатые годы прошлого века дед закончил военную карьеру и работал до начала войны в одном из наркоматов промышленности юристом.

22 июня 1941 года мой дед Яропольский Александр Кузьмич добровольно пошел в военкомат и был призван на военную службу.

Моя бабушка – Яропольская Ирина Александровна, всю войну не имела сведений о своем муже. Она так и не вышла замуж второй раз и воспитывала дочь, мою маму, Ларису, 1924 года рождения.

После окончания войны бабушке выдали справку о том, что ее муж пропал без вести. Через несколько лет после войны к нам приехал мужчина, который рассказал, что обязан моему деду своей жизнью. Он вместе с дедом был в концлагере на территории Германии. Заключенные организовали побег. В последний момент о побеге стало известно, и мой дед как-то сумел дать возможность всем бежать, а сам был вынужден остаться в лагере.

Много лет мы не имели никаких сведений о судьбе нашего деда, хотя периодически отправляли запросы в Министерство обороны.

Только в 1998 году я получила ответ из Центрального архива Министерства обороны о том, что майор Яропольский А.К. попал в плен 21.09.1941 под Пирятиным, 01.01.1943 г. переведен из лагеря ХША в шталаг ХШ-Д (Нюрнберг), 08.09.1944 г. передан гестапо.

В 2011 году пришел ответ из Центра розыска и информации Красного Креста о том, что Яропольский Александр (номер военнопленного 633) был доставлен 2/3 октября 1944 года из государственной полиции г. Нюрнберг в концентрационный лагерь Маутхаузен (номер узника 106506), где умер 01 марта 1945 года.

Я, Хускивадзе Ольга, внучка Яропольского Александра, адвокат, живу и работаю в Москве. Благодаря помощи Международного Красного Креста и Общества бывших узников Маутхаузена, я нашла место гибели моего деда. Теперь на мемориальной стене в Гузене есть памятная доска с именем моего деда.

Хускивадзе Ольга, внучка

Вашкевич Константин Николаевич (лагерный номер – 110033)

Вашкевич Константин Николаевич родился 14 февраля 1906 года в селе Ольгово Московского области Дмитровского уезда. Отец - Николай Алексеевич был волостным писарем. Мать - Вера Константиновна была белошвейкой. В семье было 7 детей (5 сыновей и 2 дочери). Все дети получили хорошее образование. Константин в 1931 году женился на Альяновой Марии Яковлевне, которая работала хронометржисткой на суконной фабрике им. 1 Мая, где Константин был счетоводом - статистиком. У них было двое детей -сын Владимир (1931г рождения) и дочь Тамара (1936 г. рождения). Владимир в 2 года заболел менингитом и потерял слух. Константин сделал всё для развития и воспитания своего сына - инвалида. Он переехал с семьей в Москву и устроил сына в лучшую московскую школу для детей с недостатком слуха и речи. В последствии после окончания этой школы Владимир работал в типографии и получил звание "Заслуженный работник культуры". Константин был хорошим семьянином, заботливым отцом и мужем. Его все уважали, он готов был прийти на помощь каждому, кто в ней нуждался.

До Великой Отечественной войны Константин работал главным бухгалтером Мосдачтреста Моссовета. Он был близорукий. В начале войны, 5 июля 1941г был мобилизован в народное ополчение. Из первых и единственных его 3-х писем с дороги было ясно, что он направляется на Ленинградский фронт. Больше писем от него не было. Все дальнейшие сведения о его судьбе были получены от других людей.

Сначала получили письмо от его товарища с фронта, который видел, что Константина убили на его глазах.

Потом пришло официальное извещение его жене, что ваш муж рядовой Вашкевич Константин Николаевич находясь на фронте, пропал без вести в ноябре 1941 г.

Однажды к нам пришел его товарищ и сообщил, что они с Константином были в концлагере, из которого Константин бежал, и он хочет узнать не вернулся ли он.

После войны нам в почтовый ящик подбросили письмо от другого его товарища, который сообщил, что он был с Константином в одном концлагере Гузен-2, и что Константина 23 (или 29) апреля 1945 г. увели из барака и больше он в барак не возвращался. Он писал, что так вводили всех кого уничтожали.

Сведения, указанные в этом письме, в дальнейшем подтвердились. В конце апреля 2012 года мы получили ответ из Международной службы розыска с сообщением, что Константин Вашкевич действительно был в лагере Маутхаузен и Гузен -2 (номер узника 110033) ещё в апреле 1945 г. и что к сожалению дальнейших сведений о нем нет. Сообщили также, что он с 22 мая 1942г по неназванный период работал в качестве фрезеровщика на фирме ФОМАГ в г.Плауэн и 16 ноября 1944 г. был доставлен в концлагерь Маутхаузен государственной полицией г.Плауэн. 29 ноября 1944 года переведен в концлагерь Маутхаузен (команда Гузен - II), где и находился в заключении ещё в начале апреля 1945 г.

Константин Вашкевич был хорошим гражданином, другом, мужем, отцом и сыном. Его жена Мария до конца своей жизни ждала, верила и надеялась, что он жив. Вечная память узникам фашистских застенков.

Светлана Вашкевич, внучка

Игумнов Василий Андреевич (лагерный номер – 42718)

Игумнов Василий Андреевич родился в селе Чекашovy Полянки Инсарского уезда Пензенской губернии в крестьянской семье потомственного кузнеца-медника, мастера по котлам Игумнова Андрея Петровича из села Порецкое Алатырского уезда Симбирской губернии.

После революции 1917 года в результате погромов и национализации винокуренных на которых работал отец Василия, семья вернулась в село Порецкое. Там с середины 18 века был родовый дом семьи Игумновых – потомков попа вотчины Суздальского Покровского Девичьего монастыря.

В с. Порецкое с давних пор, особенно с 1905 г. были очень распространены революционные настроения. После установления советской власти молодёжь села активно вступала в ряды комсомола, а в 1924 г. был создан первый пионерский отряд, в который вслед за своими старшими сёстрами вступил и Вася Игумнов.

По воспоминаниям друга их детства «... дети Игумновы были на редкость активными, обладали чувством высокого коллективизма, товарищества и душевного обаяния. И за это мы все любили их, питали к ним особое уважение. Там, где находился Василька, было всегда ... весело и забавно.

Он был душой отряда и любимцем не только среди детей, но и среди взрослых. Комик и затейник, он мог развеселить каждого, а барабан любил больше всего. И за всё это нашему другу Васильке было предоставлено почётное право быть отрядным барабанщиком».

Василий окончил 7 классов порецкой средней школы-коммуны и в 1928 году уехал в Донбасс на Макиевский металлургический завод, где в то время уже работали его родственники, начал работать и одновременно учиться в фабрично-заводском училище.

В 1930 г. Василий переехал из г. Макиевка в Москву и поступил на работу на Московский станкостроительный завод «Красный Пролетарий» сначала чернорабочим, а после учёбы фрезеровщиком. В 1931 г. Василия, как активного комсомольца, командировали на Учебный пункт массовой добровольной организации «ОСОВИАХИМ».

В Москве Василий женился на студентке архитектурного института Вере Васильевне Абрамовой (25.09.1916), уроженке Владимирской губернии.

С завода Василий был направлен в Киевскую военную школу, которую окончил в 1936 г. и в чине младшего лейтенанта танковых войск прослужил в Киевском округе до 1938 года. Затем его направили на службу в танковую часть, которая находилась в Белоруссии. В июле 1938 г. в семье родилась дочь Изольда.

С 1939 г. по 1940 г. Игумнов В.А. в чине ст. лейтенанта служил сначала помощником, а затем командиром транспортного батальона 31 мотострелкового полка 31 танкового дивизиона в Западном ОВО, в/ч ОРБ 75 в г. Брест-Литовске. С октября 1939 г. по июнь 1941 г. в составе ТД 1729 он находился на территории Западной Белоруссии под польским г. Бельск-Подлясны, где Василия и застала война. Связь родных с ним была потеряна, в 1943 г. он был объявлен «пропавшим без вести».

Из имеющихся в Международной службе розыска в г. Бад Арользен, Германия документов известно, что Игумнов В.А. попал в плен 29 июня 1941 г. в г. Ружаны при окружении немцами группировки советских войск в районе Беловежской пушчи. До конца 1943 г. он находился в лагерях на территории Баварии в Германии. 1 марта его перевели из шталага Х111А в шталаг Х111Д в Ланшвассер-г. Нюрнберг. 11 апреля Василия поместили в больницу, откуда он 1 мая бежал. Но через 2 месяца 10 июля был возвращён в лагерь. 9 сентября он вновь совершил побег, который также был неудачным - через 4 месяца попал в руки гестапо.

20 января 1944 г. Василий (№42718) в числе ещё 17 польских и чешских пленных был помещён в концлагерь Маутхаузен-Гузен, Австрия, где он умер 20 мая и 22 мая 1944 кремлёван в крематории Гузен.

Борисова Лидия Михайловна, племянница

Клишанец Мина Харламович (лагерный номер неизвестен)

Мой прадед по маминной линии Клишанец Мина Харламович, 14.03.1907 г.р., уроженец дер. Колодница Холопеничского района Минской области Белорусской ССР, где проживал он и его семья.

Был женат, имел двух малолетних сыновей (младший из которых мой дед) и дочь. Принимал участие в советско-финской войне и повторно был призван в армию солдатом в самом начале ВОВ, воевал в 355 стрелковом полку, но уже через месяц попал в фашистский плен (по одним данным под Могилевом, по другим под Гомелем).

Оттуда немцами был "выгнан" на территорию Германии, в октябре 1941 прибыл в концлагерь Флоссенбург, где скорее всего трудился на каменаломнях, в сентябре 1942 доставлен в концлагерь в Маутхаузен, где скончался 24.10.1942 (согласно карте пленного от сердечного приступа).

В мирной жизни трудился крестьянином и увлекался портным делом, поэтому прозвище в белорусской деревне носил "курточка", считался мастером своего дела - особенно хорошо шил куртки. Также хорошо играл на гармонии, как и его старший брат. Жена Марфа до конца своих дней не верила в его гибель, а дети, выросшие без отца, мечтали узнать о его судьбе. О месте его гибели нам удалось разузнать только в конце 2014 года, старший сын и супруга, к сожалению, не дожили до этого момента.

Столярова Ольга, правнучка

Татарников Александр Васильевич (узник 20 блока - «блока смерти»)

Александр Татарников родился в д. Красный завод Боготольского района Красноярского края, затем семья переехала в Емельяновский зверосовхоз.

После службы в армии Александр работал в линейном отделении на станции Красноярск, где считался одним из лучших сотрудников. В архиве Сибирского УВД на транспорте до сегодняшних дней хранится его учетная карточка.

Накануне Великой Отечественной войны Александр был направлен в Белосток, откуда и ушел на фронт.

Сражался Александр Татарников на Минском, Смоленском, Калининском направлениях, был ранен, лежал в госпитале в Рязани, затем вновь фронт. Его письма с передовой были проникнуты верой в победу советского народа в этой страшной войне. Последнее пришло из Сальска, а осенью семья Александра получила извещение: «А. В. Татарников, находясь на фронте, в августе 1942 года пропал без вести».

И только через много лет родные узнали правду о героическом подвиге своего отца и мужа.

На южном участке советско-германского фронта шли ожесточенные бои, враг рвался вперед.

В одном из сражений, расстреляв все патроны, Александр попал в плен, и с большой группой заключенных был угнан на запад. Как только зажила рана, совершил побег. Оказавшись на территории Чехословакии, сражался в партизанском отряде, состоявшем из чехов и русских военнопленных. Командовал отрядом офицер Советской Армии Владимир Игнатьевич Соседко. Однажды, возвращаясь с задания, Александр попал в засаду и вновь оказался в фашистском плену. Там он встретился со своим командиром, которого предали провокаторы. Соседко и Татарникова вскоре перевели в Братиславскую тюрьму. Здесь они с группой заключенных вновь готовились к побегу, но в группе оказался предатель. А. Татарников и В. Соседко были приговорены к смертной казни и отправлены в блок смерти Маутхаузена.

В ночь со 2 на 3 февраля 1945 года лагерь был разбужен стрельбой, которая доносилась из того угла Маутхаузена, где находился блок смерти. Узники соседних барачков слышали возгласы: «Вперед, за Родину! Ура!».

Мокрые одежду и одеяла узники набросали на проволоку над забором, по которой шел ток. Произошло замыкание и через обесточенную ограду они перепрыгивали. Узникам удалось захватить две вышки.

Александр Татарников возглавлял штурмовую группу по захвату южной вышки. Отвлекая огонь на себя, он прикрывал отход своих товарищей. Убедившись, что пленные уже покинули территорию лагеря, Александр спрыгнул с вышки и стал отходить сам.

— Я его увидел, когда он догонял нас, — вспоминал В.Соседко. — Я стал бежать тише. Александр почти поравнялся со мной, но вдруг упал. Я подскочил к нему, но он был уже мертв.

Так, спасая своих товарищей, погиб наш отважный земляк Александр Васильевич Татарников.

Пустошилова Людмила Александровна,
руководитель музея «Боевой и трудовой пограничной славы»
школы № 108 города Красноярска.

Карев Пётр Иванович (лагерный номер – 55039)

Дата рождения - 29.06.1887

Проживал с семьей на острове Талабске, что на Псковском озере.
Профессия – рыбак (вязание сетей для ловли рыбы).

В 1941 году был угнан в лагерь Моглино Псковской области. Далее связь была потеряна.

И по запросу была получена информация:

06.03.1944 года был заключен в концлагерь Маутхаузен. Номер заключенного 55039.

09.03.1944 года был переведен в подлагерь Гузен.

Умер 03.08.1944 года в Хартхайме.

Татьяна Рахманова, правнучка

Лукьянчиков Петр Евдокимович (лагерный номер – 50718)

Петр Евдокимович Лукьянчиков родился 30 июня 1911 года в Российской империи – в деревне Гремячка Обоянского уезда Курской губернии. Происходил из семьи государственных крестьян – потомков новгородских детей боярских XV века, которые с середины XVII столетия жили в Обоянском уезде. По национальности – русский.

В 1930 году он проходил службу в армии, затем работал шахтером в городе Новошахтинск Ростовской области.

Жена – Лукьянчикова Мария Никифоровна; дети – Василий, Анатолий и Виктор (последний жив).

В 1941 году Лукьянчиков был призван в Действующую армию, в 965 артиллерийский полк 411 стрелковой дивизии. 25 октября старший разведчик Лукьянчиков, вместе с двумя однополчанами, пошел в разведку в районе деревни Грушево под Харьковом (ныне - Украина). Вместе с ним был сержант Семен Игнатьевич Семенов и рядовой-разведчик Ефим Сергеевич Гарбузов. В разведке они столкнулись с немцами, и в часть уже не вернулись. Их троих посчитали «пропавшими без вести».

Что произошло с Семеном Семеновым неизвестно. Ефим Гарбузов попал в плен и был освобожден советскими войсками 7 мая 1945 года. А Петр Лукьянчиков сумел уйти от немцев и пешком направился на малую родину, в Курскую область.

По пути, в селе Ракитное (ныне - Белгородской области) его задержал немецкий патруль. Но в селе нашелся человек, который был выходцем из Обоянского района. Он подтвердил, что Петр – сын известного обоянского обывателя, и его отпустили. Так он пришел в деревню Гремячка.

В июне 1942 года Петр, вместе с другими односельчанами, как гражданское лицо, был угнан на работы в Австрию, в город Вена. Среди них был Василий Разиньков – родственник Петра (сестра Василия – Александра, – была замужем за братом Петра, – Максимом).

«Восточные рабочие» жили в спартанских условиях, под охраной, но по договоренности с ней посещали город. Работали на фабриках и заводах, были заняты в сельском хозяйстве.

Лукьянчиков и Разиньков стали участниками антифашистского подполья – так называемого «Антигитлеровского движения рабочих с Востока». Мало того, Петр Лукьянчиков был членом Центрального комитета этого движения.

Гестапо долго не могло справиться с ними, подпольщики ухитрились осуществлять свои действия в условиях, по сложности сравнимых с подпольной борьбой в самой Германии. Они вербовали новых членов движения, издавали газету «Истина», информировали противников нацистской власти о ходе боевых действий, готовились к тому, чтобы с оружием в руках встретить войска союзников, которые все больше приближались к Вене.

10 июля 1943 года Петр Лукьянчиков был арестован – у него под матрацем было обнаружено оружие. Начались допросы и пытки.

Через полгода последовал отчет гестапо города Вены № 4 за 10-13 марта 1944 года: «Заведенное в середине ноября 1943 года дело против «Антигитлеровского движения» завершено. Были арестованы все должностные лица ЦК и вообще все члены движения в общем количестве 58 человек (из них 53 человека с «Востока»). Организация стремилась объединить в Вене и в области Нижнего Дуная «восточных рабочих», обучить их приемам саботажа и террора. Они пользовались украденным оружием против полиции и гражданского населения, – в целях организации восстания в поддержку Красной Армии».

Петр Лукьянчиков был направлен в концлагерь Маутхаузен, ему был присвоен лагерный номер 50718. 16 августа 1944 года в 14 часов 34 минуты он был расстрелян.

Максим Александрович Емельянов-Лукьянчиков,
правнук, исследователь, к.ист.н

Разиньков Василий Сергеевич (лагерный номер – 54488)

Василий Сергеевич Разиньков родился 23 февраля 1915 года в Российской империи – в селе Каменка Обоянского уезда Курской губернии. Происходил из семьи государственных крестьян, по национальности

русский. Потомок детей боярских Великого княжества литовского, выехавших служить царю Ивану Грозному в 1563 году, и с середины XVII столетия осевших в Обоянском уезде.

До призыва в армию Разиньков был учителем немецкого языка. Знал также украинский и польский языки.

Начал службу в Красной армии в 1935 году. Военное образование получил в учреждении, носящем ныне название Санкт-Петербургское высшее зенитное ракетное командное училище. В 1941 году ему было присвоено звание «старший лейтенант», должность – командир батальона.

Жена – Конарева Екатерина Ивановна; сын – Вячеслав (ныне здравствует).

Служил в 5 прожекторном полку 3 дивизии ПВО, оборонявшей Киев. В начале Великой Отечественной войны оказался на территории «Киевского котла». 27 сентября пулей в голову был убит командир полка подполковник Захар Филиппович Трофимов, а начальник артиллерии старший лейтенант Петр Дмитриевич Никитин попал в плен. Он был освобожден 27 мая 1944 года и погиб в боях 20 августа этого же года.

Видя сжимающееся кольцо окружения, Разиньков вместе с другими офицерами закопал документы полка и сумел выйти из окружения. В одной из украинских деревень их задержал немецкий патруль. Василию поручили помогать на кухне. Уничтожив повара и нескольких солдат, он вырвался из плена. Пешком пришел на малую родину – в Обоянский район. Здесь он предпринял неудачные попытки перехода линии фронта и установления контакта с партизанами.

В июне 1942 года Василий, как гражданское лицо, был угнан на работы в Австрию, в город Вена. Вместе с ним был Петр Лукьянчиков – родственник Василия (его сестра Александра была замужем за братом Петра Максимом). «Восточные рабочие» жили в спартанских условиях, под охраной. Работали на фабриках и заводах, были заняты в сельском хозяйстве.

Разиньков и Лукьянчиков стали участниками антифашистского подполья – «Антигитлеровского движения рабочих с Востока». Гестапо долго не могло справиться с ними. Подпольщики вербовали новых членов движения, издавали газету «Истина», информировали противников нацистской власти о ходе боевых действий, готовились к тому, чтобы с оружием в руках встретить войска союзников.

12 февраля 1944 года Василий был арестован. Начались допросы и пытки. Через полгода последовал отчет гестапо города Вены № 4 за 10-13 марта 1944 года: «Заведенное в середине ноября 1943 года дело против «Антигитлеровского движения» завершено. Были арестованы все должностные лица ЦК и вообще все члены движения в общем количестве

58 человек (из них 53 человека с «Востока»). Организация стремилась объединить в Вене и в области Нижнего Дуная «восточных рабочих», обучить их приемам саботажа и террора. Они пользовались украденным оружием против полиции и гражданского населения, - в целях организации восстания в поддержку Красной Армии».

3 марта Василий Разиньков был направлен в концлагерь Маутхаузен, ему был присвоен лагерный номер 54488. 16 августа 1944 года был расстрелян.

В действительности, знание немецкого языка, опыт выхода из окружения, побега из плена и подпольной работы помог Василию Разинькову выжить. О том, как это происходило пишет другой узник Маутхаузена Юрий Цуркан: «Антифашисты меняли в лазарете при помощи работавшей там группы Сопротивления номера умерших на номера живых. Ловко тасуя картотеки, писари воскрешали мертвых, передавая их имена и номера живым, приговоренным к смерти».

Сейчас ведется исследование послевоенной биографии Разинькова, в которой еще многое не ясно.

Он вернулся в СССР, здесь его видели уже в 1946 году.

Еще в войну между Василием Сергеевичем и его супругой Екатериной Ивановой произошел разрыв, и в 1955 году, через Обоянский районный военкомат, он предложил ей выплату алиментов, от которых она отказалась.

В 1962 году Василий Разиньков, вместе с сослуживцем (оба - в звании полковника), приезжал в Шевелевскую сельскую школу, где преподавал племянник Василия - Виктор Яковлевич Разиньков. Они не представились и легендировали свой приезд так: «из районного военкомата, по поводу патриотического воспитания». Суть разговора свелась к семье Разиньковых, и вопросы задавались со знанием биографии членов семьи. Виктор узнал своего дядю, - он будто разговаривал с его «живой фотографией». Когда на следующий день он позвонил в райвоенкомат, то узнал, что оттуда в его школу никого не направляли и что военкомат возглавляет офицер в звании майора.

Свидетельских показаний о выживании Разинькова много, но установить прохождение им службы после войны документально пока не удалось. Можно предположить, что он либо использовал чужую фамилию, либо служил в органах, деятельность которых охраняется государственной тайной.

Максим Александрович Емельянов-Лукьянчиков,
исследователь, к.ист.н

Шушкевич Лука Яковлевич. Лагерный номер - 81029

Родился 13 октября 1896 года.

Каждый раз, когда я вспоминаю своего деда - Шушкевича Луку Яковлевича, я вижу весеннее утро 1944 года. Был апрель, светило солнце, бабушка вывесила в доме отбеленные рушнички, чтобы празднично встретить Пасху. И вдруг зарокотали моторы, улица заполнилась выхлопами машин и громкими человеческими криками. В деревню Веретки прибыли каратели. Солдаты бесцеремонно ходили по хатам и хватали подростков, мужчин и женщин, знали их под дулами автоматов на дамбу - возвышенность на левой стороне Березинского канала. Там их взгляды упирались в черный зрачок выставленного пулемета, а вокруг деревни стояли надзиратели - не убежать, не скрыться. Испуганные люди жались друг к другу, предчувствуя скорую разлуку с родными стенами...

Там были его дети - Вера и Женя, и десятки односельчан, с которыми он прожил 48 лет. Дед не мог оставить их одних, он взял в руки кошелку, забросил ремень на плечо и под видом добропорядочного крестьянина пошел в гумно - оттуда было хорошо видно, что делают каратели с людьми. Его согбенная фигура, казалось, несла весь мир на плечах. «За что? - вырывалось из сердца. - Зачем вы отнимаете детей?» Он хотел крикнуть через канал: «Возьмите меня! Но отпустите их домой!»

Но стоявший на дамбе гитлеровец поманил его пальцем: «Комм хир!» И деда бросили в толпу.

... Бабушка ждала его всю жизнь. Дети вернулись домой. Они работали на оккупантов в райцентре Лепель, пока не пришла Красная армия, и не освободила. А деда угнали - в фашистское рабство, в Освенцим. Лука не знал, какая судьба ему уготована. За него решал Гитлер. Лука Шушкевич был простым деревенским жителем Витебской области - работал на земле - там, где веками жили его предки: в чистом урочище Березца. Он пахал землю и никому не делал зла, у него были золотые руки - я до сих пор с чувством восхищения смотрю на выточенные им из дерева домашние вещи: резной буфет для кухни, отшлифованную канапу для гостиной, просторный шкаф с фигурными шуфлядками для спальни. Его руки были бесценны. Гитлер это понимал. Он гнал деда вглубь рейха, чтобы выжать из него все силы. Так попал дед в самый страшный филиал концлагеря Маутхаузен - Гузен. Лука Шушкевич не знал, что дорога, по которой его гнали фашисты, была смертельной для всех. В апреле 44-го года гитлеровцы зачищали пространство между Западной Двиной и Березиной, чтобы устроить там полигон. В готовности находились авиаполевые дивизии вермахта под Витебском, а в горах Альп создавалось для них самое современное оружие - реактивные самолеты и ракеты «фау». Там разворачивались подземные заводы наисекретнейшего проекта «Б8 - горный хрусталь», и деда

заставили укреплять штольни. Дед носил лагерный номер 81029. Гитлер воплощал в жизнь свою безумную идею: поднять на щит мракобесия весь мир.

Лука Шушкевич не дождался Победы. В феврале 1945 года дед умер на лагерных нарах от истощения. Он очень переживал за семью, за детей, много курил и выменивал хлеб на сигареты. Он умер на рассвете...

Бабушка так и не дождалась мужа. Она всю жизнь молилась: она не могла поверить, что Луки больше нет. Она не знала, куда его угнали, а уж про подземный завод и подавно. Но она молилась за надежду, за то, чтобы не повторилась война. Она молилась за всех нас. Сколько же ей пришлось пережить! В конце войны варила суп из крапивы, чтобы выжить. Но она, отдавая светлую дань памяти мужу, подняла детей, вырастила их и вывела в люди.

Я узнал о судьбе деда спустя много лет – когда пали границы. Я очень благодарен международному архивному фонду и лично фрау Барбаре Фридрих, которая после моих обращений в поисковую службу Бад-Арользен разыскала следы Луки Шушкевича и прислала всю информацию о нем. К сожалению, бабушка не дождалась до того момента. Но я был на месте гибели деда. Я привез из Гузена пригоршню земли, впитавшей тяжесть мук и страданий деда. Я положил ту землю рядом с могилой бабушки, под куст сирени, – он был как вышивка на пасхальных ручниках, которые дед видел в последний раз в родном доме...

Василий Азаронек, внук

Сабуров Николай Иванович (лагерный номер неизвестен)

Сабуров Николай Иванович родился в декабре 1915 года в Москве. Окончил общеобразовательную школу и поступил учиться. Работал сначала в театре рабочей молодежи (ТРАМ), впоследствии «Ленком», затем перешел в театр Революции (сейчас театр Маяковского), где работал до начала Великой Отечественной войны.

25 мая 1941 года был мобилизован в РККА для прохождения учебных сборов, но в связи с началом войны остался на службе.

Мобилизован Веневским районным военным комиссариатом Тульской области.

Погиб 29 марта 1942 года в Маутхаузене.

Несмотря на неоднократные и долгие поиски, семья получила информацию о нем только в 1990 году.

Елена Николаевна Волович, дочка

Цуркан Василий Романович (лагерный номер – 125139)

Мой дядя Цуркан Василий Романович, родившийся в сентябре 1926 года в селе Борщи, Котовского района Одесской области. В 1932 году его подростком родители привезли в Республику Узбекистан в город Нишан Каршинского района Кашкадарьинской области. Затем семья переехала в областной центр станция Карши, улица Октябрьская, дом 7.

С 1941 по 1944 год Василий работал в качестве шофёра в совхозе «Нишан», освобождён в связи с призывом в Советскую Армию.

С фронта от него получено 3 письма: 16.10.44 года (из города Днепропетровск, полевая почта 21714 «Д»), 28.09.44 года (из города Днепропетровск в письме он просит писать на временный адрес полевой почты 21714 «Д»), 05.11.44 года (полевая почта 33551).

Имеется справка из Каршинского Комиссариата № 2/1408 от 14.08.1945 года, что Цурканов (в справке допущена ошибка, надо написать Цуркан) Василий, 1926 г. рождения действительно призван Каршинским райвоенкоматом в августе (в справке плохо видно месяц и число) 1944 года и отправлен в расположение В.Ч. Красной Армии.

Имеется справка от 11.06.1951 года №2/695 из Каршинского горвоенкомата с просьбой моей бабушке явиться в военкомат к Начальнику 2 части майору тов. Вольскому Г.В. по вопросу розыска солдата Цуркан Василия Романовича. Подпись Капитан Сорокин, начальник 2 части ГРВК майор Вольский.

Родители и родные долго искали моего дядю, но результатов не было.

В 1999 году мой брат Василий, названный в честь дяди Васи, подарил мне книгу Е.А.Бродского «Они не пропали без вести». Книга посвящена героям фашистских застенков, на 452 странице книги есть список расстрелянных или замученных в концлагере Маутхаузен и его отделениях с 26 июня 1944 г. до конца войны. Большинство из них казнено за участие в антифашистской борьбе в южных и юго-западных районах гитлеровской империи. Список подготовлен к печати М.Е.Буровой.

В этом списке фамилия Цуркан Василий, родившийся 11 сентября 1926 года лагерный номер № 4516. Совпадает имя, фамилия, год и месяц рождения.

Мы писали в Москву по адресу книги, но безрезультатно.

В настоящее время в городе Гагарине (бывший Гжатск) живут сестры Василия Романовича Цуркан, Павлина Романовна и Прасковья Романовна, им за 80 лет, под Калугой в городе Воротынске живёт его младший брат Цуркан Геннадий Романович, ему в этом году исполняется 70 лет, он родился в 1941 году, память о брате и любовь к брату они сохранили до наших дней.

Свистова Галина Михайловна, племянница

Есипенко Василий Лазаревич

Есипенко Василий Лазаревич родился 03 сентября 1921 года в деревне Белогорка Манского района Красноярского края.

Родители переселились в Сибирь в конце XIX века из Сумской и Черниговской областей царской России.

После окончания четырех классов начальной школы работал в колхозе пастухом, помощником тракториста. В 1939 году окончил курсы трактористов, и, до призыва в армию, работал на машино-тракторной станции трактористом и заместителем бригадира тракторной бригады.

В январе 1940 года женился на Трехаевой Марии Тихоновне 1921 года рождения. В сентябре 1940 года в их семье родился сын.

13 апреля 1941 года был Манским РВК Красноярского края призван на службу в регулярную Красную Армию.

На момент начала Великой Отечественной войны служил в 130 танковом полку бывшей четвертой краснознаменной, ордена Красного знамени, имени Ворошилова кавалерийской дивизии, которую впоследствии переформировали в 210 моторизованную дивизию 11 механизированного корпуса (в/ч № 9722). На 22.06.1941 года 130 танковый полк, 210 моторизованной дивизии дислоцировался в г. Осиповичи Могилевской области Белорусской ССР.

25 июля 1941 года в боях при обороне г. Могилева, близ деревни Сухари попал в плен, вывезен в Германию. До 20 октября 1941 года находился в концлагере Шталаг VI В в г. Ной-Верзен (Ферзен) в Нижней Саксонии. Лагерный номер (в Шталаге VI В) - 35990. 20 октября 1941 года переведен в концлагерь Маутхаузен (Верхняя Австрия), куда доставлен с первой партией советских военнопленных 22 октября 1941 года. Лагерный номер в Маутхаузене - 7348. В обоих лагерях подвергся неоднократной насильственной вакцинации.

С 7 по 10 марта 1942 года находился в лазарете концлагеря Маутхаузен, где и умер, согласно выписки из записи о смерти № 5422/1962 особого отдела записей актов гражданского состояния, выданной Германским Красным крестом г. Бад-Арользен, в 8 часов утра 10 марта 1942 года. Причина смерти - генерализованный сепсис (общее заражение крови).

Имя Есипенко Василия Лазаревича увековечено:

- на мемориале памяти погибшим в Великой Отечественной войне в селе Шалинское Манского района Красноярского края;
- мемориальной табличкой на стене крематория мемориала «Маутхаузен» (Австрия).

Елена Малыгина (Есипенко), внучка

Автор выражает надежду на дальнейшее сотрудничество с родственниками бывших узников концлагеря Маутхаузен и продолжение создания Книги Памяти концлагеря Маутхаузен. Все предложения Вы можете написать по электронному адресу obrum@yandex.ru